ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПОКОЙНОМЪ МИТРОПОЛИТѢ КІЕВСКОМЪ

АРСЕНІѢ.

Профессора Кіевской Академіи Вас. Ѳед. Пѣвницкаго.

Изданіе редакціи Трудовъ Кіевской дух. Академіи.

КІЕВЪ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улиц., собственный домъ.
1877.

„Труды Кіевской духовной Академіи“ выходятъ книжками отъ 12 до 20 и болѣе листовъ ежемѣсячно, и притомъ *вначалѣ того мѣсяца, на который книга назначается* Цѣна годовому изданію на мѣстѣ *6 руб. 50 коп.*, съ пересылкою въ другіе города и доставкою на домъ въ г. Кіевѣ *7 рублей*.

Подписка принимается *главнымъ образомъ въ редакціи „Трудовъ Кіевской духовной Академіи“, въ г. Кіевѣ*; а также 1) въ книжныхъ магазинахъ Н. Я. Оглоблина (бывшихъ С. И. Литова)—въ Кіевѣ, на Крещатикѣ, д. С. И. Литова и въ С.-Петербургѣ, на малой садовой, д. № 4, и 2) у книгопродавца А. Н. Ферапонтова—въ Москвѣ.

Въ редакціи можно получать „Воскресное Чтеніе“ за слѣдующіе годы существованія журнала при Академіи I (1837—38), II (1838—39), V (1841—42), VI (1842—43), VII (1843—44), X (1846—47) XI (1847—48), XII (1848—49), XV (1851—52), XVII (1853—54), XVIII (1854—55), XIX (1855—56), XX (1856—57), XXI (1857—58), XXIII (1859—60), XXIV (1860—61), XXV (1861—62). XXVII (1863—64), XXVIII (1864—65), XXIX (1865—66), XXX (1866—67), XXXI (1867—68), XXXII (1868—69), XXXIII (1869—70), XXXIV (1870—71).

Воскресное Чтеніе продается на мѣстѣ по 2 руб. за годовой экземпляръ безъ пересылки, а съ пересылкою и укупоркою 2 руб. 60 коп.

„Труды Кіевской духовной Академіи“ продаются *по уменьшенной цѣнѣ*: 1860—1869 годы по 2 руб безъ пересылки, а съ пересылкою 2 р 60 к., за 1870—1873 годы по 3 руб. 50 коп. безъ пересылки. съ пересылкою 4 р. 60 к.; за 1874 годъ 4 руб 50 коп на мѣстѣ, съ пересылкою 5 р 50 коп., за 1875 годъ 6 руб., за 1876 г. 7 руб.

Выписывающимъ единовременно не менѣе 10 годовыхъ экземпляровъ „Трудовъ“ и „Воскреснаго Чтенія дѣлается уступка по 25 % съ номинальной цѣны; выписывающіе Воскресное Чтеніе“ получаютъ сверхъ того указатель къ первымъ 25 годамъ этого журнала.

Мѣсячныя книжки „Трудовъ“ 1860—1873 гг. отдѣльно продаются на мѣстѣ по 65 коп., съ пересылкою 75 коп.

Въ редакціи продаются книги:

(Цѣны на нѣкоторыя книги значительно понижены)

1) Толкованіе на первые 26 псалмовъ. Арсенія, Митрополита Кіевскаго въ 8 д. 634 стран.). Цѣна *(вмѣсто трехъ рублей)* 1 руб. 50 коп., съ перес. 1 руб. 75 коп.

2) Изъясненіе Божественной Литургіи, Высокопреосвященнаго Арсенія, Митрополита Кіевскаго (въ 8 д. 450 стр.). Ц. 1 р. 50 к , съ пер. 1 р. 75 к.

3) Бесѣды сельскаго священника съ прихожанами, 25 бесѣдъ Ц. 40 коп. съ пер. 55 коп.

4) Книга для назидательнаго чтенія. Изданіе второе, Ц 40 к съ пер. 55 к.

5) Сборникъ статей изъ Воскр. Чтенія (для народныхъ школъ). Ц. 20 к. съ пер 30 коп.

6) Пятидесятилѣтній юбилей Кіевской духовной Академіи Ц. 1 р. 25 к., съ пер 1 р. 40 коп.

7) Изслѣдованіе о талмудѣ. Ц. 40 коп., съ пер. 50 коп.

8) Девять историческихъ книгъ св. Писанія ветхаго завѣта, въ русск. перев. съ евр , съ примѣчан М. С. Гуляева Ц 1 р. 25 коп. *(см 1 р. 80 к.)*

9) Жизнь и творенія блаж. Августина. Ц 40 коп., съ перес. 50 коп.

10) Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ Ц 30 коп. *(см 70 к)*

11) Послѣдніе дни жизни Преосвящ Филарета, Митрополита Кіевскаго. Ц. 25 коп. *(см 50 коп)*

12) Описаніе 50-лѣтняго юбилея Высокопреосвященнаго Арсенія, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго. Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп

13) Списокъ начальниковъ, наставниковъ и воспитанниковъ Кіевской духовной Академіи первыхъ XXV курсовъ (1819—1869). Ц. съ пер. 10 к.

14) Указатель Воскреснаго Чтенія. Цѣн. 30 к. съ пер. 40 к.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПОКОЙНОМЪ МИТРОПОЛИТѢ КІЕВСКОМЪ

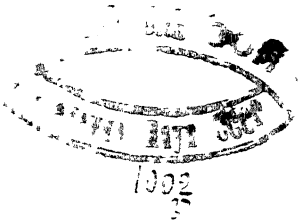
АРСЕНІѢ.

Профессора Кіевской Академіи Вас. Ѳед. Пѣвницкаго.

Изданіе редакціи Трудовъ Кіевской дух. Академіи

КІЕВЪ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улиц., собственный домъ.
1877.

Изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи" за 1876 и 1877 г.



ВОСПОМИНАНІЯ

о покойномъ митрополитѣ кіевскомъ Арсеніѣ.

Имя въ Бозѣ почившаго митрополита кіевскаго Арсенія принадлежитъ къ числу немногихъ дорогихъ именъ, обращавшихъ на себя въ послѣднія десятилѣтія вниманіе всего православнаго русскаго міра. Съ глубокимъ сочувствіемъ и уваженіемъ относились къ нему всѣ, пока онъ жилъ и дѣйствовалъ среди церкви. А когда его не стало среди насъ, всюду замѣтна была скорбь о тяжелой утратѣ, понесенной въ лицѣ его духовенствомъ и всею православною церковію. Въ продолженіе пятидесятитрехлѣтняго служенія богословской наукѣ, духовной школѣ и церкви православной онъ являлся въ разныхъ мѣстахъ нашего отечества, и вездѣ оставлялъ по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія. Занимая въ послѣдніе годы высокій постъ митрополита въ русской іерархіи, онъ пользовался значительнымъ авторитетомъ, сила и вліяніе котораго чувствовались не въ однихъ подвѣдомыхъ ему учрежденіяхъ. Принимая по званію члена св. Синода непосредственное и сильное участіе въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія своими воззрѣніями и своею дѣятельностію, онъ и оффиціально оказывалъ вліяніе на направленіе церковной жизни въ нашемъ

отечествѣ и оставлялъ по себѣ слѣдъ въ исторіи, замѣтный во всѣхъ предѣлахъ русскаго православнаго міра.

Надъ свѣжей могилой преждевременно представлять оцѣнку дѣятельности высокопоставленнаго лица. Съ его смертію не заканчиваются сразу его дѣйствія, которыя живутъ въ его распоряженіяхъ и въ его мнѣніяхъ, имѣющихъ значеніе руководства для практической сферы, подвѣдомой его вліянію; нужно время для того, чтобы они перешли изъ настоящаго въ область прошедшаго и закончили свой циклъ. Недавнія личныя отношенія возбуждаютъ въ каждомъ, знавшемъ почившаго, много чувствъ, которыя производятъ давленіе на спокойное сужденіе разсудка, и вносятъ субъективную одностороннюю окраску въ представленіе о дѣлахъ и заслугахъ только—что сошедшаго въ могилу. Мы и не беремъ на себя этой преждевременной задачи. Но долгъ уваженія и признательности, какія возбуждаетъ имя почившаго во всѣхъ, стоявшихъ къ нему въ какихъ либо отношеніяхъ, вызываетъ насъ почтить дорогое имя воспоминаніями о немъ, передавая которыя мы какъ бы продолжаемъ жить съ нимъ; а сохраняя черты его для себя, мы тѣмъ самымъ приготовляемъ и собираемъ матеріалъ для дальнѣйшей исторической оцѣнки отошедшаго отъ насъ дѣятеля.

Преосвященный Арсеній представляетъ изъ себя одну изъ тѣхъ крѣпкихъ, богато одаренныхъ и закаленныхъ въ трудѣ, натуръ, какихъ немало выпускала въ жизнь наша прежняя духовная школа. Его дарованія не были блестящи: и въ школѣ и въ жизни они не выявлялись сразу, и на тѣхъ, кто стоялъ близко къ нему, не производили сильнаго поражающаго впечатлѣнія, но они были тверды и основательны, и могли справиться съ какою угодно работою. Энергія и настойчивость въ трудѣ придавали еще болѣе несокрушимой твердости и обильной производительности богатымъ отъ при-

роды дарованіямъ. При своемъ крѣпкомъ физическомъ сложеніи покойный Арсеній въ теченіе всей своей долголѣтней жизни работалъ безустанно изо дня въ день, и при этомъ неустанномъ трудѣ находилъ для себя возможнымъ разомъ браться за нѣсколько дѣлъ, и всѣ ихъ совершать съ надлежащею отчетностію. Съ четырехъ часовъ утра начинался для него рабочій день, и только время богослуженія, пріемъ случайныхъ посѣтителей и легкій отдыхъ послѣ обѣда прерывали его ежедневную работу, то административно-распорядительную, то учено-литературную.

Характеромъ покойный Арсеній обладалъ твердымъ и энергическимъ, и волею сильною, которая при стремленіи къ намѣченной имъ благой цѣли не отступала предъ препятствіями, но смѣло выступала на борьбу съ ними. Онъ зналъ всѣ трудности того рода жизни, на который еще въ годы воспитанія посвящалъ себя на цѣлую жизнь; но колебанія не могло быть у него, какъ скоро сознанію его раскрылось, что это путь, наиболѣе угодный Богу, и наиболѣе соотвѣтствующій возвышеннымъ стремленіямъ души, ищущей спасенія и многоплодной дѣятельности. Во время его самостоятельнаго управленія разными частями онъ не имѣлъ обыкновенія поступаться своими мнѣніями, но непреклонно держался своихъ началъ, не смотря на просьбы сильныхъ, не смотря на ожидаемыя непріятныя столкновенія съ другими. Въ молодые годы замѣчали въ немъ вспыльчивость и раздражительность; но въ большей зрѣлости возраста и подъ старость воспоминаніе объ этой вспыльчивости сдѣлалось преданіемъ, и въ дѣятельности и обращеніи архипастыря виденъ былъ характеръ, въ высшей степени выдержанный и ровный. Крѣпкая воля умѣла сдерживать пылкую натуру, и проявленіямъ ея придавала видъ достоинства и спокойствія.

Въ житейскомъ быту, въ обращеніи съ другими, какъ

съ лицами высокопоставленными, такъ и съ своими подчиненными у него было много привѣтливости и мягкости. Живой, сообщительный, словоохотливый и неистощимый въ бесѣдахъ, онъ располагалъ къ себѣ всѣхъ приближавшихся къ нему. При немъ чувствовалось всѣмъ легко и пріятно, и въ бесѣдѣ съ нимъ каждый изъ подчиненныхъ видѣлъ въ немъ не столько начальника, сколько отца или даже друга. Безъ стѣсненія и съ полною откровенностію можно было говорить съ нимъ о всемъ,—о своихъ нуждахъ и потребностяхъ, о разныхъ направленіяхъ, замѣчаемыхъ въ литературѣ, жизни и политикѣ, о лицахъ и ихъ дѣйствіяхъ. Отеческая благость его снисходительно покрывала и смѣлыя и неумѣстныя заявленія, какія дозволяли себѣ передъ нимъ люди, ему подчиненные, ободренные тою близостію, въ какой онъ держалъ себя по отношенію къ людямъ, далекимъ отъ него по общественному положенію.

Религіозность и благочестіе были выдающимися свойствами покойнаго Арсенія. Святыня вѣры православной, ея цѣлость и чистота были главнымъ предметомъ архипастырской заботливости. Слѣдуя покорно руководству церкви во всѣхъ вопросахъ, на которые есть рѣшеніе въ писаніи, въ преданіи и опредѣленіяхъ соборовъ, онъ не могъ равнодушно видѣть маломальски неуважительное отношеніе къ этому руководственному голосу церкви въ комъ бы то ни было, и считалъ своимъ долгомъ и призваніемъ защищать и отстаивать неприкосновенность сокровища вѣры, хранимаго въ церкви, и горѣлъ святою ревностію не тогда только, когда видѣлъ посягательство на существенные пункты православія, но и тогда, когда подвергалась сомнѣнію и нападенію малѣйшая частность изъ утвержденнаго вѣками, и принимаемаго согласно отцами. Это онъ дѣлалъ въ томъ справедливомъ разсчетѣ, что измѣненіе, разъ допущенное въ маломъ, какъ неважное, повлечетъ за собою измѣненіе въ другомъ важнѣйшемъ, и въ утвержденной

церковію системѣ будетъ открытъ доступъ колебаніямъ и шатаніямъ. При немъ о всемъ можно было высказывать смѣлыя и свободныя сужденія; но либерализма въ дѣлѣ вѣры онъ не могъ сносить спокойно, и всякое легкомысленное сужденіе о святомъ дѣлѣ вызывало съ его стороны или рѣзкое замѣчаніе или останавливающее слово власти. Новое время, родившее много теорій, подкапывающихся подъ основы христіанства, пустившее много направленій, уклоняющихъ людей отъ спасительнаго руководства церкви, немало озабочивало его ревниво-православную душу, и онъ глубоко скорбѣлъ о растратѣ ничѣмъ незамѣнимаго сокровища вѣры новымъ обществомъ, гоняющимся за какими-то неопредѣленными идеалами, и сожалѣлъ о томъ, что, стремясь впередъ, люди не хотятъ брать съ собою нажитаго вѣками отеческаго наслѣдія, и расточительно разбрасывая его по пути, въ современной модной одеждѣ являются бѣдными и тощими по внутреннему содержанію. При умѣ глубоко-религіозномъ и консервативномъ покойный Арсеній не былъ врагомъ прогресса: онъ не враждовалъ съ новыми началами, и хотѣлъ только, чтобы движеніе впередъ было осмотрительное, чтобы старое не бросали и не попирали ногами потому только, что оное старое; цѣня пріобрѣтенія новой науки, онъ предпочиталъ имъ незыблемое ученіе, заключающее въ себѣ тайну нашего спасенія, и не вѣрилъ въ истинность и долговѣчность тѣхъ показаній и теорій научныхъ, которыя расходились съ началами богооткровеннаго ученія.

Благочестіе его, замѣтное для постороннихъ, выражалось въ неуклонномъ исполненіи уставовъ церкви и въ любви ко всѣмъ дѣйствіямъ молитвенно-богослужебнаго характера. Постъ, положенный церковію, онъ соблюдалъ во всей строгости, и въ дни первой и страстной седмицы великаго поста не разрѣшалъ себѣ даже употребленіе чая, даже послѣ совершенія литургіи преждеосвященныхъ даровъ. Совершеніе богослуженія

было для него однимъ изъ самыхъ пріятныхъ дѣйствій, и онъ никогда не тяготился имъ, какъ бы часто ни приходилось ему совершать священнодѣйствіе, въ особенности важнѣйшее изъ священнодѣйствій—божественную литургію. Во всѣхъ церковныхъ процессіяхъ онъ готовъ былъ принимать участіе, и почти не было примѣра, чтобы онъ по чему-либо отказался отъ участія въ священномъ дѣлѣ. Нельзя было безъ умиленія смотрѣть, какъ старецъ каждогодно 15 іюля, въ день памяти св. равноапостольнаго просвѣтителя Россіи великаго князя Владиміра, совершалъ крестный ходъ, послѣ литургіи въ Десятинной церкви, по горамъ кіевскимъ къ часовнѣ, построенной на берегу Днѣпра на предполагаемомъ мѣстѣ крещенія древнихъ кіевлянъ при Владимірѣ, въ нелегкомъ облаченіи, подъ палящими лучами полуденнаго солнца, обливаясь потомъ, когда отъ жары изнемогали люди, и не участвующіе въ крестномъ ходу, не стоявшіе обѣдни, а только вышедшіе посмотрѣть замѣчательную церковную процессію. Москва дивилась неутомимости въ священнослуженіи покойнаго мотрополита Арсенія, когда онъ явился въ ней для погребенія митрополита Филарета, и когда онъ цѣлую недѣлю неустанно участвовалъ въ богослуженіи, въ особенности когда въ самый день погребенія болѣе десяти часовъ не оставлялъ молитвеннаго подвига, облачившись въ восемь часовъ утра въ московскомъ Кремлѣ, и оставивъ священное облаченіе въ седьмомъ часу вечера въ Сергіевой Лаврѣ.—Но при всей строгости благочестія покойнаго митрополита Арсенія, въ немъ не было ничего суроваго и исключительнаго. Во всей точности исполняя уставъ церкви, онъ не былъ анахоретомъ. Онъ любилъ общество и откровенную бесѣду, охотно допускалъ къ себѣ желавшихъ принять его благословеніе и поучиться у него христіанской мудрости и практической опытности, и самъ охотно принималъ приглашенія. Ему пріятно было раздѣлять трапезу съ

людьми, ему подчиненными или близкими къ нему въ какомъ либо отношеніи, и въ этомъ случаѣ онъ становился другомъ и товарищемъ раздѣлявшихъ съ нимъ трапезу, входя въ разнообразные разговоры, выслушивая замѣчанія, дѣлясь своею опытностію и своими знаніями, занимая всѣхъ разсказами о быломъ, имъ испытанномъ, видимомъ или слышанномъ, не чуждаясь шутки и остроты. Среди такой бесѣды виденъ былъ житейскій человѣкъ, ко всѣмъ близкій, во всемъ принимающій участіе, а не суровый аскетъ. Не простое развлеченіе отъ трудовъ находилъ покойный Арсеній въ откровенной бесѣдѣ за трапезою съ своими подчиненными или пасомыми. Чрезъ близкое общеніе, до какого снисходилъ покойный Арсеній по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, укрѣплялись и расширялись связи у пастыря съ пасомыми, у начальника съ подвѣдомыми ему людьми. Онъ ближе узнавалъ тѣхъ, съ которыми приходилось служить ему, и лучше могъ видѣть нужды и настроеніе среды, на которую и при посредствѣ которой онъ долженъ былъ дѣйствовать въ оффиціальной своей сферѣ. Здѣсь же, на неоффиціальныхъ собраніяхъ, въ простой бесѣдѣ открывался случай къ сообщенію и проведенію многихъ полезныхъ замѣчаній, для которыхъ иначе нужны бы были нарочитыя собранія, и которыя въ оффиціальной формѣ могли бы показаться жесткими и тяжелыми.

Въ своей домашней жизни покойный Арсеній былъ крайне простъ. Потребности его были самыя умѣренныя и ограниченныя. Въ столѣ три блюда, самыя простыя и неизысканныя, и ученый поваръ не находилъ у него работы, и даже опасался забыть то, чему научился въ другихъ мѣстахъ. Каѳедра волынская, а въ особенности кіевская доставляли ему богатыя средства. Но эти богатыя средства не возбуждали въ немъ духа стяжательности, и отнюдь не располагали его къ роскоши. Имѣя ихъ въ своемъ распоряженіи, онъ мало тратилъ ихъ на

самаго себя, а главнымъ образомъ употреблялъ ихъ на дѣла богоугодныя и на дѣла благотворенія. Каждый годъ онъ ознаменовывалъ какою либо крупною жертвою или на церкви и обители, или на вспомоществованіе нашимъ православнымъ миссіямъ, или на пользу духовной школы и православной науки, или на вспомоществованіе нуждающемуся духовенству и призрѣніе вдовъ, сиротъ и престарѣлыхъ членовъ духовенства, или на облегченіе нуждъ городовъ и мѣстностей, постигнутыхъ какимъ либо несчастіемъ, напримѣръ пожаромъ или голодомъ вслѣдствіе неурожая, или на нужды какихъ либо полезныхъ братствъ и учрежденій. Мы не перечисляемъ всѣхъ пожертвованій и благотвореній покойнаго митрополита: большинство изъ нихъ не предано было гласности и извѣстно только принявшимъ благотворительную жертву. Но мы не преувеличимъ, если скажемъ, что каждое обращеніе къ общественной благотворительности встрѣчало въ почившемъ митрополитѣ сочувственный откликъ, сопровождавшійся болѣе или менѣе щедрымъ приношеніемъ. Помогая чужимъ въ трудныхъ обстоятельствахъ, покойный митрополитъ не оставлялъ своими щедротами и родныхъ своихъ. Онъ помнилъ слово Апостола: *аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8), и дѣлалъ изъ этого указанія широкое приложеніе. Родныхъ къ нему являлось много: онъ всѣхъ ихъ радушно принималъ, часто не справляясь, какого рода и какой степени то родство, во имя котораго обращались къ нему, и щедрою рукою давалъ помощь всѣмъ и близкимъ и дальнимъ роднымъ, нужды которыхъ были ему извѣстны, и о которыхъ онъ зналъ, что они не злоупотребятъ его помощью. Не только родные, братъ и сестра (до нынѣ здравствующая и живущая вмѣстѣ съ мужемъ своимъ заштатнымъ протоіереемъ на родинѣ покойнаго митрополита), и ихъ дѣти знали его щедрость и го-

товность его поддерживать своихъ присныхъ во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, но и двоюродные и троюродные племянники и внуки не были забыты имъ. Одинъ изъ нихъ (Яхонтовъ), привѣтствуя его съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ достославнаго служенія въ священномъ санѣ, воспоминалъ предъ нимъ благодѣянія, оказанныя ему лично и отцу его. «Не столько по кровному родству (писалъ онъ 1), сколько по свойственному Вамъ состраданію ко всѣмъ бѣднымъ и неимущимъ, бѣдный отецъ мой и вся наша семья постоянно пользовалась Вашимъ покровительствомъ и пособіемъ: мнѣ лично стоило лишь заявить Вамъ о недостаточности средствъ къ моему образованію, чтобы тотчасъ же получить отъ Васъ эти средства... Предоставивъ мнѣ возможность начать и окончить воспитаніе въ высшемъ учебномъ заведеніи, Вы и по опредѣленіи моемъ на службу не упускали меня изъ виду, не отказывая мнѣ никогда ни въ матеріальной помощи, ни въ нравственной поддержкѣ. Такимъ образомъ и воспитаніемъ, и успѣхами по службѣ своей, и вообще настоящимъ обезпеченнымъ положеніемъ я обязанъ преимущественно Вамъ». Подобныхъ этому свидѣтелю могло найтись много среди немалочисленнаго родства покойнаго, изъ котораго многіе при немъ пріютились, и составили себѣ положеніе, благодаря его поддержкѣ и покровительству.

Митрополитъ Арсеній былъ сынъ діакона села Воронья костромской губерніи и костромскаго уѣзда Павла Михайлова Москвина. Родился онъ впрочемъ не въ своемъ селѣ, а въ другомъ, въ домѣ дѣда своего. На праздникъ Троицы мать его, вмѣстѣ съ мужемъ, отправилась къ своимъ родителямъ, и когда гостила у нихъ, ей наступило время разрѣшенія отъ бремени.

---

1) Пятидесятилѣтній юбилей высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго, стр. 171.

Рожденный и крещенный здѣсь Ѳеодоръ и былъ впослѣдствіи митрополитъ кіевскій и галицкій Арсеній. Годомъ рожденія своего митрополитъ Арсеній считалъ 1797 годъ. Но за точность этого указанія не могъ ручаться и самъ покойный Арсеній. По словамъ близкихъ къ нему лицъ, о его рожденіи и крещеніи не было записи въ метрическихъ книгахъ: дѣдъ его думалъ, что эту запись внесутъ въ метрическія книги села Воронья, гдѣ жили его родители, и потому не считалъ нужнымъ вносить ее въ метрическія книги своего села, а отецъ его полагалъ, что о рожденіи и крещеніи его сына записано тамъ, гдѣ родился и крещенъ его сынъ, и потому нѣтъ этой записки въ метрикѣ села Воронья. Когда пріѣзжали въ Кіевъ, къ дню пятидесятилѣтняго юбилея митрополита Арсенія, его костромскіе сверстники по лѣтамъ, разныя припоминанія и сопоставленія изъ перваго періода жизни покойнаго митрополита, сдѣланныя вмѣстѣ съ костромичами, побудили его отодвинуть время своего рожденія къ 1796 году.

До самой преклонной старости покойный митрополитъ Арсеній любилъ свою родину, и относился къ ней съ непосредственнымъ чувствомъ сына, ей всецѣло преданнаго: онъ съ радостію встрѣчалъ каждаго костромича, и не хотѣлъ отдѣлять себя отъ своихъ земляковъ. Ему пріятно было похвалиться уроженцами костромской земли, снискавшими себѣ имя въ исторіи или пріобрѣтшими извѣстность между современниками, отъ Сусанина до Коммиссарова—костромскаго. Когда послѣднему суждено было въ наши дни отвратить ударъ, направленный на Государя Императора, и тѣмъ спасти для Россіи драгоцѣнную жизнь, покойный Арсеній вдвойнѣ радовался, какъ русскій вѣрноподданный, и какъ костромичъ, и во главѣ депутаціи костромичей имѣлъ счастіе выражать свои радостныя вѣрноподданническія чувства Государю Императору, по случаю спасенія его отъ руки злодѣя.—Съ своими товарищами

го семинаріи онъ встрѣчался, какъ старый другъ и пріятель, и обращался съ ними, какъ равный имъ или какъ родной для нихъ, въ какомъ бы общественномъ положеніи ни находились они. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали къ нему въ Кіевъ на торжество пятидесятилѣтняго его юбилея (протоіерей Аскаронскій), и были приняты имъ весьма радушно, на ряду съ самыми почетными его гостями. Съ ними охотно пускался онъ въ воспоминанія о былой семинарской жизни, распрашивалъ ихъ о другихъ своихъ товарищахъ, о ихъ положеніи и ихъ родныхъ, и во всѣхъ принималъ самое теплое участіе. Товарищеская близость, въ какой держалъ себя покойный митрополитъ по отношенію къ своимъ знакомымъ по семинарскому воспитанію, внушала инымъ изъ нихъ смѣлость обращаться къ нему съ просьбами, и довольно щекотливыми, напримѣръ о томъ, чтобы онъ обратилъ вниманіе кого слѣдуетъ на нихъ при представленіи къ наградамъ, для того, чтобы имъ не оставаться позади своихъ сверстниковъ; и если онъ находилъ подобныя просьбы справедливыми, онъ не оставлялъ ихъ совершенно безъ отвѣта и удовлетворенія. Въ какое бы время ни являлись къ нему извѣстные ему костромичи, всегда для нихъ готовъ былъ у него какъ бы родственный привѣтъ. «Кто не испыталъ щедротъ Вашего Высокопреосвященства (писалъ къ нему [1]) въ юбилейномъ привѣтствіи священникъ г. Костромы Богородицкой тюремной церкви Іоаннъ Вознесенскій)? Всѣ, кому приходилось принимать Ваше святительское благословеніе, всѣ были согрѣваемы Вашею архипастырскою, отеческою любовію, совѣтомъ и благожеланіемъ, и всѣ нуждающіеся находили въ Васъ отца и благодѣтеля. И я въ 1870 году сентября 2-го дня имѣлъ счастіе лично видѣть вашу архипастырскую любовь и расположеніе». «Родичей своихъ (говорилось въ

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей высокопр. митр. Арсенія, стр. 160

адресѣ костромскаго духовенства, поднесенномъ ему въ день юбилея) ты встрѣчаешь всегда и вездѣ съ особенною благостію и отеческимъ привѣтомъ [1])».

Не однимъ радушнымъ привѣтомъ своимъ землякамъ доказывалъ покойный Арсеній свою любовь къ роднѣ. *Родственную связь* съ Костромою (по словамъ адреса костромскаго духовенства) онъ *возвысилъ, умножилъ и укрѣпилъ многими благодѣяніями иноческимъ обителямъ, храмамъ, учащемуся юношеству и духовенству.* Приснопамятно будетъ имя его въ его родномъ селѣ: тамъ онъ устроилъ, говорятъ, колоколъ въ 500 пудовъ, и сдѣлалъ вклады на тамошній причтъ и на тамошнюю церковь, для поминовенія своихъ родителей. На его пожертвованія получаютъ пособіе и содержаніе нѣкоторые изъ бѣдныхъ учениковъ той семинаріи, въ которой онъ учился. Въ послѣдніе годы имъ принесено костромскому духовенству тридцать пять тысячъ рублей на устроеніе пріюта для престарѣлыхъ, вдовъ и сиротъ духовнаго званія. Не даромъ костромское духовенство гордилось имъ, и называло его своею *славою, честію, радостію, утѣшеніемъ, надеждою* [2]). Не даромъ почтило оно особенно усердными молитвами о здравіи и спасеніи митрополита кіевскаго Арсенія, какъ своего приснаго, знаменательный для него день 6-го августа 1873 года, когда воспоминалось пятидесятилѣтіе его служенія въ священномъ санѣ [3]).

Дѣтство свое и годы воспитанія провелъ покойный митрополитъ Арсеній такъ, какъ проводятъ его большая часть

---

[1]) Пятид. юбилей высокопр. митрополита Арсенія, стр. 32.

[2]) Адресъ костромскаго духовенства высокопреосв. митрополиту Арсенію въ день пятидесятилѣтняго его юбилея, стр. 32.

[3]) Пятидес. юбилей выс. митр. Арсенія. Письмо Платона, архіепископа костромскаго, стр. 70.

духовныхъ воспитанниковъ, и своимъ образованіемъ и поддержкою своего существованія въ отрочествѣ и юности обязанъ былъ не внѣшнимъ средствамъ, какихъ у него не было, а главнымъ образомъ помощи Божіей и тѣмъ скуднымъ лептамъ, какія удѣляла наша небогатая церковь на поддержаніе своихъ школъ и на воспитаніе дѣтей духовенства. Отца своего онъ лишился очень рано, и мать его съ дѣтьми еще въ молодые годы осталась вдовою безъ всякихъ опредѣленныхъ средствъ жизни. Извѣстно, каково положеніе вдовъ и сиротъ въ духовенствѣ. Они живутъ Христомъ, да добрыми людьми. Существующій штатный причтъ дастъ мѣсто просвирни вдовѣ, если свободно такое мѣсто, пожалуй удѣлитъ клочокъ земли, приписанной къ церкви, съ котораго бы она могла добывать часть хлѣба для годоваго пропитанія своей семьи. Нужда заставляетъ вдову съ дѣтьми ходить въ большіе праздники по приходу, и собирать себѣ за славленіе или гроши или ковши зерна. Понятно, какъ неприглядна и скудна жизнь, поддерживаемая такими ненадежными и тяжелыми средствами, и эта неприглядная жизнь выпала на долю Ѳеодора Москвина, впослѣдствіи митрополита Арсенія. По собственнымъ словамъ его, сказаннымъ въ день исполнившагося пятидесятилѣтія его служенія въ священномъ санѣ, дни юности ему суждено было провести *въ сиротствѣ и нуждѣ*, и все, чѣмъ пользовался онъ, и что служило къ устроенію его жизни, относилъ онъ *къ особенной милости Божіей*, отъ *дней юности и до престарѣнія, къ нему явленной и являемой* [1]). Намъ случалось слышать его разсказы о дняхъ своего отрочества, къ какимъ онъ нерѣдко обращался въ годы своей старости. Живо припоминались ему тѣ нужды и лишенія, среди которыхъ протекало его дѣтство, но въ этихъ воспоминаніяхъ не слышалось никакой горечи и чув-

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей высокопр. митр. Арсенія, стр 39.

ства обиды; напротивъ въ нихъ замѣтно было сладкое чувство умиленной души, исповѣдующей благодѣявшую ей руку Божію, сказывалась благодарность къ матери, находившей средства къ пропитанію дѣтей своихъ, и ничего не щадившей для нихъ, и добрая память о всѣхъ, которые только не обижали его сиротства и вдовства его матери. Подобно другимъ семинаристамъ, въ рождественскіе праздники и на пасху онъ ходилъ вмѣстѣ съ священникомъ и причтомъ по домамъ прихожанъ, и, собравъ рубль или два ассигнаціями, приносилъ ихъ своей матери, а къ помѣщику своего села и вообще къ прихожанамъ болѣе почетнымъ являлся съ рацеями и стихами. Живость мальчика и его бойкія способности замѣчены были помѣщикомъ, жившимъ въ приходѣ церкви села Воронья, и онъ приходилъ въ восхищеніе отъ его рѣчей, произносимыхъ предъ нимъ въ праздники. Хваля мальчика, внимательный помѣщикъ отличалъ его ласкою и подарками даже предъ дѣтьми священника, чѣмъ возбуждалъ зависть въ послѣднихъ къ бѣдному сиротѣ діакона. До послѣднихъ дней покойный Арсеній сохранялъ добрую память объ этомъ помѣщикѣ, доставлявшемъ по временамъ своимъ вниманіемъ нѣсколько сладкихъ минутъ мальчику въ годы его невеселаго отрочества, а чрезъ него и его матери, жившей единственно счастіемъ и радостію дѣтей своихъ.

Поступивши въ костромское духовное училище, Ѳеодоръ Москвинъ жилъ на квартирѣ въ домѣ костромскаго мѣщанина Волкова. Хозяйка его была женщина заботливая и богобоязненная: роскоши никакой не могла доставить она жившимъ у ней дѣтямъ, получая отъ нихъ самую скудную плату за квартиру и содержаніе, но не смотрѣла на нихъ, какъ на чужихъ, а относилась къ нимъ съ добрымъ какъ бы родственнымъ участіемъ. Она заботилась объ ихъ чистотѣ и опрятности, напоминала имъ правила христіанскаго благоповеденія

и учила ихъ страху Божію. Можетъ быть, инымъ казались смѣшными наставленія простой женщины, которая присвояла себѣ право и считала не лишнимъ учить воспитанниковъ школы: но они выходили изъ добраго сердца, и на мягкую душу производили благопріятное вліяніе. По крайней мѣрѣ покойный митрополитъ Арсеній всегда добрымъ словомъ воспоминалъ свою заботливую и богобоязненную хозяйку, у которой жилъ онъ, обучаясь въ духовномъ училищѣ, и впослѣдствіи въ благодарность за участіе къ нему матери оказывалъ расположеніе ея дѣтямъ и давалъ имъ, когда они напоминали о себѣ, матеріальное вспомоществованіе.

Курсъ ученія въ училищѣ и семинаріи для Ѳеодора Москвина не ознаменовался ничѣмъ особеннымъ. Система ученія не представляла особенныхъ трудностей для него, при его живыхъ способностяхъ. Ученіе велось по строгой классической системѣ. Въ училищѣ главное занятіе состояло въ изученіи языковъ латинскаго и греческаго, и однимъ изъ первыхъ средствъ къ этому было постоянное упражненіе учениковъ въ письменныхъ переводахъ съ латинскаго и греческаго языка на русскій и обратно. Языки древніе, въ особенности латинскій, въ училищѣ изучали такъ хорошо, что по переходѣ въ семинарію безъ затрудненія могли слушать и отвѣчать уроки на латинскомъ языкѣ, и на латинскомъ же языкѣ, съ перваго класса словесности, писали сочиненія. Предметовъ изученія было немного и въ семинаріи, какъ и въ училищѣ. Цѣль, которой старались достигать въ школѣ, состояла не въ многознаніи, а въ дрессировкѣ мысли, въ укрѣпленіи ея логической силы. Изъ школы выходили не полигисторы, а крѣпкіе мыслители, съ прекрасно выдержанными діалектическими силами, способные къ ученому и ко всякому другому труду, на какой бы ни натолкнула ихъ судьба. Будучи въ богословскомъ классѣ или высшемъ отдѣленіи семинаріи, Ѳеодоръ Москвинъ

былъ лекторомъ или преподавателемъ греческаго языка ученикамъ низшихъ классовъ, что тогда было въ обычаѣ по отношенію къ лучшимъ воспитанникамъ семинаріи. Его ученикомъ по греческому языку былъ между прочимъ извѣстный нынѣ знатокъ греческаго языка, докторъ эллинской словесности, преосвященный Порфирій, епископъ чигиринскій. Такимъ образомъ, педагогическая дѣятельность покойнаго митрополита Арсенія началась прежде, чѣмъ онъ закончилъ свое среднее семинарское образованіе.

Въ 1819 году Ѳеодоръ Москвинъ, какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ семинаріи, былъ отправленъ для продолженія ученія въ С.-Петербургскую духовную Академію. Это былъ уже пятый курсъ въ С.-Петербургской духовной Академіи, по ея преобразованіи въ 1809 году; онъ соотвѣтствовалъ первому курсу Кіевской духовной Академіи, преобразованной въ 1819 году, въ которомъ учился и который прославилъ впослѣдствіи знаменитый Иннокентій Херсонскій. Въ Академіи ближайшимъ товарищемъ покойнаго митрополита былъ В. Б. Бажановъ, нынѣ протопресвитеръ, духовникъ Ихъ Величествъ, членъ св. Синода и главный священникъ гвардейскаго корпуса (въ выпускномъ спискѣ они поставлены рядомъ,— Бажановъ 7, іеродіаконъ Арсеній 8). Кромѣ Бажанова изъ товарищей покойнаго Арсенія пользовались извѣстностію Ксенофонтъ Делекторскій, профессоръ словесности и въ свое время замѣчательный проповѣдникъ, и Виталій, бывшій съ 8 іюня 1833 года по іюнь 1837 годъ ректоромъ С.-Петербургской Академіи, скончавшійся въ санѣ епископа костромскаго. Изъ наставниковъ Академіи покойный Арсеній считалъ себя наиболѣе обязаннымъ ректору Академіи и профессору богословія Григорію (Постникову), управлявшему Академіею непосредственно послѣ Филарета Дроздова, и бывшему впослѣдствіи митрополитомъ новгородскимъ и санктъ-петербург-

Библиотека СОИ
АН АПН СССР

скимъ. Человѣкъ сильнаго духа и благочестія, усердно занятый своимъ дѣломъ и самостоятельно разработывавшій богословскую науку, Григорій внушалъ къ себѣ невольное уваженіе въ своихъ слушателяхъ, и производилъ на нихъ самое доброе вліяніе. Его прямота и простота обращенія съ студентами, при высокомъ авторитетѣ, какимъ онъ пользовался, его справедливость и безпристрастіе, его заботливость о благѣ воспитанниковъ Академіи располагали послѣднихъ съ довѣріемъ относиться къ нему и ко всѣмъ его распоряженіямъ, и создавали отношенія, полныя самой глубокой преданности. Не всѣ въ одинаковой степени питали расположеніе къ своему достойному ректору; но покойный Арсеній съ перваго года своей академической жизни былъ его самымъ искреннимъ и усерднымъ почитателемъ и свои чувства къ нему сохранялъ до послѣднихъ дней своей жизни. И ректоръ Григорій обратилъ особенное вниманіе на способнаго, усерднаго и аккуратнаго студента Москвина, въ особенности когда послѣдній, по переходѣ въ старшій курсъ, принялъ монашество съ именемъ Арсенія (11 сентября 1821 года и 14 дня того же мѣсяца и года посвященъ въ іеродіакона), и онъ былъ виною быстраго движенія по службѣ покойнаго Арсенія, указавъ на него коммиссіи духовныхъ училищъ, какъ на энергическаго и умнаго человѣка, которому съ полною надеждою на успѣхъ можно давать самыя трудныя порученія.

Кончивъ курсъ Академіи въ 1823 году со степенью магистра, 1 августа тогоже года Арсеній опредѣленъ былъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ туже Академію, въ которой получилъ окончательное образованіе, и 5-го августа рукоположенъ былъ въ іеромонаха. Первое служеніе въ санѣ іеромонаха (6 августа 1823 года, на другой день по рукоположеніи) доставило его благоговѣйной душѣ особенное удовольствіе. Чрезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ день своего юбилея, 6 августа

1873 года, онъ съ сердечнымъ умиленіемъ вспоминалъ дорогія для него и неизреченно сладостныя минуты, «когда душа моя (говорилъ онъ [1]), обновленная и оживленная силою и дѣйствіемъ новопринятой благодати, въ смиренной молитвѣ, и при трепетномъ благоговѣніи легко и удобно возносилась къ Богу благодѣтелю».

Учебная служба покойнаго Арсенія началась подъ непосредственнымъ руководствомъ ректора Григорія, бывшаго тогда епископомъ ревельскимъ. По званію баккалавра богословскихъ наукъ онъ былъ прямымъ помощникомъ Григорія, занимавшаго каѳедру богословія въ Академіи съ званіемъ ординарнаго профессора. Преподававшій въ разное время всѣ богословскія науки, или въ полномъ составѣ или по частямъ, Григорій своими знаніями и опытностію, въ особенности на первыхъ порахъ, могъ руководить, и дѣйствительно руководилъ тѣхъ, которыхъ избиралъ помощниками себѣ по преподаванію той или другой частной богословской науки. А это руководство было необходимо для человѣка, который, подобно Арсенію, прямо изъ-за студенческой скамьи переходилъ на каѳедру богословія въ высшемъ учебномъ заведеніи. Молодому баккалавру поручено было читать ученіе о священномъ писаніи ветхаго завѣта и нравственное богословіе. Начавъ излагать съ академической каѳедры двѣ отрасли богословской науки, почти на другой день послѣ сдачи студенческаго экзамена, онъ не могъ выносить сюда только результаты своей самостоятельной работы: сила обстоятельствъ заставляла его идти по стопамъ своихъ предшественниковъ и пользоваться плодами трудовъ ихъ. Но энергическій трудъ, скоро помогъ ему стать полнымъ хо-

---

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей высокопреосв. Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго, стр. 38.

зяпномъ своей науки: работая неутомимо, онъ быстро усвоилъ себѣ результаты научныхъ изслѣдованій по предмету своей каѳедры, какіе предлагала не только наша, но и иностранная богословская литература, и лекціи его стояли въ уровень съ тогдашнимъ научнымъ движеніемъ. Онѣ вполнѣ отвѣчали § 122 проэкта устава духовныхъ академій, по которому требовалось, «чтобы авторы и учебныя книги профессоровъ были въ своемъ родѣ самыя лучшія, и чтобы они всегда держались на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами въ каждой наукѣ». Студенты дорожили этими лекціями: вмѣстѣ съ ними онѣ переходили въ семинаріи, въ которыхъ являлись преподавателями слушатели покойнаго Арсенія, и долгое время служили учебнымъ руководствомъ, по которому изучали преподанную въ Академіи Арсеніемъ часть богословской науки многія поколѣнія въ разныхъ семинаріяхъ. У преосвященнаго Софоніи, епископа туркестанскаго (бывшаго студента VII курса С.-Петербургской Академіи Стефана Сокольскаго) до послѣднихъ дней сохранялись уроки по священному писанію ветхаго завѣта, читанные баккалавромъ іеромонахомъ Арсеніемъ въ 1823—1825 годахъ, въ рукописи, писанной пр. Софоніею во время его студенчества, и съ этой рукописи они изданы были редакціею Трудовъ Кіевской духовной Академіи подъ заглавіемъ: «*Введеніе во свящ. книги ветхаго завѣта*[1])».

Лекціи, читанныя баккалавромъ іеромонахомъ Арсеніемъ, и изданныя въ 1873 году съ рукописи преосв. Софоніи имѣютъ большое сходство съ записками, изданными въ одномъ московскомъ журналѣ (Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія, 1873 г.) съ именемъ покойнаго Филарета московскаго. Это сходство показалось многимъ

[1]) См. Труды Кіевской д. Академіи, іюнь и іюль 1873.

очень подозрительнымъ и возбудило разныя недоумѣнія. Но покойный Арсеній, излагавшій свои уроки тотчасъ же по выходѣ изъ-за студенческой скамьи, не былъ полнымъ совершенно самостоятельнымъ авторомъ своего «Введенія въ св. книги ветхаго завѣта»; онъ былъ только составителемъ ихъ, и при составленіи ихъ не могъ не руководствоваться готовыми трудами. Въ этомъ отношеніями онъ не уклонялся отъ требованій проэкта устава духовныхъ академій, который вмѣнялъ въ обязанность правленіямъ академій, при разсмотрѣніи профессорскихъ конспектовъ, наблюдать, чтобы *авторы и учебныя книги профессоровъ избираемы были самыя лучшіе.* Мы не знаемъ, въ какой бѣрѣ самостоятельны записки на книги ветхаго завѣта, напечатанныя съ именемъ Филарета, митрополита московскаго, въ московскомъ журналѣ Въ свое время, при жизни митрополита Филарета, онѣ не были изданы подобно запискамъ на книгу Бытія, обработаннымъ авторомъ самостоятельно. Можетъ быть, и онѣ имѣютъ въ основаніи своемъ другаго руководителя, и стоятъ въ большомъ подчиненіи какому либо автору, русскому или иностранному, и чужому труду, рукописному или печатному.

Будучи наставникомъ Академіи, покойный Арсеній умѣлъ поставить себя въ самыя лучшія отношенія къ своимъ слушателямъ. Студенты, его слушавшіе, не много разнились отъ него лѣтами, и были почти сверстниками его. Сходство въ лѣтахъ между молодымъ наставникомъ и его слушателями создавало близкія отношенія между ними. Свѣжее воспоминаніе о студенческомъ бытѣ у баккалавра, только что оставившаго студенческую скамью, побуждало его входить въ интересы студентовъ, если не прямо раздѣлять ихъ. Была у него товарищеская близость къ тѣмъ, которые заняли мѣсто, только что имъ оставленное; но тактъ, какимъ онъ обладалъ всегда, этой близости давалъ новую форму, соотвѣтствовавшую новому его положенію. Студенты и любили своего молодаго настав-

ника, не хотѣвшаго чуждаться ихъ и ихъ интересовъ, но въ тоже время чтили и уважали его за его характеръ и за его труды на ихъ пользу. Въ эти годы у него завязались со многими слушателями связи, которыя потомъ не прерывались во всю жизнь. Привыкшіе любить и уважать его съ студенческой скамьи влеклись къ нему всѣми расположеніями своего сердца, и бывшій добрый наставникъ взаимною любовію отвѣчалъ на эти расположенія къ нему, приходилось ли ему служить вмѣстѣ съ своими бывшими слушателями, или жить вдали отъ нихъ. Такія отношенія были у него съ преос. Софоніею, епископомъ туркестанскимъ, который изъ Копала со слезами радости привѣтствовалъ съ пятидесятилѣтнимъ служеніемъ въ церкви Христовой своего достойнѣйшаго наставника, отца и благодѣтеля, и просилъ его принять сыновній привѣтъ отъ себя, всегда одинаково его любившаго, любящаго и уважающаго [1]). Другой бывшій его слушатель, Платонъ, архіепископъ донскій и новочеркасскій, изъ отдаленной страны явился въ Кіевъ на юбилей покойнаго митрополита, и стоя во главѣ его почитателей, сошедшихся на юбилейный праздникъ, открывая привѣтствія высокопреосвященному юбиляру, въ этомъ привѣтствіи выражалъ и свое глубокое *уваженіе* къ нему, какъ бывшій его ученикъ по Академіи и подчиненный сослуживецъ по Орловской семинаріи, въ близкомъ отношеніи къ нему узнавшій на дѣлѣ отличныя качества его ума и сердца, и вмѣстѣ съ тѣмъ свою искреннюю признательность, любовь и преданность ему за то постоянно—доброе расположеніе, какое бывшій наставникъ оказывалъ своему бывшему слушателю, при всѣхъ перемѣнахъ въ ихъ взаимномъ положеніи, и за тѣ благодѣянія, которыя не разъ онъ оказывалъ ему словомъ и дѣломъ [2]).

---

1) Пятидесятилѣтній юбилей Высокопр. митрополита Арсенія, стр. 78—9.
2) Тамъ-же. стр. 14.

Въ Академіи учебная служба покойнаго Арсенія продолжалась всего два года. Кромѣ должности наставника Академіи, въ это кратковременное служеніе онъ исполнялъ еще должность библіотекаря Академіи. Принимая эту должность, онъ думалъ чрезъ нее легче и скорѣе удовлетворить своей любознательности, такъ какъ она поставляла его въ постоянное и неприкосновенное соприкосновеніе съ тѣмъ книжнымъ богатствомъ, какимъ владѣла Академія. На другой годъ своей службы (16 октября 1824 года), во вниманіи къ усердію и рвенію по исполненію своихъ обязанностей, онъ получилъ первую награду, бывъ сопричисленъ къ соборнымъ іеромонахамъ александро-невской лавры.

Покойный Арсеній надѣялся долго служить въ Академіи. Наука, которой онъ съ жаромъ предался на первыхъ порахъ своей самостоятельной дѣятельности, привлекла къ себѣ всю его душу, и въ два года учебной службы онъ только что очистилъ путь, ведшій къ тайнамъ науки. Но когда онъ собирался свободнѣе самостоятельнѣе вести другой курсъ лекцій по предмету, ему указанному,—вдругъ неожиданно онъ получаетъ другое назначеніе. Въ Могилевской семинаріи замѣчены были разныя упущенія и безпорядки, и требовалась твердая и энергическая рука, чтобы поднять и возвысить запущенную семинарію, и вмѣстѣ зоркій глазъ для того, чтобы видѣть всѣ злоупотребленія, которыя легко могли скрыться отъ близорукой доброты. Ректоръ С.-Петербургской Академіи, епископъ ревельскій Григорій, бывшій членомъ коммиссіи духовныхъ училищъ, хорошо знавшій молодаго баккалавра Арсенія, указалъ на него коммиссіи духовныхъ училищъ, какъ на человѣка, который съ успѣхомъ можетъ выполнить самыя трудныя порученія, и который, при своемъ свѣтломъ практическомъ умѣ и энергической волѣ, обѣщаетъ изъ себя отличнаго администратора. Вслѣдствіе этого указанія Арсеній, еще въ санѣ собор-

наго іеромонаха (26 августа 1825 года), опредѣленъ былъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Могилевскую духовную семинарію. При отправленіи на новую должность, ему поручалось произвесть точное дознаніе о тѣхъ безпорядкахъ и запущеніяхъ, о какихъ дошло до свѣдѣнія коммиссіи духовныхъ училищъ, и потомъ представить подробное донесеніе коммиссіи о состояніи ввѣряемой его управленію семинаріи. О своемъ новомъ назначеніи Арсеній узналъ уже тогда, когда оно состоялось, и узналъ отъ ректора Академіи Григорія, случайно встрѣтившись съ нимъ въ саду академическомъ, едва ли не въ тотъ самый день, когда было засѣданіе коммиссіи духовныхъ училищъ, на которомъ рѣшено было его новое назначеніе. Это неожиданное извѣстіе, какъ громомъ, поразило Арсенія: ему извѣстно было, что въ Могилевѣ дѣло обстояло не совсѣмъ ладно, и что новаго ректора тамъ ожидаютъ не усиленные только труды (чего онъ не боялся), но и непріятности. Полагали, что на это мѣсто пошлютъ человѣка, уже испытаннаго и пріобрѣтшаго авторитетъ. Человѣку новому, не имѣющему за собою никакого авторитета, кромѣ довѣрія коммиссіи духовныхъ училищъ, вдвойнѣ трудно было щекотливое порученіе, возлагавшееся на Арсенія. Смущеніе Арсенія увеличилось, когда Григорій, возвѣщая ему новость, присовокупилъ, что рѣшено, чтобы онъ, ни мало не медля, отправлялся къ мѣсту своего новаго назначенія.

Собравшись поскоро въ путь, Арсеній явился въ Могилевѣ прежде, чѣмъ могли ожидать его, и повелъ порученное ему дѣло, какъ давній и опытный администраторъ. Недостатокъ авторитета іеромонахъ ректоръ замѣнялъ энергіею, мудростію, зоркостію и распорядительностію, и всѣ, поставленные къ нему въ близкое соотношеніе, лишь увидѣли его дѣятельность, перестали пренебрегать его молодостію. Подъ его смотрѣніемъ семинарія сразу исцѣлялась отъ своихъ недуговъ и

пришла въ новый лучшій видъ. Коммиссія духовныхъ училищъ увидѣла, что она не ошиблась въ своемъ выборѣ, назначивъ на трудный постъ человѣка мало испытаннаго, и онъ сталъ на виду у ней, какъ образцовый ректоръ администраторъ. Отдаленныя преданія доносятъ до насъ, что въ дѣйствіяхъ своихъ по отношенію къ подчиненнымъ и семинаристамъ Арсеній, будучи могилевскимъ ректоромъ, былъ строгъ, взыскателенъ и даже неумолимъ. Эта строгость вынуждалась отчасти тѣми обстоятельствами, при какихъ онъ назначенъ былъ туда ректоромъ: нужны были энергическія и крутыя мѣры для того, чтобы запущенную семинарію привести въ надлежащій видъ, и коммиссія духовныхъ училищъ, посылая его въ Могилевъ, желала отъ него не послабленій и снисходительности, а образа дѣйствій твердаго и рѣшительнаго, и снабдила его инструкціею такого рода. Отчасти же и его личный характеръ, живой, быстрый, возмущавшійся уклоненіями отъ порядка, легко воспламенявшійся въ молодые годы, при его горячемъ желаніи сдѣлать все возможное для улучшенія ввѣреннаго ему заведенія, вызывалъ его къ дѣйствіямъ и рѣшеніямъ, на которыхъ лежала печать строгости. Но эта строгость соединялась съ справедливостію; тяжелая для виновныхъ, она предохраняла слабыхъ отъ паденій и не касалась исправныхъ. Воспитанники могилевской семинаріи видѣли, что подъ личиною строгаго и взыскательнаго, подъ часъ вспыльчиваго, ректора бьется доброе сердце человѣка, желавшаго имъ всякаго добра и старавшагося направить ихъ на путь порядка и христіанской добродѣтели, такъ необходимой для будущихъ служителей церкви. Они боялись его, но въ то же время и любили и уважали его. Многіе изъ нихъ добромъ вспоминали его, и много лѣтъ спустя послѣ выхода изъ семинаріи, и какъ дорогой завѣтъ хранили тѣ наставленія, какія онъ давалъ имъ въ руководство для жизни. Чрезъ сорокъ шесть лѣтъ обращались къ

нему съ привѣтствіями (въ день его пятидесятилѣтняго юбилея) нѣкоторые его воспитанники по могилевской семинаріи (священники Тимоѳей Гнидовскій и Аѳанасій Стратоновичъ), и въ теплыхъ обращеніяхъ, въ которыхъ они воспоминаютъ о своемъ наставникѣ, всѣмъ желавшемъ благое и всѣми руководившемъ въ благое, и о его отеческихъ наставленіяхъ, принятыхъ ими къ сердечному исполненію, и помогшихъ имъ непостыдно проходить священническое служеніе [1]), слышится нерушимое чувство любви и уваженія, не погасшее и не ослабѣвшее и по истеченіи нѣсколькихъ десятилѣтій. Вспоминали объ его *благодѣтельномъ* начальствѣ по духовно-учебному вѣдомству правленія могилевской семинаріи и его бывшіе сослуживцы, какъ мы видимъ изъ письма къ нему восьмидесятипятилѣтняго старца надворнаго совѣтника Ивана Носовича, [2]) бывшаго инспекторомъ мстиславскаго духовнаго училища въ тѣ годы, когда Арсеній управлялъ могилевскою семинаріею, и въ качествѣ предсѣдателя правленія семинаріи всѣми уѣздными духовными училищами могилевской епархіи.

На второмъ году своей службы въ званіи ректора семинаріи (на четвертомъ по окончаніи курса Академіи) Арсеній (4 декабря 1826 года) возведенъ былъ въ санъ архимандрита и опредѣленъ настоятелемъ могилевско-братскаго и приписнаго къ нему буйничскаго монастырей. Братіи въ обоихъ этихъ монастыряхъ было немного, и управленіе ими не требовало отъ настоятеля особыхъ заботъ. Арсеній, сдѣлавшись ихъ настоятелемъ, обратилъ главное вниманіе на экономическую часть: онъ старался возвысить тѣ небогатыя средства, какими они располагали, поднять доходъ съ арендныхъ статей, находящихся въ ихъ вѣдѣніи и поддерживать добрыя отношенія

---

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей высокопр. митрополита Арсенія, стр. 165—6, 164.

[2]) Пятидесятилѣтній юбилей высокопр. митрополита Арсенія, стр. 173—4.

съ тѣми людьми, которые по экономическимъ дѣламъ такъ или иначе связаны были съ монастырями. Короткое время, менѣе года, онъ управлялъ могилевскими монастырями, а между тѣмъ внѣшнее благоустройство ихъ замѣтно возвысилось, благодаря его воздѣйствію, такъ что могилевское епархіальное начальство оффиціально выразило ему признательность за заботливость о благоустроеніи монастырей, ввѣренныхъ его управленію.

Черезъ два года (23 августа 1827 года) Арсеній изъ Могилева переведенъ былъ ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ въ Орловскую духовную семинарію. И сюда перевели Арсенія по тѣмъ же обстоятельствамъ и побужденіямъ, по какимъ первоначально назначили его въ Могилевъ: орловская семинарія, подобно могилевской, была запущена и нуждалась въ умномъ и энергическомъ правителѣ для своего исправленія. Коммиссія духовныхъ училищъ, увидавъ плодотворную дѣятельность Арсенія въ Могилевѣ, быстро обновившаго тамошнюю семинарію, не колебалась въ выборѣ начальника для орловской семинаріи, въ которой нужно было уничтожить неблагопріятныя условія ея существованія. И орловская семинарія, подъ мудрымъ и энергическимъ управленіемъ новаго ректора, *скоро ожила и обновилась*, и стала одною изъ лучшихъ семинарій по внутреннему своему состоянію и по успѣхамъ своихъ учениковъ. И здѣсь, какъ въ Могилевѣ, выдающеюся чертою управленія Арсенія была строгость. Объ этой строгости ректора Арсенія вспоминали въ орловской семинаріи и много лѣтъ спустя, и ректоры, смѣнившіе его въ управленіи семинаріею (первымъ изъ нихъ, поступившимъ непосредственно послѣ Арсенія былъ Исидоръ, нынѣ митрополитъ новгородскій и санктъ-петербургскій) въ сравненіи съ нимъ казались снисходительными и милостивыми. Но то, что казалось въ свое время строгостію, даже суровостію, въ существѣ дѣла, по от-

зывамъ лицъ, издали оцѣнивающихъ административную дѣятельность Арсенія въ бытность его ректоромъ орловскимъ, было наблюденіемъ надъ точнымъ и неуклоннымъ исполненіемъ требованій устава и порядка семинарскаго, къ которымъ до него относились довольно легко. Послѣ него, когда возстановленъ былъ полный порядокъ въ семинаріи, новымъ правителямъ семинаріи легче было и быть и казаться болѣе снисходительными и милостивыми: имъ не нужно было крутыми мѣрами вводить новый порядокъ въ заведеніи, принятомъ отъ своего предшественника въ видѣ, болѣе исправномъ, чѣмъ въ какомъ онъ засталъ его, а только поддерживать то, что онъ ввелъ въ немъ и установилъ, и увѣрившись въ прочности порядка, имъ найденнаго, въ подвѣдомой сферѣ, они безъ опасеній могли руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ милостію и снисходительностію. Строгость и взыскательность ректора Арсенія въ Орлѣ чувствовалась не одними воспитанниками семинаріи, но и подчиненными ему сослуживцами. Преосвященный Платонъ, архіепископъ донскій и новочеркасскій, будучи въ Кіевѣ въ 1873 году на юбилейномъ торжествѣ митрополита Арсенія, припоминалъ послѣднему, какъ иногда доставалось ему отъ него, когда онъ былъ секретаремъ семинарскаго правленія, и по этому званію чаще другихъ долженъ былъ видѣться съ своимъ ректоромъ по дѣламъ семинарскимъ. Но проявленія неудовольствія, выражавшіяся подъ часъ и въ жесткой формѣ со стороны Арсенія, не разрушали добрыхъ отношеній его къ своимъ сотрудникамъ по семинаріи. Служебные счеты не переводились на домашнюю почву взаимныхъ товарищескихъ отношеній. Рѣзкое слово, вырвавшееся въ горячности, не оставляло въ душѣ его сердитаго чувства, и онъ въ возможной скорости старался изгладить горечь въ сердцѣ могущаго считать себя обиженнымъ выраженіями добраго расположенія къ нему.

Будучи ректоромъ орловской семинаріи, Арсеній былъ настоятелемъ мценскаго петропавловскаго монастыря. Здѣсь онъ могъ являться только въ дни каникулярные или свободные отъ классныхъ занятій въ семинаріи. Пребываніе въ монастырѣ было для него родомъ отдохновенія: отправляясь туда, онъ какъ будто переселялся въ другую сферу для освѣженія своихъ силъ для новыхъ трудовъ по семинаріи. Но благосостояніе монастыря не было для него дѣломъ чуждымъ: пользуясь выгодами отъ монастыря, онъ сколько могъ, заботился объ умноженіи его средствъ и нравственномъ его возвышеніи, что замѣчено было и вмѣнено ему въ заслугу и орловскимъ епархіальнымъ начальствомъ.

Въ молодые годы Арсенію нигдѣ не приходилось долго засиживаться. До принятія епископскаго сана, нигдѣ онъ не оставался долѣе двухъ лѣтъ. Послѣ двухлѣтней службы въ Санктъ-Петербургской Академіи, на два года переселили его въ Могилевъ, изъ Могилева на два года въ Орелъ, изъ Орла на два года перевели въ Рязань на туже должность ректора и профессора богословскихъ наукъ, какую онъ занималъ въ Орлѣ; изъ Рязани онъ переведенъ былъ ректоромъ въ тверскую семинарію, но здѣсь онъ пробылъ уже менѣе полгода (съ октября 1831 года по 2 марта 1832 года). Такіе частые переводы Арсенія съ мѣста на мѣсто, во время его учебной службы, объясняются тѣмъ, что его считали вездѣ нужнымъ и полезнымъ человѣкомъ, видѣли въ немъ *образцоваго ректора, умѣвшаго вводить и поддерживать вездѣ примѣрный порядокъ, и возстановлять его тамъ, гдѣ было замѣчено запущеніе* [1]).

Переводъ Арсенія изъ Орла въ Рязань (въ сентябрѣ 1829 года) состоялся по желанію Григорія, бывшаго ректора Санктъ-

1) Пятидесятилѣтній юбилей Высокопр. митрополита Арсенія, стр. 45.

Петербургской Академіи, переведеннаго на епископскую каѳедру въ Рязань изъ Калуги. Въ Арсеніѣ Григорій, хорошо знавшій его, всегда любившій и высоко цѣнившій его, хотѣлъ имѣть дѣятельнаго и умнаго помощника и сотрудника себѣ по управленію семинаріею и по дѣламъ консисторіи. Въ рязанской семинаріи слушалъ богословскіе уроки у Арсенія преосв. Димитрій, бывшій ректоръ Кіевской Академіи, нынѣ архіепископъ волынскій и житомірскій, и по распоряженію Арсенія онъ посланъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ Кіевскую духовную Академію (въ 1831 году). Преосв. Димитрій считаетъ себя премного обязаннымъ своему бывшему наставнику и ректору и до послѣднихъ дней его жизни питалъ и выражалъ ему самую сердечную привязанность. На юбилейномъ торжествѣ митрополита Арсенія высокопреосв. Димитрій, выступая съ привѣтствіемъ непосредственно вслѣдъ за Платономъ, архіепископомъ донскимъ и новочеркасскимъ, такъ между прочимъ выражалъ свои чувства къ нему: «Какъ давній воспитанникъ одной изъ тѣхъ семинарій, которыя подъ Вашимъ энергическимъ и мудрымъ управленіемъ, при Вашей истинно-отеческой попечительности, скоро оживали и обновлялись, быстро росли и совершенствовались,—отъ всего сердца радуюсь, что Господь привелъ меня и видѣть и быть участникомъ сего свѣтлаго торжества полустолѣтняго, доблестнаго и достославнаго служенія Вашего церкви Божіей.... Какъ человѣкъ, обязанный всѣмъ, что былъ и есмь доселѣ, одному изъ мудрыхъ, прозорливыхъ, и, какъ вѣрую, вдохновенныхъ Духомъ Божіимъ распоряженій Вашихъ,—отъ всей души благодарю Господа, сподобившаго меня—въ этотъ знаменательный день—выразить предъ Вами чувство искренней, всесердечной, сыновней благодарности, которое свято хранилъ я, въ глубинѣ сердца своего, въ продолженіи всей моей жизни, свято сохраню и до смерти, котораго, надѣюсь, и сама смерть неизгладитъ изъ моего серд-

ца. Да воздастъ Вамъ Господь, по богатству щедротъ своихъ, за все добро, которое Вы сдѣлали, въ теченіи этого, полнаго добрыхъ дѣлъ, полстолѣтія, не мнѣ одному, а тысячамъ подобныхъ мнѣ [1])». Митрополитъ Арсеній цѣнилъ преосвященнаго Димитрія, и на его расположеніе къ себѣ отвѣчалъ полною симпатіею къ нему. «Ваше привѣтствіе (отвѣчалъ онъ ему на принесенное поздравленіе въ день юбилея), еслибы Вы и не произносили его сами, я совершенно вѣрно и во всей силѣ и полнотѣ понялъ бы по инстинкту: ваша добрая и благородная душа всегда была для меня открыта и я могъ и могу читать въ ней и безъ письмени [2])».

Будучи ректоромъ семинаріи въ Рязани, Арсеній болѣе прежняго принималъ участіе въ дѣлахъ консисторіи, вызываемый къ тому Григоріемъ, своимъ непосредственнымъ начальникомъ, который чрезъ то приготовлялъ въ немъ будущаго правителя церкви. Изъ дѣлъ консисторіи, въ которыхъ Арсеній принималъ участіе въ Рязани, для него особенно памятенъ былъ одинъ замѣчательный случай, о которомъ онъ не разъ разсказывалъ въ Кіевѣ. Въ этомъ случаѣ съ одной стороны выражается отношеніе нашего стараго братства къ бѣдному и приниженному священнику, а съ другой обрисовывается взглядъ покойнаго Арсенія на эти отношенія: при столкновеніи сильнаго и гордаго барства съ слабымъ священникомъ онъ не хотѣлъ давать въ обиду послѣдняго, и считалъ долгомъ совѣсти защищать его всѣми, находящимися въ рукахъ его, средствами. Дѣло выходило изъ ряда обыкновенныхъ. Какой-то богатый баринъ полною рысью ѣхалъ въ коляскѣ на четверкѣ по дорогѣ близъ самой Рязани. На встрѣчу ему на тощей лошаденкѣ и простой телѣгѣ ѣхалъ священникъ, и онъ не ус-

---

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей Высокопр. митрополита Арсенія стр. 16—17.
[2]) Пятидесятилѣтній юбилей Высокопр митрополита Арсенія, стр. 17.

пѣлъ своротить съ дороги, завидѣвъ барскій экипажъ, какъ на него наѣхала барская четверка, и въ коляскѣ барина что-то поломалось. Помѣщикъ, встрѣтивъ препятствіе или остановку на своемъ пути, тотчасъ слѣзаетъ съ своей коляски и собственноручно кнутомъ кучера хлыщетъ священника. Священникъ, послѣ этого грубаго оскорбленія и насилія, является въ консисторію, снимаетъ съ груди своей дароносицу съ запасными дарами, и объявляетъ, что онъ получилъ такое-то оскорбленіе отъ такого-то помѣщика, когда ѣхалъ пріобщать больнаго. Завязалось дѣло. Помѣщикъ сначала не безпокоился о немъ, не думая, чтобы ему пришлось серьезно отвѣчать за грубое оскорбленіе священника, такъ какъ подобные случаи многимъ сходили съ рукъ безнаказанно. Когда же разъяснилось для него, что это дѣло не шуточное, что здѣсь не простое оскорбленіе попа, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оскорбленіе святыни (такъ какъ священникъ былъ съ запасными дарами), и что за это ему можетъ угрожать ссылка въ Сибирь и лишеніе правъ состоянія, онъ надѣялся деньгами потушить дѣло и заплатить священнику за безчестіе, въ полной увѣренности, что оскорбленный священникъ легко согласится на мировую за порядочную плату. Священнику предлагаетъ онъ тысячу, двѣ тысячи рублей, пять, десять двадцать, тридцать тысячъ; но священникъ, къ изумленію помѣщика, не лстится на подобную подачку. Говорятъ ему другіе, даже изъ засѣдающихъ въ консисторіи, что ему, какъ бѣдному человѣку, лучше нѣсколько тысячъ обезпеченія, чѣмъ ничего не получить и погубить человѣка. Священникъ остается непреклоненъ, и не смотря ни на какія обѣщанія, не соглашается замять дѣло, объясняя, что онъ лично давно простилъ своему обидчику нанесенное оскорбленіе, но по чувству пастырскаго долга и по своей іерейской совѣсти ни за какія деньги не можетъ оставить безъ вниманія дерзкаго поруганія святыни Господней. Дѣло получило законный ходъ, и само-

управный помѣщикъ, въ примѣръ другимъ, ссылкою въ Сибирь поплатился за свой возмутительный поступокъ. Арсеній, по званію члена консисторіи, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за всѣми перипетіями этого крупнаго дѣла, и, судя по его разсказу, въ немъ, въ его твердомъ стояніи за оскорбленную честь служителя Божія, была главная пружина по дѣйствію которой начатое дѣло не было замято при самомъ своемъ возникновеніи.

Въ Рязани Арсеній, состоя въ званіи ректора семинаріи преемственно управлялъ двумя монастырями: сначала онъ опредѣленъ былъ настоятелемъ рязанскаго третьекласснаго троицкаго монастыря, а за тѣмъ въ маѣ 1830 года перемѣщенъ настоятелемъ въ рязанскій второклассный спасскій монастырь. Равнымъ образомъ и въ Твери, въ короткое время своего тамъ пребыванія, ему пришлось быть въ двухъ монастыряхъ: первоначально (въ октябрѣ 1831 года) онъ опредѣленъ былъ настоятелемъ тверскаго второкласснаго Успенскаго монастыря, а въ декабрѣ того же 1831 года переведенъ настоятелемъ въ первокласный Троицкій колязинскій монастырь. Такія передвиженія его изъ одного монастыря въ другой изъ третьекласнаго въ второклассный, и изъ второкласнаго въ первокласный, дѣлались въ видѣ награды и имѣли значеніе повышенія по службѣ.

На девятому году, по окончаніи Арсеніемъ курса Академіи, кончилось его непосредственное служеніе духовной школѣ, и онъ, будучи тридцати пяти лѣтъ, призванъ былъ къ высшему служенію церкви въ званіи Архипастыря. Архипастырское служеніе Арсенія занимаетъ большую половину его долголѣтней восмидесятилѣтней жизни,—оно продолжалось сорокъ четыре года. Въ этомъ служеніи Арсеній являлъ изъ себя вѣрнаго и ревностнаго приставника дома Божія и мудраго

администратора, и этимъ служеніемъ пріобрѣлъ себѣ значеніе въ церкви. Но и въ первомъ періодѣ своего служенія,—періодѣ духовно-учебной службы, по его положенію, ему приходилось больше упражнять и развивать свои административныя практическія способности, чѣмъ воздѣлывать теоретическую науку. Промыслъ, ведшій его по пути жизни, указывалъ ему быть высокимъ пастыремъ и правителемъ церкви, а не кабинетнымъ ученымъ.

12-го марта 1832 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе быть ректору тверской семинаріи и настоятелю первокласснаго Троицкаго колязина монастыря архимандриту Арсенію епископомъ тамбовскимъ и шацкимъ, о чемъ 17 марта посланъ указъ Св. Синода, а апрѣля 24 дня онъ былъ хиротонисанъ въ санъ епископа первенствующимъ членомъ Синода митрополитомъ Серафимомъ вмѣстѣ съ другими архипастырями, бывшими въ то время въ С.-Петербургѣ, въ петербургскомъ казанскомъ соборѣ, и началось, по указанію Промысла Божія и верховной власти, высокое и плодотворное архипастырское служеніе его церкви Христовой, продолжавшееся сорокъ четыре года,—и запечатлѣнное высокими чертами просвѣщенной ревности. Въ періодъ архипастырскаго служенія преосвященному Арсенію не приходилось такъ часто перемѣнять мѣста своего служенія, какъ это было въ довольно короткій періодъ духовно-учебной его службы. Въ неполныя девять лѣтъ этой службы онъ перебывалъ въ цѣлыхъ пяти мѣстахъ, переходимый изъ одной семинаріи въ другую. А въ длинный періодъ архипастырской дѣятельности онъ преемственно занималъ четыре каѳедры. Тамбовской паствѣ онъ служилъ девять лѣтъ (съ апрѣля 1832 года по апрѣль 1841 года); затѣмъ, возведенный въ санъ архіепископа управлялъ семь лѣтъ съ половиною по-

дольскою епархіею; отсюда онъ переведенъ былъ въ Варшаву и на Волынь (6 ноября 1848 года) и безъ четырехъ мѣсяцевъ двѣнадцать лѣтъ былъ архіепископомъ варшавской епархіи, управляющимъ и волынскою, и священно-архимандритомъ Почаевскія Успенскія лавры. Послѣднія шестнадцать лѣтъ (безъ двухъ мѣсяцевъ), съ 1-го іюля 1860 года по день смерти своей 28 апрѣля 1876 году, онъ былъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ членомъ Св. Синода и священно-архимандритомъ Кіево-печерской Успенской лавры. Такимъ образомъ, въ теченіи своей жизни, по окончаніи своего воспитанія, преосвященный Арсеній долѣе всего жилъ въ Кіевѣ, затѣмъ въ Варшавѣ, потомъ въ Тамбовѣ и Каменцѣ-Подольскомъ.

Что имѣлъ въ виду, какія мысли и намѣренія питалъ покойный Арсеній въ душѣ своей, приступая къ высшему званію въ церкви, на которое былъ избранъ? На это нѣсколько отвѣчаетъ рѣчь его, сказанная имъ въ присутствіи Св. Синода при нареченіи его во епископа, 22 апрѣля 1832 года. Церковнымъ обычаемъ вмѣняемая въ обязанность нарекаемому во епископа, эта рѣчь служитъ поводомъ и средствомъ къ заявленію и выраженію внутреннихъ помышленій, занимающихъ душу въ торжественнѣйшія минуты жизни, и указывающихъ тѣ начала, какихъ хотѣла бы она держаться при совершеніи высокаго служенія, вновь на нее возлагаемаго. Одинаковость обстоятельствъ, среди которыхъ говорятся эти рѣчи, условливаетъ сходство въ ихъ общемъ содержаніи. Но личное настроеніе каждаго лица, призываемаго къ новому служенію, ударяя на тотъ или другой пунктъ изъ множества общихъ мыслей, вызываемыхъ подобнымъ положеніемъ, тѣмъ самымъ выказываетъ свою особенность.

Арсенію званіе архипастыря представлялось тяжкимъ путемъ, исполненнымъ опасностей и затрудненій, и въ немъ онъ

видитъ призывъ на борьбу съ разными искушеніями, съ обманами, хитростями, изворотами корыстолюбія лукаваго, или честолюбія искательнаго, или зловѣрія притворнаго. Онъ указываетъ на враговъ церкви и вѣры, противъ которыхъ нужно ратовать: эти враги не преслѣдуютъ новаго израиля подобно древнимъ фараонамъ, а прикрываются личинами и употребляютъ утонченныя средства для расхищенія стада Христова, чѣмъ вызываютъ служителей церкви къ особенной бдительности и къ особенному искусству управленія. »Исконный хитрецъ (говорилъ онъ въ рѣчи своей) неистощимъ въ изобрѣтеніи всегда новыхъ хитростей, къ ниспроверженію которыхъ нрежніе опыты почти вовсе неспособны. Земные ученики его столь же успѣшно въ семъ отношеніи подвигаются впередъ, и міръ новый,—міръ, въ которомъ мы живемъ,—давно уже не видитъ во врагахъ церкви древнихъ фараоновъ, въ безумномъ преслѣдованіи народа богоизбраннаго безразсудно бросающихся въ разверстую пучину моря, но видитъ *сыновъ вѣка сего, мудрѣйшихъ паче сыновъ свѣта* (Лук. XVI, 8), которые, съ необыкновеннымъ искусствомъ прикрывая слова и дѣла свои образомъ благочестія (2 Тим. III, 5), умѣютъ язвить и расхищать словесное стадо Христово, не давая того примѣтить, и сами оставаясь въ безопасности«.

Итакъ охраненіе стада Христова отъ расхищенія или соблюденія чистой вѣры въ средѣ пасомыхъ и предохраненіе ихъ отъ вражескихъ вліяній—главное дѣло, которое предстояло вниманію Арсенія, когда онъ приступалъ къ епископскому служенію; обманы, хитрости и извороты новыхъ враговъ церкви, мудрѣйшихъ паче сыновъ свѣта въ своихъ дѣйствіяхъ—главная опасность, которая его смущала и устрашала. Въ виду этой опасности покойный Арсеній выступалъ на новое служеніе, какъ добрый воинъ Христовъ, полный святой ревности по вѣрѣ, во всеоружіи слова Божія, и до конца жизни своей

*

бодро стоялъ на стражѣ вѣры православной, полагая въ охраненіи этой вѣры первую свою обязанность и главное благо своей паствы. Промыслъ Божій указывалъ ему служеніе именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужна была особенная бдительность архипастыря, и гдѣ враги православія особенно сильно давали себя чувствовать православной паствѣ, то разными способами нападая на нее, то покушаясь совратить тѣхъ или другихъ частныхъ членовъ православной церкви, то клеветою и происками парализируя дѣятельность ревнителей православія.

Въ тамбовской епархіи, первомъ мѣстѣ святительскаго служенія покойнаго Арсенія, его главная забота обращена была на тѣ секты, которыя находили приверженцевъ и распространялись въ предѣлахъ тамбовскаго края, и борьба съ ними, приисканіе средствъ къ ихъ ослабленію и предохраненію отъ ихъ лжеученій вѣрнаго церкви православнаго народонаселенія, требовавшія большаго умѣнья и усердія—выдающійся подвигъ, имъ на себя предпринятый въ Тамбовѣ, по долгу своего званія. Поставленный руководителемъ православной паствы въ край, значительномъ по пространству и по количеству народонаселенія, но въ тоже время, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, довольно глухомъ и не вполнѣ извѣстномъ по внутреннему религіозному состоянію своему, новый архипастырь въ возможной скорости постарался ознакомиться съ состояніемъ своей паствы, и увидя доброе строго-православное настроеніе въ большинствѣ тамбовской паствы, вѣрной духу и завѣтамъ отцовъ, съ скорбію усмотрѣлъ, что среди добраго и православно-религіознаго народонаселенія здѣсь и тамъ, гнѣздились отщепенцы и суевѣры, и что эти отщепенцы, разными и незаконными средствами пользовались для утвержденія своего гражданскаго положенія, и что они вели дѣятельную религіозную пропаганду, совращая въ свою секту многихъ про-

стодушныхъ изъ среды православныхъ. Между этими сектами были обыкновенные раскольники, съ ихъ толками, поповщинскими и безпоповщинскими, распространенные болѣе или менѣе по всей Россіи. Какъ ни упорно ихъ ожесточеніе и суевѣріе, какъ ни враждебно ихъ отношеніе къ православной церкви и іерархіи, эти отдѣлившіеся отъ церкви изъ-за обрядовъ такъ называемые старовѣры не столько озабочивали ревностнаго архипастыря, сколько другія болѣе вредныя и радикальныя секты, усмотрѣнныя имъ въ предѣлахъ тамбовской епархіи. Таковы скопцы, не терпимые и гражданскимъ законодательствомъ; таковы молокане и духоборцы, готовые отвергать самое существенное въ христіанствѣ и раздѣлять взгляды на устроеніе гражданскаго общества, ведущіе къ неповиновенію властямъ.

Чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противъ сектантовъ и ихъ пропаганды, заботливый архипастырь прежде всего дѣлалъ дознаніе о причинахъ ихъ появленія и распространенія. Ему извѣстны были ходячіе въ свѣтскомъ обществѣ толки, которые всю вину какъ первоначальнаго возникновенія сектъ, такъ и успѣшной пропаганды сектантовъ возлагаютъ на *поповъ*, на ихъ поведеніе, на ихъ притязательность при требоисправленіи отъ видовъ корысти, на ихъ грубость и невѣжество, на ихъ нежеланіе и неумѣніе вести надлежащимъ образомъ порученное имъ дѣло пастырскаго учительства. Но, ближе присмотрѣвшись къ дѣлу, преосвященный Арсеній увидѣлъ всю неосновательность подобныхъ объясненій и сочелъ долгомъ своимъ защитить подвѣдомыхъ ему пастырей отъ несправедливыхъ нареканій. Онъ не отрицалъ того, что въ разныхъ мѣстахъ въ то или другое время могли являться и являлись пастыри, недостойно проходившіе свое званіе, но секты возникали и распространялись не тамъ, гдѣ были эти недостойные пастыри, а гдѣ поставлены были пастыри наиболѣе ревностные и добро-

дѣтельные по жизни и напротивъ ихъ не было тамъ, гдѣ священники обнаруживали мало дѣятельности и не отличались высокою пастырскою жизнію. Значитъ, не въ священникахъ главная причина обильнаго появленія и распространенія сектъ и сектантовъ. Были внѣшнія вліянія, отъ которыхъ зараждались существующія въ тамбовской епархіи вредныя секты; а этимъ вліяніямъ допускали усиливаться не бездѣятельность и корыстолюбіе духовенства. а поблажки свѣтскихъ властей, задабриваемыхъ и подкупаемыхъ сектантами, и парализовавшихъ распоряженіями дѣятельность духовенства. Такъ, по указанію преосвященнаго Арсенія [1]), первый родоначальникъ молокано-духоборческой секты, заслуживающей наиболѣе вниманія и по многочисленности ея послѣдователей и по особенно-вредному вліянію ея на духъ народа. въ тамбовской епархіи былъ польскій жидъ. лютеранскій прозелитъ, за какое-то преступленіе сосланный въ Сибирь, оттуда бѣжавшій и, при возвращеніи на родину, остановившійся и долгое время скрытно проживавшій въ домѣ однодворца села Горѣлаго тамбовскаго уѣзда Побирахина, и здѣсь проповѣдывавшій свободу, равенство и въ добавокъ царство небесное разнымъ бродягамъ и дворовымъ людямъ, недовольнымъ своими господами. Секта уничтожилась было, когда Побирахинъ съ избраннымъ обществомъ, по настоянію духовнаго начальства, былъ сосланъ въ Сибирь. Но лѣтъ черезъ тридцать послѣ ссылки Побирахина въ томъ же селѣ Горѣломъ явился сынъ Побирахина, сосланный вмѣстѣ съ отцомъ въ Сибирь, оттуда поступившій въ военную службу, подъ именемъ Капустина въ чинѣ унтеръ-офицера и началъ проповѣдывать прежнее ученіе. Духовное начальство, узнавъ объ этомъ, сносилось съ гражданскимъ и

---

[1]) Записка о молоканской и другихъ сектахъ въ тамбовской епархіи. Труды Кіевской духовной Академіи. 1875. Февраль, стр. 154.

требовало отъ него удаленія вреднаго человѣка, но это требованіе не было уважено. Капустинъ продолжалъ умножать свое общество новыми членами. Духовные старались противодѣйствовать распространенію зловредной секты, однихъ предостерегая отъ ложнаго ученія, а другихъ снова обращая къ церкви послѣ совращенія. Въ Петербургъ посланы были жалобы на обиды и притѣсненія духовныхъ, подкрѣпленныя тяжеловѣсными приложеніями, и состоялся замѣчательный манифестъ 1802 года, по которому молоканамъ и духоборцамъ предоставлена полная свобода въ исправленіи богослуженія по ихъ обрядамъ, которымъ запрещалось преслѣдовать тѣхъ, кто будетъ совращаться къ нимъ, а духовнымъ воспрещено входить въ ихъ дома и даже при случайныхъ встрѣчахъ вступать съ ними въ разговоры о вѣрѣ, въ чемъ духовные были обязаны подписками, сами же молокане и духоборцы и вообще всѣ сектанты, въ силу этого манифеста, отдавались въ исключительное завѣдываніе гражданскаго начальства, подъ надзоръ градскихъ и земскихъ полицій. Полицейскія власти послѣ того всю свою дѣятельность по отношенію къ молоканамъ и духоборцамъ обнаруживали въ томъ, чтобы наблюдать за духовными и не давать имъ препятствовать успѣхамъ молоканской пропаганды. Вслѣдствіе этого молоканская секта, считавшая до 1802 года въ тамбовской епархіи всего 84 человѣка, до 1833 года, когда духовнымъ дозволено снова войти въ сношеніе съ молоканами, увеличилась до десяти тысячъ и болѣе. Подобнымъ образомъ и другія секты въ предѣлахъ тамбовской епархіи обязаны своимъ происхожденіемъ внѣшнимъ вліяніямъ. Скопчество занесено туда изъ С.-Петербурга чрезъ торговыя сношенія съ петербургскими скопцами моршанскихъ купцовъ Плотицыныхъ, распространилось и поддерживалось въ Моршанскѣ и нѣкоторыхъ селахъ богатствомъ и вліяніемъ этихъ Плотицыныхъ. Даже обыкновенный расколъ въ тамбовской епар-

хіи, по указанію преосвященнаго Арсенія, паносное явленіе. Онъ сосредоточивался главнымъ образомъ въ г. Спасскѣ, и отсюда распространялся по другимъ мѣстамъ. А здѣсь гнѣздо раскола основано было московскими переселенцами, изъ которыхъ сначала образовалась слобода, а потомъ городъ Спасскъ.

Когда покойный Арсеній поступилъ на тамбовскую каѳедру, сектанты, отдѣлившіеся отъ церкви, были въ исключительномъ вѣдѣніи гражданскаго начальства, и умѣя снискивать его расположеніе и покровительство, свободно распространяли свое лжеученіе и ревностно старались увеличивать число своихъ послѣдователей. Онъ желалъ бы внушить всѣмъ подвѣдомымъ ему священникамъ, живущимъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усиливались секты, чтобы они всячески ратовали противъ распространенія зла, но въ тоже время видѣлъ, что священникамъ затрудненъ доступъ къ непосредственному дѣйствованію на сектантовъ: самые ревностные, самые просвѣщенные и самые добродѣтельные пастыри церкви ничего не могли сдѣлать въ борьбѣ съ сектантами, когда они обязаны были подпискою не вступать съ ними въ разговоры о вѣрѣ, когда сектанты ограждены были отъ нихъ и ихъ слова силою закона, и когда имъ явно покровительствовало гражданское начальство. Не даромъ конечно доставалось сектантамъ такое благопріятное для нихъ постановленіе закона и расположеніе властей. Они умѣли находить доступъ въ самыя высшія сферы правительственныя и склонять на свою сторону высоко поставленныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ управленія. Соблазнамъ подкупа поддавались даже такіе правители, какъ извѣстный сподвижникъ Александра I въ первые годы его царствованія, В. П. Кочубей, занимавшій должность министра внутреннихъ дѣлъ, отличавшійся высокимъ просвѣщеніемъ и гуманностію воззрѣній. Вышеупомянутый манифестъ 1802 года, которымъ предоставлена полная свобода молоканамъ и духоборцамъ въ исправленіи бо-

гослуженія по ихъ обрядамъ, и запрещено преслѣдовать совращающихся въ ихъ секту, а духовнымъ не позволено входить въ ихъ домы и даже при случайныхъ встрѣчахъ вступать въ разговоры о вѣрѣ, обязанъ своимъ появленіемъ не однимъ гуманнымъ и либеральнымъ расположеніямъ министра Кочубея. Прежде его появленія, какъ слышалъ покойный Арсеній отъ лицъ, документально знающихъ это дѣло, поднесено было пятнадцать тысячъ рублей правителю канцеляріи министра, а затѣмъ болѣе крупный кушъ самому министру Кочубею. Если дерзкій подкупъ не зналъ для себя преграды въ С.-Петербургѣ, то что сказать о низшихъ властяхъ, дѣйствовавшихъ въ глуши, и пожатуй тѣснимыхъ матеріальною нуждою?

На другой годъ своего архіерейства (1833 года) преосвященный Арсеній обрадованъ былъ отмѣною постановленія 1802 года, и духовнымъ снова дозволено было войти въ сношеніе съ сектантами для увраченія нравственной болѣзни общества. Но и послѣ этого преосвященный Арсеній находилъ причины жаловаться на то, что гражданское начальство, вмѣсто содѣйствія духовенству, ратовало въ пользу сектантовъ, находя возможность и прикрыть нанесенныя язвы и ослабить силу врачества и сокрыть или оправдать дѣйствительныхъ виновныхъ. Онъ свидѣтельствовалъ, что въ продолженіе своего пребыванія много видѣлъ опытовъ и много имѣетъ сильныхъ доказательствъ въ подтвержденіе сей прискорбной истины, и это свидѣтельство онъ включилъ въ оффиціальную записку, представленную высокой власти, не съ тѣмъ, чтобы возбудить преслѣдованіе противъ тѣхъ или другихъ блюстителей правосудія, уклонившихся отъ пути праваго, а съ тѣмъ, чтобы уяснить причины безуспѣшнаго дѣйствованія духовныхъ къ пресѣченію или ограниченію вредныхъ сектъ.

Когда уяснилось для него положеніе дѣла, и онъ усмотрѣлъ, какъ неблагопріятно иногда для православія дѣйствіе

гражданскаго начальства, нерѣдко склоняющееся въ пользу сектантовъ, онъ рѣшился принять твердыя мѣры къ пресѣченію зла и къ измѣненію порядка вещей, выгоднаго для сектантовъ. Вслѣдствіе этого въ 1839 году подана была высшему начальству уже упомянутая нами записка его «о молоканской и другихъ сектахъ въ тамбовской епархіи», напечатанная впослѣдствіи времени въ Трудахъ Кіевской духовной Академіи за 1875 годъ (февраль, стр. 149—166). Въ ней онъ смѣло и откровенно положилъ свое мнѣніе о дѣлѣ сектантовъ, указалъ причины, какія, по его дознанію, наиболѣе способствуютъ распространенію вредныхъ сектъ среди православнаго народонаселенія, и на основаніи тщательнаго изученія положенія вещей въ теченіе своей семилѣтней архипастырской практики предлагалъ проэктъ мѣропріятій, какія по его разумѣнію, могли ослабить вредное вліяніе сектантовъ и содѣйствовать постепенному возвращенію ихъ послѣдователей въ нѣдра православія. Между этими мѣропріятіями на первомъ планѣ онъ ставилъ «обратную передачу сектъ и сектантовъ подъ непосредственное завѣдываніе духовнаго начальства, такъ чтобы какъ наблюденія за ними, такъ и дознанія и изслѣдованія по дѣламъ, до нихъ касающимся, производимы были лицами духовными, для большаго безпристрастія всегда при депутатѣ съ граждан ской стороны, потомъ передавались бы на дальнѣйшее разсмотрѣніе въ подлежащія присутственныя мѣста.... Чрезъ это, по его замѣчанію, духовное и гражданское начальство перестанутъ быть въ той несчастной противоположности другъ къ другу, въ какой теперь находятся по дѣлу о сектантахъ, и по слѣднее не въ правѣ уже будетъ неизбѣжныя во всякомъ случаѣ дѣйствія духовныхъ по отношенію къ сектантамъ, какъ противникамъ и хульникамъ вѣры православной, почитать какъ будто вмѣшательствомъ въ его часть, какъ бы подкопомъ подъ его благосостояніе или критикою на его распоряженія, и вслѣд-

ствіе такого невыгоднаго для общей цѣли взгляда не будетъ изыскивать и употреблять въ дѣло всѣ возможные случаи къ мщенію, смѣшному и ребяческому въ началѣ, преступному въ продолженіи и слишкомъ вредному въ послѣдствіяхъ. Такою мѣрою весьма много сберегается время, сокращается переписка, охраняется авторитетъ высшей законодательно-судебной власти и наконецъ упрочивается энергія мѣстнаго начальства»... Этою мѣрою покойный Арсеній хотѣлъ устранить препятствія, какія на каждомъ шагу представлялись ему со стороны гражданскихъ чиновъ, когда онъ съ подвѣдомыми ему пастырями, по дѣлу своего званія, принималъ на себя трудъ дѣйствовать къ ослабленію пропаганды сектантовъ и къ ограниченію ихъ пагубнаго вліянія. Далѣе къ пресѣченію этого вліянія сектантовъ онъ рекомендовалъ соединеніе сектантовъ всякаго рода на жительство въ одномъ какомъ либо мѣстѣ, какое правительству угодно будетъ признать для сего удобнымъ, съ тѣмъ, чтобы далѣе опредѣленной черты они ни подъ какимъ предлогомъ не могли отлучаться. Признавая немаловажныя затрудненія къ исполненію этого предположенія, для успѣха въ дѣлѣ обращенія собственно тамбовскихъ сектантовъ онъ представляетъ полезнымъ временное удаленіе въ монастырь поименованныхъ въ запискѣ нѣкоторыхъ ересеначальниковъ и расколовожатаевъ и воспрещеніе сектантамъ нанимать и отдавать въ рекруты христіанъ православныхъ за свои семейства. Предлагая еще нѣкоторыя частныя мѣры по отношенію къ сектантамъ, въ видахъ предохраненія отъ ихъ вліянія православнаго народонаселенія, преосвященный Арсеній обращаетъ особенное вниманіе высшаго начальства на состояніе пастырей церкви, недостатками и притязательнымъ корыстолюбіемъ котораго многіе привыкли объяснять какъ появленіе, такъ и распространеніе противныхъ церкви сектъ. По его представленію, «для успѣшнѣйшаго дѣйствія на обращеніе отпадшихъ и для пред-

упрежденія новыхъ отпаденій священники прежде всего должны быть приведены въ такое состояніе, въ которомъ бы раздаяніе даровъ благодати ни въ какомъ случаѣ не могло казаться дѣломъ продажи, и проповѣдуемыя ими истины Евангелія не могли терять своей силы въ умахъ слушателей отъ предположенія, что, быть можетъ, то или другое говорятъ священники съ тою единственно цѣлію, чтобы получить больше доходовъ, а въ нихъ самихъ отъ опасенія, въ случаѣ неудовольствія на нихъ прихожанъ за прямодушное обличеніе ихъ въ какомъ нибудь господствующемъ порокѣ или любимомъ заблужденіи, или за неисполненіе какихъ либо требованій ихъ явно противозаконныхъ, лишиться иногда многихъ выгодъ, а иногда даже самыхъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Иначе сказать, священники въ отношеніи къ своему содержанію должны быть поставлены чрезъ производство имъ постояннаго и достаточнаго жалованья отъ казны, а по смерти ихъ семействамъ заслуженнаго ими пансіона, въ состояніе независимое отъ воли прихожанъ... Прихожане сами охотно согласятся (замѣчалъ преосв. Арсеній), такъ какъ нѣкоторые мнѣ лично и вызывались уже, сдѣлать необходимыя пожертвованія, для покрытія издержекъ казны по сему предмету. Будемъ надѣяться, что мысль сія рано или поздно осуществится; такая перемѣна въ способѣ содержанія духовныхъ по настоящему состоянію вѣры и церкви необходима».

Эта послѣдняя мѣра весьма популярна въ духовенствѣ. За одно это предположеніе, представленное въ высшія правительственныя сферы, духовенство готово благословлять его имя. Въ то время, когда писана и представлена записка преосвященнаго Арсенія, церковные причты не пользовались такимъ обезпеченіемъ, какое во многихъ епархіяхъ получаютъ нынѣ, и въ своемъ существованіи всецѣло предоставлены были доброхотнымъ подаяніямъ прихожанъ. Такъ и нынѣ ведется дѣло

во многихъ еще мѣстахъ, но въ значительномъ числѣ епархій уже давно получаются опредѣленные оклады содержанія. Какъ ни ограниченны эти оклады, но въ то время они составляли pium desiderium, и о нихъ мечтали наши священно-церковнослужители, какъ о необыкновенномъ для себя благѣ. Положимъ, для казны было бы слишкомъ большимъ бременемъ, если бы она взяла на себя полное обезпеченіе нашего многочисленнаго духовенства. Но опредѣленные, болѣе или менѣе достаточные, оклады содержанія для духовенства могли бы назначаться и въ указанное время выдаваться самимъ обществомъ, какъ это дѣлается въ послѣднее время въ иныхъ мѣстахъ по рѣшеніямъ земскихъ собраній или приговорамъ церковно-приходскихъ обществъ, и какъ это бываетъ въ странахъ протестантскихъ. Чрезъ это духовенство освободилось бы отъ тѣхъ унизительныхъ поборовъ, къ какимъ оно по необходимости обращается при необезпеченности своего положенія, и уничтожился бы поводъ къ тѣмъ пререканіямъ и неудовольствіямъ, какія возникаютъ изъ необходимости для прихожанина оплачивать каждое отдѣльное дѣйствіе священника, вызываемое его званіемъ. Иные люди, ратующіе за православіе и ревнующіе о благѣ церкви, возставали и возстаютъ противъ назначенія священнику опредѣленнаго содержанія, опасаясь, какъ бы чрезъ это онъ не претворился въ казеннаго чиновника или наемника, и какъ бы при этомъ не порвались тѣ внутреннія связи, которыя должны существовать между священникомъ и его прихожанами. Смотрятъ возвышенными и идеальными подобныя воззрѣнія; но практическій опытъ, считающійся съ обыденными условіями жизни, не на сторонѣ такихъ воззрѣній. Если бы еще всѣ одушевлены были бы любовію къ своему пастырю и уваженіемъ къ его служенію, священнику можно было бы полагаться безъ опасеній на поддержку со стороны своего прихода. А когда это желанное одушевленіе далеко не

у всѣхъ замѣтно, то предоставленіе священника въ его содержаніи случайной волѣ его прихожанъ для большаго укрѣпленія ихъ внутреннихъ взаимныхъ отношеній сантиментальная мечта. Священнику тяжело чувствовать свою постоянную зависимость отъ воли прихожанъ даже въ насущномъ содержаніи, и эта тяжелая зависимость многихъ достойныхъ и благородныхъ чтителей церкви удаляетъ отъ служенія такой высокой важности, каково служеніе пастыря.

Мы не можемъ сказать въ точности, какіе практическіе результаты вызвала въ свое время записка, представленная высшему начальству въ 1839 году. Она диктована духомъ горячей ревности по православію, озабоченной безпрепятственнымъ распространеніемъ зловредныхъ сектантскихъ заблужденій, и служитъ свидѣтельствомъ сколько пастырской попечительности, столько и административной распорядительности. Полагаемъ, что это не единственный проэктъ, вышедшій изъ подъ пера преосвященнаго Арсенія въ бытность его епископомъ тамбовскимъ. Онъ слылъ въ народѣ въ то время пастыремъ мудрымъ и энергическимъ, и эта энергическая дѣятельность замѣчена была и за предѣлами тамбовской епархіи. Когда напечатана была записка «о молоканской и другихъ сектахъ въ тамбовской епархіи» въ Трудахъ Академіи, почти черезъ сорокъ лѣтъ послѣ ея составленія, она не встрѣтила у насъ надлежащей оцѣнки, а напротивъ вызвала ироническій отзывъ и рѣзкій упрекъ въ негуманности за тѣ мѣры, какія въ ней проэктировались. Этотъ упрекъ сдѣлалъ автору записки г. Лѣсковъ въ «Гражданинѣ» (1875 г. № 15), болѣе другихъ свѣтскихъ журналовъ интересующемся церковно-религіозными вопросами. Г. Лѣсковъ не хотѣлъ вникнуть въ причины вызвавшія представленіе этой записки, не хотѣлъ обратить вниманія на условія времени, среди которыхъ она явилась, и разсматриваетъ ее, какъ современный проэктъ, имѣющій значеніе

для нынѣшняго дня, игнорируя то, что его отдѣляютъ отъ насъ четыре десятилѣтія. Проэктируемыя мѣры онъ отдѣляетъ отъ обстоятельствъ, противъ которыхъ онѣ направлены, и прилагая къ нимъ современную данность, отыскиваетъ въ нихъ анахронизмы. Въ запискѣ предлагается напримѣръ подтвердить всѣмъ управляющимъ имѣніями, чтобы они управляемымъ ими крестьянамъ въ одинъ изъ постовъ давали по крайней мѣрѣ недѣлю свободы, дабы послѣдніе могли надлежаще приготовиться къ исповѣди и святому причастію, а въ воскресные и праздничные дни отпускали и даже побуждали ихъ ходить въ церковь къ богослуженію. Г. Лѣсковъ готовъ смѣяться надъ этою мѣрою въ виду того, что крестьянамъ дарована свобода и они не зависятъ уже отъ управляющихъ имѣніями, забывая тѣ условія, въ какихъ находились крѣпостные крестьяне въ годъ представленія записки преосвященнаго Арсенія. Образъ дѣйствія, предлагаемый запискою, кажется критику не пастырскимъ. Но записка направлена противъ злоупотребленій полицейскихъ и гражданскихъ властей, ослабляющихъ и парализирующихъ дѣятельность духовенства, которыя конечно можно было устранить не пастырскимъ словомъ назиданія и убѣжденія, а только административными распоряженіями.

Записка о молоканской и другихъ сектахъ въ тамбовской епархіи, представленная высшему начальству—важный документъ. Ею онъ хотѣлъ раскрыть настоящее положеніе вещей по отношенію къ распространенію сектанства высшимъ властямъ и получить сверху пособіе для себя въ стремленіи къ удобнѣйшему ослабленію противныхъ церкви вліяній. Но этими представленіями онъ не ограничивался, и не сидѣлъ сложа руки въ ожиданіи болѣе благопріятнаго отношенія высшихъ властей къ дорогому для него дѣлу. На мѣстѣ у него кипѣла энергическая работа, и онъ не успокоивался самъ и не давалъ другимъ покоя, когда видѣлъ незаконныя и наглыя дѣйствія совра-

тителей. По его инструкціи и требованію, священники зорко должны были слѣдить за всѣми дѣйствіями сектантовъ, и о всемъ, что̀ дознаютъ, немедленно доносить ему. Когда узналъ онъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ молоканъ или раскольниковъ, онъ указывалъ на это мѣстной гражданской власти, и гражданская власть, видя энергію преосвященнаго и его твердое намѣреніе не отступать ни предъ какими препятствіями, боялась послаблять сектантамъ и оставлять безъ вниманія то, что̀ дѣлалось извѣстнымъ архіерею. Священникамъ онъ предписываетъ употребить всѣ мѣры къ искорененію молоканства и къ ослабленію ихъ пропаганды. Тѣ доносятъ ему, что ничего не могутъ подѣлать съ упорствомъ и ожесточеніемъ сектантовъ Имъ напоминается, чтобы они усугубили свое рвеніе въ священномъ дѣлѣ, имъ порученномъ; въ тоже время преосвященный Арсеній шлетъ донесеніе въ Св. Синодъ, что сектанство не ослабѣваетъ, не смотря на всемѣрное рвеніе многихъ священниковъ, борющихся съ нимъ. Синодъ указомъ предписываетъ объявить священникамъ, чтобы они, не смотря на упорство заблуждающихся, не ослабѣвали духомъ и продолжали съ терпѣніемъ свое дѣло. Преосвященный Арсеній представляетъ въ Синодъ вѣдомость о тѣхъ священникахъ, которые показали усердіе въ дѣлѣ обращенія заблудшихъ, и проситъ жалованья для тѣхъ, которые должны жить и дѣйствовать въ приходахъ, зараженныхъ молоканствомъ, чтобы онъ могъ поставлять туда болѣе достойныхъ и вліятельныхъ пастырей, и Синодъ уважаетъ это ходатайство преосвященнаго Арсенія, положивъ жалованья (въ 1835 году) для тридцати пяти священниковъ жившихъ въ селахъ, гдѣ были молокане, въ количествѣ 7000 р. ассигнаціями. Упорные сектанты вызывались въ консисторію на увѣщаніе, которое возложено было на ректора духовныхъ училищъ протоіерея Іоанна Архангельскаго, а наиболѣе дерзкіе изъ нихъ отсылались въ монастыри подъ

строгій надзоръ и на увѣщаніе, какъ напримѣръ моршанскій мѣщанинъ Алексѣй Ивановъ, дерзавшій поносить святыню церкви и особу Государя Императора, и основывавшій свои мнѣнія на книгѣ: «Побѣдныя повѣсти Штиллинга». Виновные въ совращеніи православныхъ и производившіе наиболѣе вредное вліяніе на окрестное населеніе, по его старанію, подвергались суду (какъ молоканинъ Семенъ Коноваловъ) и ссылались на Кавказъ (какъ однодворецъ села Бокина Тамбовскаго уѣзда Швецовъ въ 1838 году). Если слышалъ онъ о домашнихъ школахъ молоканскихъ, въ которыя и православные при своей недальновидности отдавали дѣтей своихъ для обученія грамотѣ, онъ настаивалъ предъ гражданскимъ начальствомъ объ ихъ закрытіи, что и случилось въ 1836 году съ школою, бывшею въ селѣ Разсказовѣ, въ домѣ молоканина Ѳедора Сучкина. Чтобы предохранить православныхъ отъ вреднаго вліянія сектантовъ, преосвященный Арсеній старался противодѣйствовать тому, чтобы у купцовъ-молоканъ были въ сидѣльцахъ и работникахъ православные христіане, и находилъ неудобнымъ, чтобы молокане, какъ люди вредные для христіанскаго общества, жили въ Тамбовѣ. По его вліянію, въ 1837 году тамбовская дума составила объ этомъ свой приговоръ, и этотъ приговоръ чрезъ Оберъ-Прокурора Св. Синода сообщенъ былъ министру внутреннихъ дѣлъ. Подобныя дѣйствія архипастырской ревности совершенно ослабили прежнюю самонадѣянность сектантовъ; они пришли въ уныніе и значительно притихли съ своею пропагандою. А Св. Синодъ, видя успѣхи подвиговъ ревности Арсенія къ ослабленію сектантства въ 1837 году, изъявилъ ему за то свою благодарность.

Административный путь отнюдь не единственный и не главный путь дѣйствованія преосвященнаго Арсенія въ борьбѣ съ сектантами. Къ нему онъ обращался, для устраненія пре-

пятствій къ успѣшному дѣйствованію на заблуждающихся и колеблющихся нравственными средствами убѣжденія. Нравственныя средства пастырскаго убѣжденія у него были главнымъ оружіемъ, которымъ онъ самъ пользовался съ усердіемъ и умѣньемъ къ ослабленію сектантскаго вліянія и которымъ предписывалъ пользоваться подвѣдомому ему духовенству. Часто проповѣдуя слово Божіе, разъясняя и защищая въ своей проповѣди начала чистой православной вѣры, архипастырь—ревностный блюститель чистоты и цѣлости вѣры ввѣренной ему паствы, своимъ вниманіемъ постоянно склоняется къ тѣмъ лжеученіямъ, какія, къ его глубокому прискорбію, раздирали тѣло церкви Христовой въ предѣлахъ его епархіи. Въ собраніи его словъ, бесѣдъ и рѣчей [1]) есть нѣсколько поученій, гдѣ онъ въ предохраненіе своей паствы отъ вліянія сектантскаго, то скорбитъ о томъ, что слѣпотствующіе вожди удаляютъ простосердечныхъ христіанъ и удаляются сами отъ общенія съ церковію въ приношеніи безкровной жертвы спасительнаго тѣла и крови Христовой, и съ полною вразумительностію разъясняетъ то, почему церковь начала совершать приношеніе тѣла и крови Господней, и откуда вожди молоканства почерпнули дерзновеніе отложить это приношеніе [2]), то обличаетъ мнимо-духовныхъ христіанъ, живущихъ посреди насъ, невѣрующихъ во Христа Спасителя, попирающихъ кровь Его завѣтную, отвергающихъ святыя тайны Его, посмѣвающихся животворящему Его кресту, и живущихъ, яко скоти безсловесніи, безъ крещенія, безъ покаянія, безъ причащенія, безъ брака, безъ священства, безъ храмовъ, безъ молитвы, безъ

---

[1]) Собраніе словъ, бесѣдъ и рѣчей Синодальнаго Члена Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго. Ч. I—V. С.-Петербургъ. 1873—4.

[2]) Бес. въ великій четвертокъ. Ч II, стр. 428—441.

вѣры, безъ Бога [1]), то защищаетъ иконопочитаніе и показываетъ неразуміе молоканъ, отвергающихъ то, что принято апостольскою церковію, защищаемо было мужами, просіявшими святостію и нетлѣніемъ мощей, и утверждено чудотвореніями [2]). При объѣздѣ епархіи онъ не опускалъ случая дѣйствовать словомъ вразумленія на уклоняющихся отъ церкви и поддающихся совращенію. Такъ въ Спасскѣ, городѣ, наиболѣе другихъ городовъ, тамбовской епархіи зараженномъ расколомъ, онъ съ силою говоритъ противъ отдѣленія отъ церкви, при единствѣ вѣры, вслѣдствіе разностей въ обрядахъ, и разбирая эти разности, показывая неправоту уклоняющихся изъ—~~за~~ нихъ отъ церкви, приглашаетъ уклоняющихся въ расколъ возвратиться въ ограду церкви, при удержаніи, если угодно, старыхъ книгъ и старыхъ обрядовъ [3]). Въ 1874 году (въ Кіевѣ) преосвященный Арсеній издалъ особое сочиненіе подъ заглавіемъ: »*Изъясненіе божественной литургіи*«. Изъясненіе Божественной литургіи составлено изъ бесѣдъ преосвященнаго Арсенія, говоренныхъ имъ тамбовской паствѣ, во время управленія его, въ 1836 и 1837 годахъ и предпринято имъ сколько по желанію многихъ изъ его пасомыхъ слышать отъ него объясненіе священныхъ обрядовъ и тайнодѣйствій, употребляемыхъ въ нашей православной церкви, и преимущество высочайшаго изъ таинствъ св. евхаристіи, столько въ видахъ противодѣйствія сектѣ молоканъ, называвшихъ себя духовными христіанами, и отвергавшихъ всѣ церковныя постановленія, въ коихъ видимымъ образомъ выражается какъ благодатная сила Духа, оживотворяющаго вѣрующихъ, такъ и самая жизнь

---

[1]) Слово въ нед. православія. Ч. II. стр. 319—329.

[2]) Сл. въ день перенесенія нерукотвореннаго образа Спасителя. Ч I. стр. 375—6 397—408.

[3]) Ч. V, стр. 237—248.

вѣрующихъ: таинства, обряды, поклоненіе святымъ иконамъ, посты, іерархіи и т. п. Предметъ и задачъ бесѣдъ о литургіи шире, чѣмъ указываетъ ихъ заглавіе. Въ нихъ изъясняется не одна тайна Евхаристіи, а говорится о богослуженіи вообще, его происхожденіи и характерѣ, говорится о храмахъ, о лицахъ совершающихъ богослуженіе, объ иконахъ и вещахъ, употребляемыхъ при богослуженіи, о молитвѣ за живыхъ и умершихъ и ея силѣ и т. под., и при всякомъ случаѣ мысль архипастыря направляется къ опроверженію заблужденій молоканскихъ и къ утвержденію въ привязанности къ православію и въ благоговѣйномъ почитаніи святыхъ таинъ и богослужебныхъ обрядовъ тѣхъ лицъ, которыя, сталкиваясь съ ними, могли-бы поддаваться имъ. Съ этою цѣлію въ бесѣдахъ такъ часты полемическіе эпизоды, въ которыхъ проповѣдникъ разбиваетъ мнѣнія и возраженія молоканъ, и въ этомъ случаѣ онъ прибѣгаетъ къ такого рода доказательствамъ, которыя имѣютъ силу и значеніе въ глазахъ заблуждающихся. Книга такъ богата содержаніемъ, что въ ней коснулся проповѣдникъ почти всѣхъ пунктовъ молоканскаго лжеученія и для не предубѣжденнаго сердца весьма ясно показалъ ихъ несостоятельность.

Не довольствуясь проповѣдію во храмѣ, преосвященный Арсеній противъ сектантскаго вліянія ратовалъ и въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми. Кого онъ подозрѣвалъ въ привязанности къ сектѣ, или о комъ слышалъ, что ему угрожаетъ совращеніе, съ тѣми старался видѣться онъ и входить въ разговоры и собесѣдованія для ихъ вразумленія, направляя рѣчь на тѣ предметы, которые превратно толковались сектантами, какъ видно уже изъ записки его, гдѣ упоминается объ одномъ полумолоканѣ, который спросилъ покойнаго Арсенія: »неужели и Закревскій былъ поставленъ отъ Бога«? когда Арсеній завелъ рѣчь съ нимъ о странномъ толкованіи, какое даютъ молоканы

словамъ апостола: *нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть* [1]).

Ратуя самъ не только административными мѣрами, но и словомъ убѣжденія противъ сектъ, заражавшихъ православное народонаселеніе тамбовской епархіи, преосвященный Арсеній возбуждалъ усиленную дѣятельность въ этомъ направленіи и у подчиненнаго ему пастырства. Чтобы дать пастырямъ церкви пособіе къ успѣшнѣйшему дѣйствованію противъ совратившихся въ молоканскую секту, онъ пишетъ особое »*наставленіе священнику относительно отпадшихъ отъ церкви въ секту молоканскую*« въ руководство тѣмъ пастырямъ, которые Провидѣніемъ Божіимъ и властію церковною призваны къ служенію въ приходѣ, зараженномъ ересію молоканскою, или получили особенное порученіе увѣщавать совратившихся отъ православной вѣры въ сію секту. Въ этомъ «наставленіи», кромѣ общихъ указаній касательно метода и условій успѣшнаго дѣйствія на совратившихся, разобрано все ученіе молоканъ, на основаніи документа, письменно излагающаго сумму вѣрованій тамбовскихъ молоканъ, извѣстнаго у нихъ съ 1820 года, подъ заглавіемъ: *обрядъ духовныхъ христіанъ*, и противъ каждаго пункта выставлены существенныя мысли, могущія служить къ опроверженію тѣхъ основаній, на какихъ онъ опирается. Желающій или имѣющій надобность входить въ собесѣдованія съ молоканами здѣсь найдетъ, что̀ нужно отвѣчать имъ, когда они излагаютъ своеобразное ученіе о церкви и отвергаютъ необходимость храмовъ христіанскихъ, когда говорятъ о молитвѣ Богу духомъ, отвергаютъ евхаристію, причастіе и другія таинства, когда возстаютъ противъ обрядовъ, крестнаго знаменія и иконъ, противъ почитанія святыхъ и соблюденія постовъ, или когда высказываютъ мечтательныя мысли о равенствѣ

1) Труды К. д. Акад. Февраль. 1875, стр. 153.

всѣхъ и представляютъ фальшивыя соображенія для защищенія своего уклоненія отъ законной присяги, отъ военной службы и для укрывательства бѣглыхъ и т. д. Всѣ отвѣты, данные въ «наставленіи», построены на словахъ священнаго Писанія, которое одно имѣетъ непререкаемый доказательный авторитетъ въ глазахъ молоканъ, и частію свидѣтельствъ древности, *которыхъ сила каждому ощутительна и истина сама собою очевидна*, и отличаются сколько краткостію, столько же отчетливостію и силою Давая примѣрное опроверженіе молоканскихъ лжеученій, заботливый архипастырь чувствовалъ, что онъ не вмѣстилъ въ немъ всего того, что по вызову обстоятельствъ можно представить уклонившимся отъ церкви для ихъ разубѣжденія въ своемъ суевѣріи, и по тому въ концѣ «наставленія» возбуждаетъ самодѣятельность пастырей въ стремленіи къ той цѣли, какую онъ выставляетъ для нихъ. »Во всякомъ наставленіи сего рода предварительномъ (говоритъ онъ), какъ нельзя предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, могущихъ встрѣтиться въ сношеніи съ разномыслящими, такъ нельзя вмѣстить всѣхъ доводовъ истины и всѣхъ предостереженій противъ изворотовъ лжеученія. Наставленіе сіе дается тебѣ, служитель Божій, не какъ подушка, на которой тебѣ почивать, но какъ образецъ, по которому, и орудіе, которымъ должно тебѣ производить порученное тебѣ дѣло. Читай слово Божіе, писанія святыхъ отецъ, размышляй, молись, чтобы отверзалась тебѣ дверь слова, проповѣдуй, молись о плодѣ посѣяннаго сѣмени, и опять обращайся къ собственному поученію и размышленію сообразно съ новыми вопросами и возраженіями, требующими рѣшенія, и предметами, имѣющими нужду въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи и объясненіи, какіе встрѣчаться тебѣ будутъ на твоемъ поприщѣ [1])«.

1) Наставленіе священнику относительно отпадшихъ отъ церкви въ секту молоканскую. Изд. 2-е. 1845. стр. 58.

Наставленіе это оцѣнено высшею властію русской церкви, и по опредѣленію Святѣйшаго Правительствующаго Синода напечатано нѣсколькими изданіями для разсылки по всѣмъ епархіямъ, въ руководство пастырямъ церкви, могущимъ имѣть дѣло съ молоканами.

Мы указали одну сторону архипастырской дѣятельности покойнаго Арсенія на тамбовской каѳедрѣ, на основаніи письменныхъ документовъ, извѣстныхъ въ печати. Конечно, она не обнимаетъ всей полноты его труда, какому онъ посвящалъ свои бодрыя и свѣжія силы на первой епископской каѳедрѣ, порученной ему въ молодые годы, хотя, при его направленіи, къ ней обращена была его главная забота. Но о другихъ сторонахъ его дѣятельности въ Тамбовѣ меньше заявленій въ печати [1]) и скуднѣе устныя воспоминанія.

По всѣмъ частямъ управленія преосв. Арсеній живо и съ энергіею обнаруживалъ и духъ иниціативы и неослабную ревность въ проведеніи до конца тѣхъ задачъ, какія указывали ему обстоятельства или какія находила его прозорливость. Видя и слыша, какъ новый и еще юный архипастырь берется за все, и какъ, при его неутомимости и энергіи, кипитъ у него всякое дѣло, саровскій старецъ Серафимъ, чтимый и при жизни и по смерти не въ одной тамбовской епархіи, но и далеко за предѣлами ея, сказалъ о немъ въ разговорѣ съ тамбовскимъ каѳедральнымъ протоіереемъ: »*много ему предстоитъ трудовъ, но Господь ему поможетъ*«, и это, полное мудрой простоты, слово, сказанное на первомъ году святительской службы Арсенія, было какъ-бы общимъ характеристическимъ предсказаніемъ, которое выполнялось потомъ въ теченіе всего послѣ-

---

1) Главныя свѣдѣнія о дѣятельности преосв. Арсенія въ бытность его тамбовскимъ епископомъ заключаются въ книгѣ свящ. Хитрова: историко-статистическое описаніе тамбовской епархіи. 1861, стр. 207—224.

дующаго святительскаго служенія. Онъ былъ неутомимый проповѣдникъ, старавшійся утвердить въ умахъ и сердцахъ своихъ слушателей привязанность къ началамъ вѣры православія и духъ благочестія христіянскаго. Онъ былъ распорядительный и мудрый правитель, скорый въ своихъ рѣшеніяхъ, любившій самъ за всѣмъ присмотрѣть, чтобы не было злоупотребленій со стороны второстепенныхъ и подчиненныхъ блюстителей закона и исполнителей его рѣшеній.

По отношенію къ представителямъ гражданской власти и помѣщикамъ края онъ умѣлъ соединять любезность въ обращеніи, близость въ обыденныхъ сношеніямъ съ твердостію и самостоятельностію въ оффиціальной сферѣ, не обнаруживавшею никакой уступчивости въ случаяхъ столкновенія интересовъ духовенства или церкви съ интересами гражданскими или помѣщичьими. Разъ твердо поставивши дѣло, и не показывая излишней уступчивости просьбамъ и жалобамъ свѣтскихъ сильныхъ людей, проистекавшимъ часто отъ каприза и прихотливаго самолюбія, онъ отнялъ охоту плодить эти жалобы и обременять епархіальнаго архіерея претензіями на приходское духовенство, не всегда справедливыми и большею частію мелочными, поставляющими въ щекотливое положеніе и того, кѣмъ приносится претензія, и того, кто волею или неволею долженъ принимать ее. Не смотря на эту твердость и неподатливость Арсенія, тамбовское дворянство глубоко уважало его за его умъ, за его характеръ и за его общительность, и со многими членами его у него поддерживались близкія отношенія и долго послѣ оставленія имъ Тамбова. Ему и въ Кіевѣ случалось встрѣчать дѣтей своихъ прежнихъ тамбовскихъ знакомыхъ, и на ихъ доброе расположеніе къ себѣ, наслѣдованное ими отъ отцовъ, онъ отвѣчалъ привѣтливостію истинно-отеческою, и удостоивалъ ихъ полной своей благосклонности,

отличая ихъ своимъ вниманіемъ отъ другихъ людей, поставленныхъ съ ними въ одинаковыя условія жизни.

Духовенство тамбовское, непосредственно подчиненное архіерею, сначала, когда явился покойный Арсеній на тамбовской каѳедрѣ, боялось его, какъ архипастыря и строгаго и взыскательнаго, а потомъ полюбило его, когда увидѣло его заботливость и внимательность къ нуждамъ духовенства. Первое впечатлѣніе, произведенное Арсеніемъ на духовенство тамбовской епархіи, привело духовенство въ нѣкоторое смущеніе и предрасполагало его видѣть въ немъ крутаго начальника. По пріѣздѣ въ Тамбовъ въ маѣ 1832 года, Арсеній первоначально остановился въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, отстоящемъ отъ города верстахъ въ трехъ, и сюда должно было собраться городское духовенство, чтобы представиться новому владыкѣ. Одинъ причетникъ, не успѣвшій во время выдти изъ дома, и отставшій отъ другихъ, всю дорогу бѣжалъ бѣгомъ, чтобы не опоздать къ общему представленію, и подходилъ подъ благословеніе къ новому архіерею, до нельзя раскраснѣвшись. Физіономія этого раскраснѣвшагося отъ поспѣшнаго бѣга причетника показалась Арсенію подозрительною, и Арсеній спросилъ его: »ты пьешь водку?« Причетникъ не рѣшился отвѣчать: »нѣтъ«. Арсеній, выслушавъ его признаніе, замѣтилъ всему духовенству, что такихъ онъ не будетъ терпѣть въ своей епархіи. Скоро также послѣ вступленія на тамбовскую каѳедру, узнаетъ онъ, что одинъ священникъ съ женою гулялъ въ городскомъ общественномъ саду. Призвавъ къ себѣ этого священника, онъ спрашиваетъ его, правда ли то, что онъ слышалъ про него, и когда священникъ не отрицалъ этого, преосвященный Арсеній сказалъ ему и велѣлъ передать это всѣмъ другимъ священникамъ, что »если ваши жены захотятъ гулять вмѣстѣ съ вами, то пусть ведутъ васъ за городъ, а не въ общественный садъ«. Въ томъ и другомъ случаѣ замѣча-

нія не сопровождались никакими практическими результатами для тѣхъ, которые ихъ вызвали. Но подобные факты сразу дали понять духовенству, что новый его начальникъ зорко будетъ слѣдить за всѣмъ, и послабленія дѣлать не будетъ. Обозрѣвая епархію, Арсеній строго слѣдилъ за исправностію духовенства въ исполненіи обязанностей своего званія, и въ случаѣ замѣченныхъ неисправностей не ограничивался одними выговорами виновнымъ: священно-церковно-служителей почти вездѣ испытывалъ въ знаніи христіанскаго ученія, причетниковъ въ особенности въ умѣньи пѣть и читать. Причетники, не знавшіе катихизиса и не умѣвшіе пѣть и толково читать, отсылались имъ въ монастыри для обученія, и отпускались оттуда только тогда, когда монастырское начальство засвидѣтельствуетъ объ ихъ исправности. Такой мѣрѣ исправленія подвергались и діаконы, а иногда даже и священники [1]). Обо всѣхъ священникахъ своей епархіи Арсеній желалъ имѣть самыя точныя свѣдѣнія, чтобы знать, кому что можно поручить въ случаѣ нужды, и чтобы священники, видя строгій контроль надъ собою, были внимательнѣе къ своему долгу. Не могши видѣть все самъ, онъ требовалъ самаго строгаго надзора надъ духовенствомъ отъ благочинныхъ и обязывалъ ихъ доставлять ему самыя обстоятельныя свѣдѣнія о жизни и дѣятельности членовъ причта, находящихся въ ихъ округѣ. А чтобы надзоръ благочинныхъ былъ болѣе дѣйствителенъ, онъ предписалъ ограничить вѣдомства благочинныхъ ближайшими причтами, такъ чтобы каждое вѣдомство заключало въ себѣ не болѣе 8—10 церквей, и это новое распредѣленіе благочиній утверждено имъ 1833 году, почти въ самомъ началѣ управленія имъ тамбовскою епархіею.

---

1) Историко-статистическое описаніе тамбовской епархіи. Священника **Хитрова. Тамбовъ. 1861. стр. 208.**

Кромѣ строгаго наблюденія надъ духовенствомъ, кромѣ строгихъ взысканій, какимъ подвергались неисправные его члены, двѣ мѣры, принимавшіяся во время управленія Арсенія тамбовскою епархіею, тяготили тамошнее духовенство и возбуждали среди него глухой ропотъ. Одна мѣра состояла въ частыхъ перемѣщеніяхъ священно-церковно-служителей съ одного прихода на другой. Эти перемѣщенія дѣлались иногда по особымъ видамъ епархіальнаго начальства, для доставленія болѣе соотвѣтственной дѣятельности тому или другому лицу, а чаще въ видѣ наказанія для тѣхъ или другихъ священно-церковно-служителей, въ случаѣ ихъ какой либо неисправности или недостатка пастырской дѣятельности при усиленіи раскола или сектантства въ какомъ либо приходѣ, или въ случаѣ несогласій и раздоровъ между членами причта. Тяжело ложились переводы съ одного прихода на другой на матеріальный бытъ тѣхъ, кого они постигали. Церковныхъ домовъ для причта въ тамбовской епархіи не было и въ поминѣ; а каждый членъ причта долженъ былъ строить свой домъ на церковной землѣ. Когда же вдругъ выпадалъ кому либо нечаянный и невольный переводъ съ одного мѣста на другое, его хозяйству угрожало большое разстройство. Нажитый домъ приходилось оставлять зря на чужія руки или продавать за ничтожную цѣну своему пріемнику. Вещи, относящіяся къ домашнему обиходу, не легко и не дешево было перевести всѣ сполна на новое мѣсто, особенно если это мѣсто лежало въ другомъ противоположномъ концѣ епархіи. На новомъ мѣстѣ нужно было вновь заводиться хозяйствомъ. А при тѣхъ доходахъ, какими могли располагать тамбовскіе священно-церковно-служители, это была не легкая задача... Когда усмотрѣлъ преосвященный Арсеній, какимъ чувствительнымъ вредомъ для матеріальнаго благосостоянія священно-церковно-служителей сопровождается пере-

мѣщеніе ихъ съ одного прихода на другой, онъ рѣже сталъ обращаться къ этой мѣрѣ, и года черезъ три, послѣ начала его управленія, переводы священно-церковно-служителей стали допускаться почти исключительно по желанію самихъ же священно-церковно-служителей или въ видахъ повышенія, а не наказанія.

Другая мѣра, не совсѣмъ нравившаяся духовенству, касалась собственно Тамбова: въ немъ онъ въ 1836 году къ каждой приходской церкви прибавилъ по одному штату, такъ что гдѣ было два священника, стало три при одномъ и томъ же приходѣ, гдѣ было три, тамъ прибавленъ четвертый.... Это предпринято было имъ въ видахъ усиленія религіознаго вліянія духовенства на народъ и въ видахъ облегченія труда священниковъ, отъ которыхъ онъ требовалъ, чтобы они каждый день совершали богослуженіе въ городскихъ церквахъ. Но духовенство чрезъ это терпѣло ущербъ въ средствахъ своего содержанія; такъ какъ тотъ доходъ, который прежде шелъ одному, теперь долженъ былъ дѣлиться между двумя и т. д. При этомъ происходили неизбѣжныя столкновенія и соперничества, подававшія поводъ къ разнымъ непріятностямъ. Жертвы, требовавшіяся при этой мѣрѣ отъ тамбовскаго духовенства, были для него чувствительнѣе, чѣмъ тѣ высокіе виды, какіе вызвали ее со стороны архипастыря, и оно смотрѣло на нее не съ той точки зрѣнія, съ какой архипастырь, ее проведшій, но покорно подчинилось высшему распоряженію.

Самъ дѣятельный и энергическій преосвященный Арсеній и отъ подчиненнаго ему духовенства требовалъ соотвѣтственной дѣятельности и усерднаго исполненія всѣхъ обязанностей своего званія. Для удобнѣйшаго возбужденія благочестія въ христіанахъ, онъ предписывалъ по всей епархіи (въ 1837 г.), чтобы во всѣхъ церквахъ совершаемо было какъ можно чаще богослуженіе, въ городахъ ежедневно, а въ селахъ не въ одни

воскресные и праздничные дни, но и въ будніе, смотря по обстоятельствамъ. Въ первый же годъ своего управленія тамбовскою паствою онъ обязалъ всѣхъ приходскихъ священниковъ подписками о побужденіи прихожанъ, всѣхъ безъ изъятія, къ каждогодной исповѣди и причащенію св. Таинъ. Были неоднократныя напоминанія священникамъ, чтобы они не оставляли безъ вниманія лежащій на нихъ долгъ учительства. Священникамъ, затрудняющимся въ составленіи своихъ поученій, вмѣнено было въ обязанность читать въ церквахъ по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ поученія изъ отеческихъ твореній и изъ книгъ, изданныхъ по благословенію Св. Синода; а священники ученые обязаны были, въ особенности въ великій постъ, говорить народу поученія своего сочиненія и свои проповѣдническіе труды представлять архіерею. Это распоряженіе объявлено было не только всему духовенству, но (что нѣсколько странно) и всѣмъ сельскимъ начальствамъ. Съ 1838 года заведены были катихизическія поученія, которыя поручались избраннымъ священникамъ, и въ которыхъ разъяснялись народу начальныя основанія вѣры и нравственности.

Строгая взыскательность и требовательность не были единственными чертами, какими опредѣлялось отношеніе преосвященнаго Арсенія къ тамбовскому духовенству. Духовенство видѣло въ немъ не только правителя, желавшаго разными мѣрами пробудить энергію и усердіе къ своему дѣлу въ подчиненныхъ ему пастыряхъ, но и отца, внимательнаго къ нуждамъ духовенства, заботящагося о возможномъ ихъ удовлетвореніи. Готовый самъ пожурить и пожалуй подвергнуть какому либо взысканію того или другаго члена духовенства въ случаѣ его неисправности, онъ не давалъ подчиненныхъ ему пастырей въ обиду чужимъ свѣтскимъ людямъ, а своею властію защищалъ ихъ, когда восходили на нихъ придирчивые доносы и жалобы.—Для тамбовскаго духовенства, небогатаго,

не получавшаго никакого опредѣленнаго содержанія ни отъ казны, ни отъ общества, и жившаго поручными доходами лестно было слышать, что его архипастырь, желая облагородить его отношенія къ прихожанамъ, высказываетъ мысль о необходимости назначенія ему опредѣленнаго жалованья или отъ казны или отъ приходскихъ обществъ, и въ этомъ смыслѣ ходатайствуетъ предъ высшимъ начальствомъ. Если это ходатайство по разнымъ причинамъ не могло быть уважено въ томъ видѣ, въ какомъ представлялъ его преосвященный Арсеній, духовенство цѣнило сочувствіе къ его положенію въ своемъ начальникѣ и заботу объ его улучшеніи и утѣшало себя надеждами на лучшее будущее. И эти надежды не были напрасны. Независимо отъ общихъ мѣропріятій, благопріятныхъ для духовенства, и рекомендуемыхъ преосвященнымъ Арсеніемъ не разъ на дѣлѣ оно видѣло добрые результаты его заботливости о подчиненныхъ ему священно-церковно-служителяхъ. Всѣмъ причтамъ своей епархіи онъ не могъ исходатайствовать опредѣленнаго содержанія; но ходатайства его по отношенію къ нѣкоторымъ частнымъ причтамъ увѣнчивались не разъ успѣхами, или во уваженіе ихъ бѣдности или по вниманію къ исключительнымъ условіямъ, въ какихъ они находились. Такъ въ 1833 году имъ испрошено жалованье для 22 бѣдныхъ причтовъ въ количествѣ 6900 р. асс. въ годъ, въ 1835 году, какъ было уже замѣчено, для священниковъ, дѣйствовавшихъ въ молоканскихъ приходахъ, въ количествѣ 7000 руб. ассигнаціями. Для безземельныхъ церквей онъ хлопоталъ объ отводѣ земли въ достаточномъ количествѣ, и для этого сносился и съ мѣстнымъ гражданскимъ начальствомъ и входилъ съ особымъ ходатайствомъ въ Св. Синодъ. Увеличивая штаты въ городскихъ церквахъ, священники которыхъ на его взглядъ жили весьма достаточно, онъ не распространялъ этой мѣры на бѣдные сельскіе приходы. Здѣсь, напротивъ, для

улучшенія внѣшняго быта священно-церковно-служителей, онъ сокращалъ число членовъ причта при церквахъ несостоятельныхъ. Такъ въ 1833 году 25 сельскихъ церквей присоединено къ другимъ сосѣднимъ для увеличенія содержанія духовенства, отъ 20 церквей неодноштатныхъ отчислено по штату священно-церковно-служителей и наличное духовенство распредѣлено по другимъ приходамъ. Въ другихъ мѣстахъ закрывались діаконскія вакансіи, отъ церквей достаточныхъ отчислялись деревни, для присоединенія ихъ къ другимъ приходамъ болѣе скуднымъ. Когда духовенство или всей епархіи или тотъ или другой причтъ постигало какое-либо несчастіе, напримѣръ пожаръ или неурожай, преосвященный Арсеній не только не отказывалъ ему въ пособіи, но по своей внимательности предъупреждалъ прошенія и всѣми возможными способами старался облегчить тяжелое положеніе застигнутыхъ несчастіемъ. По его ходатайству, стало выдаваться денежное вспоможеніе отъ казны пострадавшимъ отъ пожара священно-церковно-служителямъ тамбовской епархіи, по мѣрѣ убытковъ и достоинства подвергшихся этому несчастію, чего не было прежде до его прибытія въ Тамбовъ. Въ 1840 году по случаю неурожая, преосвященный Арсеній испрашивалъ денежное пособіе для всѣхъ бѣдныхъ духовнаго званія, и по его ходатайству Высочайше пожертвовано было на духовенство тамбовской епархіи 26 тысячъ рублей ассигнаціями, которые и розданы были нуждавшемуся духовенству. Всѣ подобныя дѣйствія и ходатайство преосвященнаго Арсенія принимаемы были тамбовскимъ духовенствомъ съ глубокою признательностію, и они при всѣхъ строгостяхъ и требовательности его, въ особенности въ первые годы его управленія, снискивали ему общую любовь духовенства.

Излюбленными мѣстами вниманія преосвященнаго Арсенія были монастыри. Когда въ званіи ректора семинаріи онъ

былъ настоятелемъ разныхъ монастырей, онъ прилагалъ стараніе къ усиленію тѣхъ доходовъ, на какіе они содержатся, и за улучшеніе ихъ благосостоянія получалъ неоднократно благодарность епархіальнаго начальства. Сдѣлавшись самъ правителемъ епархіи, онъ имѣлъ больше силы и способовъ къ увеличенію благосостоянія монастырей ввѣренной ему епархіи. Въ 1838 году онъ ходатайствовалъ о надѣленіи нѣсколькихъ монастырей своей епархіи болѣе или менѣе достаточнымъ количествомъ земли, могущей давать монастырямъ средства содержанія, и во вниманіи ко этому ходатайству въ 1839 году лебедянскому троицкому монастырю отрѣзано было 25 десятинъ земли, козловскому и шацкому чернѣеву по 65 десятинъ, въ 1840 году министромъ государственныхъ имуществъ разрѣшено выдѣлить для монастырей лебедянскаго и чернѣева по 75 десятинъ лѣса изъ казенныхъ дачъ, по ихъ выбору, а пустыни: вышенская и санаксарская, монастыри: софійскій, усманскій и тамбовскіе мужской трегуляевскій и женскій вознесенскій обнадежены обезпеченіемъ землею въ скоромъ будущемъ, и это обезпеченіе не замедлило послѣдовать скоро послѣ пріѣзда преосвященнаго Арсенія изъ Тамбова. Послѣднему вознесенскому женскому монастырю еще въ 1837 году, по старанію Арсенія, дано было 500 деревъ изъ неркинскаго казеннаго лѣса на домашнія постройки. Монастыри дороги были для него: въ нихъ, въ ежедневномъ богослуженіи, въ нихъ совершаемомъ, въ подвижнической жизни людей, посвятившихъ себя Богу, онъ видѣлъ главное средство къ поддержанію и распространенію духа благочестія въ народѣ, и потому окружалъ ихъ своею попечительностію.

Къ семинаріи, приготовлявшей будущихъ сотрудниковъ для него по пастырскому служенію, преосвященный Арсеній стоялъ очень близко. Ему хорошо извѣстны были всѣ наставники семинаріи, и тѣхъ, кого онъ находилъ особенно усерд-

ными и полезными воспитателями духовнаго юношества, онъ отличалъ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ, и приглашалъ такихъ посвятить себя служенію церкви въ священномъ званіи. На экзаменахъ каждогодно онъ являлся два раза, и предъ рождествомъ и предъ вакаціею (когда прежнимъ уставомъ предписывалось производить испытаніе учениковъ семинаріи), и во всѣхъ классахъ испытывалъ учениковъ почти по всѣмъ предметамъ. При этихъ испытаніяхъ онъ любилъ входить въ разъясненія того или другаго предмета, обнаруживая предъ всѣми свою большую начитанность и свѣдѣнія по разнымъ частямъ наукъ, преподаваемыхъ въ семинаріи, и охотно допускалъ пренія наставниковъ между собою, въ которыхъ и самъ принималъ участіе.. Отсюда въ Тамбовѣ въ семинаріи долгое время сохранялась память о немъ, какъ человѣкѣ умномъ, ученомъ и многознающемъ. Такая внимательность преосвященнаго Арсенія къ семинаріи заставляла наставниковъ старательно прилежать къ своему дѣлу, чтобы на экзаменѣ не сконфузиться предъ нимъ и не вызвать замѣчанія за плохіе отвѣты учениковъ. А самъ преосвященный Арсеній при этихъ испытаніяхъ получалъ возможность хорошо узнавать всѣхъ воспитанниковъ семинаріи, въ особенности лучшихъ изъ нихъ, и когда по выходѣ изъ семинаріи они являлись къ нему съ прошеніями о мѣстахъ, онъ каждаго изъ нихъ принималъ уже какъ человѣка ему извѣстнаго, и потому дѣйствовалъ не наугадъ, когда назначалъ кому такое или другое мѣсто. Ректоромъ семинаріи при немъ былъ архимандритъ Адріанъ (восемь лѣтъ отъ 7 ноября 1833 года), переведенный въ Тамбовъ изъ инспекторовъ вятской семинаріи, а инспекторомъ (въ теченіе шести лѣтъ съ начала 1835 года) архимандритъ Лаврентій. Оба они были люди исправные, но нѣсколько вялые, безъ той жизни и энергіи, какими изобиловалъ самъ преосвященный Арсеній. Разными средствами преосвященный Арсеній возбуж-

далъ ихъ къ болѣе быстрой дѣятельности, старался придать имъ болѣе огня и силы, но трудно было переломить натуру человѣка, и начальники семинаріи, подвѣдомой Арсенію, при всей ихъ исправности, не отвѣчали вполнѣ желаніямъ быстрой, подвижной, и живой его натуры. Видя ихъ вялость, преосвященный Арсеній нисколько не вредилъ ихъ служебной карьерѣ, но подъ часъ трунилъ надъ ними, и въ легкой шуточной формѣ выражалъ то, что не такими бы имъ слѣдовало быть, каковы они на самомъ дѣлѣ.. »Лаврентій и Адріаній оба стоятъ одинъ динарій«, смѣясь говорилъ онъ въ присутствіи ихъ въ собраніяхъ близкихъ людей. Благодаря бдительному наблюденію преосвященнаго Арсенія надъ тамбовскою семинаріею, она была въ хорошемъ состояніи и представляла каждый курсъ способныхъ и вполнѣ приготовленныхъ студентовъ къ слушанію высшаго курса богословскихъ наукъ въ духовныя академіи. Въ бытность Арсенія тамбовскимъ епископомъ (въ 1836 году) ревизовалъ тамошнюю семинарію баккалавръ московской духовной академіи іеромонахъ Филоѳей, сдѣлавшійся впослѣдствіи преемникомъ Арсенія по каѳедрѣ кіевской митрополіи, и онъ далъ отзывъ о состояніи семинаріи вполнѣ одобрительный.

Особеннаго вниманія заслуживали у него студенты, назначаемые для поступленія въ академію. Принимая ихъ предъ отправленіемъ въ академію, и потомъ по окончаніи академическаго курса, онъ склонялъ ихъ не оставлять духовнаго званія, къ которому они готовились, съ укоромъ относился къ тѣмъ, которые мечтали о свѣтской карьерѣ, одобрялъ и благодарилъ тѣхъ, которые заявляли предъ нимъ намѣреніе принять священный санъ. Его въ особенности радовало, когда кто либо изъ воспитанниковъ академіи, ему извѣстныхъ, принималъ монашество: такому онъ готовъ былъ обѣщать свою полную любовь и всегдашнее покровительство. Изъ тамбовскихъ

студентовъ, имъ отправленныхъ въ академію кіевскую въ 1839 году, посвятилъ себя монашескому званію Нектарій, скончавшійся архіепископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ. По окончаніи курса Нектаріемъ, онъ принялъ его подъ свое покровительство, и подъ его руководствомъ начиналъ свою духовно-учебную службу Нектарій въ каменецъ-подольской епархіи.

Тамбовское духовное училище съ благодарностію вспоминаетъ имя Арсенія за то, что доставилъ ему хорошее и просторное помѣщеніе для казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Прежде казеннокоштные ученики училища жили въ семинарской бурсѣ съ очевидными невыгодами и для себя и для учениковъ семинаріи, стѣсняя послѣднихъ и сами тѣснясь около нихъ кое-какъ. Замѣчая разныя неудобства, съ этимъ соединенныя, преосвященный Арсеній искалъ случая устранить ихъ, и достигнулъ этого безъ всякихъ денежныхъ затратъ. Онъ расположилъ одну добродѣтельную жену генералъ-маіора (Андреевскую), получившую во владѣніе обширный деревянный домъ на берегу рѣки Цны, пожертвовать этотъ домъ для духовнаго училища, и она въ 1840 году не только даромъ отдала училищу этотъ домъ, но въ добавокъ при этомъ устроила 160 кроватей для учениковъ училища съ двумя перемѣнами постельныхъ принадлежностей.

Много и другихъ добрыхъ дѣлъ оставилъ по себѣ преосвященный Арсеній. Мы передаемъ только тѣ, о какихъ есть заявленія (конечно не полныя) въ печати, или о какихъ случайно донеслись до насъ отдаленные отголоски. Въ Тамбовѣ вѣроятно хранится много преданій, которыя значительно могли бы восполнить наши отрывочныя представленія. Въ девять лѣтъ его управленія тамбовскою паствою, тамбовцы свыклись съ нимъ и прониклись полнымъ уваженіемъ и искреннею любовію къ своему энергическому, умному и ко всѣмъ и ко всему внимательному архипастырю, и когда весною 1841 года

онъ долженъ былъ проститься съ ними, призываемый къ служенію въ другомъ краѣ, тамбовцы всѣхъ сословій провожали его съ непритворными слезами и глубокимъ сожалѣніемъ. Свидѣтель того преосвященный Веніаминъ, епископъ иркутскій и нерчинскій. Онъ былъ ученикомъ тамбовской семинаріи, когда Арсеній оставлялъ тамбовскую паству, и до сихъ поръ (какъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ [1]) къ покойному Арсенію въ августѣ 1873 года) живо представляетъ его проводы изъ Тамбова и тѣ слезы, какими сопровождала его глубоко-уважавшая его паства.

Послѣднія тридцать пять лѣтъ своей жизни и архипастырской дѣятельности преосвященному Арсенію суждено было провесть въ югозападномъ краѣ и частію въ Польшѣ. 1841 года апрѣля 5 дня ему Всемилостивѣйше повелѣно быть архіепископомъ подольской епархіи. Изъ Подоліи онъ переведенъ былъ на Волынь и въ Варшаву, а отсюда на старѣйшую каѳедру кіевской митрополіи. Если прежде, когда онъ только принималъ санъ святительскій и имѣлъ въ виду отправиться въ Тамбовъ, его смущали изгороты и хитрости лукавства человѣческаго, съ которыми онъ долженъ былъ вести борьбу, то тѣмъ болѣе основаній для этого смущенія представлялось тогда, когда его предназначали для служенія новой паствѣ, окруженной иновѣрцами, враждебными не только церкви православной, но и русскому государственному элементу,—въ краѣ, гдѣ слишкомъ явны были слѣды коварныхъ дѣйствій враговъ православія и гдѣ римско-католическое населеніе, воспитанное и руководимое іезуитскимъ духомъ, пустившимъ глубокіе корни всюду, куда простиралось польское владычество, долговременнымъ историческимъ опытомъ изощрилось въ интригахъ въ борьбѣ съ православіемъ, и, не зная предѣловъ своей ненависти къ защитникамъ православія не отступало ни предъ какими средствами къ униженію и ослабленію православія, если не къ совершенному его уничтоженію.

---

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей высокопр. митрополита Арсенія, стр. 177.

Трудная задача предлежала Архипастырю въ такомъ краѣ, если онъ хотѣлъ быть бдительнымъ и ревностнымъ блюстителемъ интересовъ православной церкви среди множества тайныхъ и явныхъ враговъ. А преосвященный Арсеній, при своемъ энергическомъ и стойкомъ характерѣ, при своей горячей и испытанной ревности по православію, не могъ не быть самымъ бдительнымъ стражемъ своей паствы. Предстоящая встрѣча съ враждебными силами могла не ослабить, а усилить его обычную энергію. Девятилѣтняя неослабная борьба съ врагами православной церкви въ Тамбовѣ, съ тамошними сектантами, увеличила его зоркость и ручалась за то, что онъ не отступитъ ни на шагъ въ дѣлѣ защищенія и возвышенія православной вѣры и паствы, какъ бы ни много враговъ было у него, и какъ бы ни были ловки они въ своихъ пріемахъ и изворотахъ. Когда въ рѣчи своей, произнесенной при наречсніи въ епископа, онъ съ удареніемъ указывалъ на опасности отъ коварства и изворотовъ враговъ церкви и вѣры православной, онъ какъ бы предвидѣлъ, что ему предлежитъ не одинъ трудъ вести мирную и покорную паству по пути спасенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и другой, требующій большаго напряженія, трудъ защищать ее отъ обидъ и расхищенія, своевременно замѣчать и отражать враждебные замыслы людей, чуждыхъ православной церкви и полныхъ ненависти въ ней.

Когда въѣзжалъ въ Подолію преосвященный Арсеній, на него, какъ на православнаго архипастыря, тяжелое впечатлѣніе произвела она. Проѣзжая селами, мѣстечками и городами своей новой эпархіи, онъ вездѣ видѣлъ силу и богатство римскаго или польскаго католичества, и приниженное, бѣдное положеніе русскаго православія. Въ каждомъ мѣстечкѣ самую видную и центральную площадь занималъ роскошный и высокій каменный костелъ; а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, иногда въ грязномъ закоулкѣ, стояла едва видная убогая православная церковь, деревянная, низ-

кая, съ покрившимися стѣнами, часто съ дырявою крышею, едвали могущею защитить молящихся отъ дождя и непогоды. Когда онъ входилъ въ храмы, его, привыкшаго къ приличной, если не роскошной, обстановкѣ храмовъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, до крайности поражала скудость внутренняго убранства церквей и бѣдность церковной утвари. Народъ, тѣснившійся вокругъ него, не обнаруживалъ въ себѣ той смѣлости и бойкости, какую онъ замѣчалъ въ великорусскомъ крестьянинѣ, а носилъ на себѣ особенную печать забитости и загнанности, положенную на него тяжелою страдальческою исторіею. Само священство подольское показалось ему мало увѣреннымъ въ себѣ и мало сознающимъ достоинство своего положенія: оно какъ бы боялось той роли, какая возложена на него обстоятельствами края, переполненнаго иновѣрцами, враждебными русскому элементу, и сторонилось передъ польскимъ паномъ, который казался владыкою края, и гордо держалъ себя предъ всѣми.

Тяжелое впечатлѣніе, произведенное въ первый разъ Подоліею на преосвященнаго Арсенія, не изгладилось, а еще болѣе усилилось, когда онъ, по обязанностямъ своего служенія, ближе сталъ присматриваться къ положенію вещей. Владѣльческій классъ весь, за немногими исключеніями, почти не видными и въ общей массѣ не имѣющими никакого значенія, состоялъ изъ поляковъ, презиравшихъ православную церковь, какъ церковь, по ихъ понятіямъ, схизматическую, и готовыхъ всѣми средствами вредить ей. Богатые магнаты и паны окружены были десятками и сотнями шляхтичей, тоже кичившихся вольностію и привилегіями дворянства, и всюду заявлявшихъ свое нерасположеніе и неуваженіе къ хлопской вѣрѣ, какъ они называли православное вѣроисповѣданіе. Эти вольные шляхтичи занимали мѣста экономовъ, управителей, арендаторовъ у большихъ пановъ, а иногда и сами становились помѣщиками. Низкопоклонные предъ высшими, они съ высокомѣріемъ относились къ крестьянству, которое слыло у

ихъ подлою черною или быдломъ, давили его своимъ деспотическимъ произволомъ и выжимали изъ него послѣдніе соки для увеличенія благосостоянія своего и благосостоянія большихъ пановъ. Они мечтали о возстановленіи Рѣчи посполитой и принимали всевозможныя мѣры къ осуществленію своихъ мечтаній, тѣсня и преслѣдуя всѣхъ, не раздѣлявшихъ этихъ мечтаній. Эти мечты были причиною открытаго мятежа ихъ противъ русскаго правительства, не задолго до перемѣщенія Арсенія въ Подолію. Усмиренные силою оружія, они поневолѣ должны были притихнуть, но въ сердцѣ тѣмъ глубже затаили свою ненависть къ своимъ укротителямъ, и ко всему, что носило русское имя. Въ рукахъ этого, враждебнаго православію, класса сосредоточивалось земельное имущество, богатство и образованіе или интеллигенція края. Изъ него же выходило большинство мѣстнаго чиновнаго люда, — представители полиціи, администраціи и суда. Если же являлись наѣзжіе (какъ они говорили) чиновники изъ великороссовъ,—они старались ассимилировать ихъ себѣ и заставить дѣйствовать подъ тактъ своимъ желаніямъ, и при безхитростной добротѣ и податливости русскихъ весьма часто успѣвали въ этомъ. А на неподдающихся ихъ вліянію они дѣйствовали клеветою, интригами, насмѣшками и угрозами, и умѣли доводить ихъ до того, что они волею или неволею должны были убираться изъ края. Въ эпархіи было значительно болѣе милліона русскаго православнаго народонаселенія [1]). Но край не казался русскимъ; потому что на верху его стояло двѣсти тысячъ поляковъ римско-католическаго исповѣданія, которые всюду заявляли свою силу, свои права, свои обычаи и свой языкъ, и которые держали въ рабствѣ, бѣдности и униженіи православный людъ, подчиненный имъ на пра-

---

[1]) Въ 1862 году насчитывалось православныхъ жителей въ Подоліи 1,217,118 (Вѣстникъ югозападной и западной Россіи, 1862, октябрь, IV, стр. 31—33) Въ 1841 году могло быть не многимъ менѣе.

вахъ крѣпостныхъ крестьянъ. Народъ питалъ глубокую привязанность къ Россіи и русскому правительству, отъ котораго ожидалъ если не свержения, то облегченія тяжелаго панскаго ига. Въ годы политическихъ волненій правительство съ полною увѣренностію могло полагаться на него, и онъ могъ сослужить ему немалую службу въ борьбѣ съ мятежными поляками. Но въ обыкновенное время онъ былъ безъ воли и безъ правъ, и не смѣлъ открыто заявлять даже своей привязанности къ своему отечеству: польскій панъ и шляхтичъ былъ полный распорядитель его имущества, его рабочей силы и его личности, онъ могъ подвергать его тѣлеснымъ наказаніямъ, даже самымъ тяжкимъ, могъ отдавать въ солдаты, могъ ссылать на поселеніе, не говоря о другихъ болѣе легкихъ взысканіяхъ. А чуть выдутъ изъ терпѣнія угнетаемые крестьяне, открыто заявятъ свой ропотъ и неудовольствіе или подадутъ жалобу начальству,—на нихъ шлется по начальству обвиненіе въ мятежѣ, и руками русской полиціи или русскаго войска приводятся въ повиновеніе панамъ непокорные крестьяне. Притѣсненія крестьянъ и обвиненія ихъ въ неповиновеніи и буйствѣ послѣ мятежа 1831 года не кончились, но напротивъ усилились, когда дѣла пришли въ обычный порядокъ, и стала забываться прежняя невѣрность польской шляхты: ими мстили паны крестьянамъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ встрѣчено было противодѣйствіе измѣнническимъ замысламъ. Люди, отличавшіеся особенною преданностію Россіи и церкви православной, одною этою преданностію и вызывали въ панахъ и шляхтѣ сильную злобу къ себѣ, которая подвергала ихъ разнымъ преслѣдованіямъ и наказаніямъ и въ такомъ случаѣ эти преслѣдованія и наказанія казались народу прямымъ преслѣдованіемъ за вѣру. Съ панами и шляхтою шли за одно ксендзы католическіе, которые возбуждали фанатизмъ своей аристократической и привиллегированной паствы, и сами готовы были прибѣгать къ насилію и угнетеніямъ надъ людьми, державшимися ненавист-

наго имъ православія. Въ 1839 году, года за полтора до пріѣзда въ Подолію преосвященнаго Арсенія, доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ кіевскій, подольскій и волынскій генералъ губернаторъ, что въ подвѣдомомъ ему краѣ„ римско-католическіе духовные жестоко обращаются съ своими крестьянами и служителями, наказывая ихъ безъ пощады тѣлесно, и изнуряя заключеніемъ, голодомъ и другими истязаніями, и что такіе примѣры жестокости производятъ самое дурное вліяніе на крестьянъ, принимающихъ сіи наказанія въ видѣ преслѣдованія за православную вѣру“ [1]). Вслѣдствіе этого донесенія генералъ—губернатора правительство постановило: „строго воспретить владѣющимъ фундушевыми поселенными имѣніями членамъ римско-католическаго бѣлаго и монашествующаго духовенства, какъ самимъ такъ и чрезъ подвластныхъ своихъ, подвергать впредь крестьянъ и служителей ввѣренныхъ имъ церквей и монастырей не только тѣлесному, но и всякому иному близкому къ сему и вообще истязательному наказанію, каковы, напримѣръ, заключенія, колодки, рогатки, изнуренія уменьшенною пищею и тому подобное; въ случаѣ же проступковъ (крестьянъ) предоставить имъ (ксендзамъ) дѣйствовать на нихъ по долгу своего званія убѣжденіями и кроткими вразумленіями, а при упорномъ неповиновеніи со стороны крестьянъ и при недѣйствительности наставленій обращаться для исправленія ихъ и законнаго взысканія къ мѣстнымъ земскимъ и городскимъ полицейскимъ управленіямъ“ [2]).

Священники, главные представители православія опора русскаго элемента въ краѣ, поставлены было очень невыгодно по отношенію къ иновѣрному населенію. Они чувствовали слишкомъ большую зависимость отъ помѣщичьей власти, въ особенности въ матеріальномъ отноше-

---

[1]) Римское католичество и его іерархія въ Подоліи. Симашкевича. 1872. стр. 439.

[2]) Тамже, стр. 439—440.

нiи. Польскіе паны, какъ главные хозяева въ краѣ и господа закрѣпощеннаго за ними православнаго народонаселенія, пользовались правомъ патроната по отношенію къ православной церкви, находящейся на ихъ землѣ и построенной для ихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Пользованіе этимъ правомъ не опредѣлялось юридическою регламентаціею, а частію обычаемъ и еще болѣе произволомъ пана. Въ силу этого права помѣщикъ хотѣлъ имѣть вліяніе на избраніе священника для церкви своего села, и если православный архіерей поставлялъ священника къ той или другой церкви безъ согласія пана, панъ оскорблялся и не стѣснялся дѣлать замѣчаніе архіерею за нарушеніе его правъ, утвержденныхъ давнимъ обычаемъ. Такія замѣчанія, и на бумагѣ, случалось получать не только отъ помѣщиковъ, но и отъ помѣщицъ [1]) преосвященному Ксенофонту, управлявшему подольскою епархіею въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Если не любъ становился по чему либо избранный и опредѣленный священникъ, панъ требовалъ у епархіальной власти его перемѣны, не считая нужнымъ даже объяснять причины своего требованія, и если не встрѣчалъ со стороны епархіальной власти готовности исполнить его, часто капризное, желаніе, онъ не гнушался клеветою, чтобы очернить предъ начальствомъ ненавистнаго для него хлопскаго попа, и тѣмъ подвергнуть мнимо-виновнаго законному взысканію, или дѣлалъ ему разныя непріятности, чтобы имя принудить неугоднаго ему священника искать себѣ новаго мѣста.—Въ силу этого права на помѣщикѣ лежала обязанность заботиться о построеніи и благолѣпіи православныхъ храмовъ Но безъ принужденія со стороны государственной власти рѣдкій изъ помѣщиковъ вспоминалъ объ этой обязанности; напротивъ на деньги, собираемыя съ православныхъ крестьянъ. польскіе паны строили

---

[1]) Подол. епарх Вѣд. 1865. № 12, неоффиц. ч., стр. 594.

и великолѣпно украшали костелы, нарочито оставляя въ крайнемъ убожествѣ храмы православные. До мятежа 1831 года постоянно въ разныхъ мѣстахъ то воздвигались новые костелы, то возобновлялись и украшались старые, то строились католическія каплицы тамъ, гдѣ не было римско-католическаго населенія, а о поддержаніи православныхъ храмовъ не было и мысли, и они ветшали и разрушались. Замѣчательно, что при великодушіи русскаго правительства, послѣ возвращенія края Россіи, гораздо болѣе, чѣмъ во времена Рѣчи Посполитой, высилось и украшалось римское католичество, а православіе напротивъ принижалось и терпѣло нужду. Польскіе паны считали себя въ правѣ даже забирать и употреблять на свои нужды деньги и матеріалы, собранные и приготовленные народомъ на постройку православныхъ церквей, и когда поднимался со стороны начальства вопросъ объ этомъ правѣ, они обѣщали сами на свой счетъ построить новую церковь и этимъ успокоивали и себя и другихъ, откладывая на самое неопредѣленное время исполненіе этого обѣщанія. Если такъ самоуправно вели они себя по отношенію къ дѣлу построенія церквей, бывшему дѣломъ общественно-публичнымъ и болѣе или менѣе поддерживаемому правительствомъ, то тѣмъ болѣе они давали чувствовать свою волю и силу въ устроеніи внѣшняго благополучія священника и всего церковнаго причта. Если священникъ былъ угоденъ помѣщику, т. е., старался заслужить его вниманіе и ласку и дѣйствовалъ согласно съ его волею, онъ могъ разсчитывать на нѣкоторую поддержку со стороны пана. Но оказывая эту поддержку, панъ давалъ чувствовать, что это милость съ его стороны, которой во всякое время онъ можетъ лишить его, если тотъ будетъ заявлять свою самостоятельность. Если же священникъ возбуждалъ неудовольствіе въ помѣщикѣ (что было очень легко при враждебномъ отношеніи польскаго люда къ русскому и православному элементу), тогда священника стѣсняли въ самомъ необходимомъ. Помѣщикъ

бралъ десятину съ пчелъ и овецъ, принадлежащихъ священнику на томъ основаніи, что пчелы собирали медъ и воскъ на поляхъ и въ лѣсахъ панскихъ, а овцы ѣли траву на его пастбищахъ; онъ отнималъ у него работниковъ въ самое трудное время полевыхъ работъ и забиралъ ихъ въ свой дворъ или отправлялъ ихъ жиду арендатору; онъ запрещалъ народу оказывать священнику какую бы то ни было помощь, безъ его позволенія и согласія. Жалованья священники въ то время еще не получали, какъ получаютъ нынѣ въ западномъ краѣ и жили доброхотными подаяніями. Помѣщики наблюдали надъ тѣмъ, чтобы эти подаянія не превышали опредѣленной платы за требоисправленіе, установленной указомъ 5 апрѣля 1801 года, по которому за крещеніе полагалось платить 6 копѣекъ ассигнаціями, за бракъ 20 коп. асс., за погребеніе возрастныхъ 20 к. асс., за погребеніе младенцевъ 6 к. и т. д. Такса эта въ иныхъ имѣніяхъ вывѣшена была даже въ жидовскихъ корчмахъ, чтобы всѣ, приходящіе сюда, знали, сколько можетъ взять священникъ съ своего прихожанина въ томъ или другомъ случаѣ,—и это было сдѣлано по распоряженію помѣщика, занимавшаго въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія мѣсто губернатора въ подольской губерніи [1]). Чуть священникъ дозволитъ себѣ отступить отъ этой таксы, т. е. принять отъ крестьянина плату за требу, предлагаемую даже самимъ усердіемъ крестьянина, въ большемъ противъ опредѣленной таксы размѣрѣ, отъ помѣщиковъ и отъ покорныхъ имъ людей, личностію и имуществомъ которыхъ они вполнѣ располагали, приносились по начальству клеузническія жалобы на священника за вымогательство, въ высшей степени тягостныя для священника. Причты обезпечивались церковною землю, выдѣленною изъ владѣльческихъ или частныхъ земель. Но помѣщики, нисколько не стѣсняясь, отнимали у священниковъ ихъ землю или часть

[1]) Под. епарх. Вѣдомости, № 12. 1865. Часть неоффиц. стр. 530—2.

ея, особенно разныя угодья, состоящія изъ хуторовъ, лѣсовъ и ставковъ, или вмѣсто удобной земли давали другую неудобную. Указомъ Сената (24 окт. 1818 года) повелѣно было: „отторгнутое что либо отъ духовныхъ имѣній возвращать, а оспаривающихъ отсылать въ надлежащія присутственныя мѣста къ судопроизводству.“ Но это повелѣніе осталось почти безъ исполненія, а только породило рядъ нескончаемыхъ процессовъ, которые въ тогдашнихъ судахъ, бывшихъ въ рукахъ поляковъ, никогда не кончались въ пользу священника и вмѣсто удовлетворенія по иску приносили ему много обидъ и притѣсненій. Многіе священники тратили большія деньги на веденіе процесса (500 или 800 р. асс.) и ни въ чемъ не успѣвали. Одинъ священникъ 17 лѣтъ велъ дѣло объ отторгнутомъ весьма выгодномъ церковномъ хуторѣ, подалъ 113 прошеніи, утруждалъ своею просьбою Государя Императора Николая Павловича и Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора, и каждый разъ получалъ желаемое рѣшеніе; но мѣстная гражданская администрація не приводила въ исполненіе даже Высочайшихъ повелѣній. Судъ предписывалъ возвратить хуторъ церкви, а помѣщикъ умѣлъ убѣдить мѣстное гражданское начальство, что хутору лучше оставаться за нимъ, такъ какъ онъ всегда въ состояніи удовлетворить церковь. Ревизія церквей подольской епархіи, по Высочайшему повелѣнію произведенная въ 1831 году, открыла въ этомъ отношеніи чрезвычайныя злоупотребленія. Не одна тысяча десятинъ церковной земли отобрана помѣщиками въ свою собственность, и едва ли и до сихъ поръ возвращена и половина отобраннаго. Послѣ мятежа стремленіе вредить духовенству и отнимать у него разныя угодья отнюдь не кончилось, а напротивъ усилилось; такъ какъ духовенство своимъ сочувствіемъ русскому правительству и неоднократными донесеніями на замыслы поляковъ возбудило противъ себя ихъ фанатическую ненависть и уси-

лило ихъ враждебное отношеніе къ представителямъ православной церкви.

Тяжелыя условія, въ какихъ поставлена была жизнь подольскаго православнаго духовенства, отзывались на его внутреннемъ достоинствѣ. Православные священники, при всемъ своемъ добромъ настроеніи, не имѣли въ себѣ тѣхъ качествъ, какія желательны для духовенства края, населеннаго иновѣрцами. По свидѣтельству протоіерея Скворцова, производившаго ревизію церквей подольской епархіи [1]) между священниками въ Подоліи едва пятая часть была изъ кончившихъ курсъ семинаріи (300), а не учившихся вовсе въ школахъ было болѣе одной трети (480). Между ними много было такихъ, которые были почти совершенно безграмотны и не въ состояніи были отличить православіе отъ католицизма, святыхъ иконъ отъ свѣтскихъ картинъ, которыя они вѣшали на иконостасахъ [2]). Духовенство съ такимъ образованіемъ мало могло отвѣчать своей задачѣ въ странѣ, волнуемой католическими затѣями, и съ трудомъ могло придти къ сознанію своего достоинства и своей роли. Это тѣмъ болѣе должно было отзываться въ сердцѣ заботливаго архипастыря, что рядомъ съ этими священниками, въ большинствѣ мало образованными, бѣдными и презираемыми польскимъ интеллигентнымъ людомъ, стояли ксендзы, богатые, по крайней мѣрѣ болѣе обезпеченные, хитрые и искушенные въ интригахъ, чтимые панами и всѣмъ отъ нихъ ущедряемые, находившіе всюду въ краѣ поддержку отъ владѣльческаго класса. Неудивительно послѣ этого, что бывали совращенія простыхъ поселянъ въ католичество: сила и богатство римско-католической церкви въ Подоліи, видимыя выгоды, какими сопровождался для крестьянина переходъ въ католичество, вѣру панскую,—были для слабыхъ немалымъ побужденіемъ къ измѣнѣ вѣрѣ отцовъ. А если по

---

[1]) Под. епарх. Вѣд. 1863. № 17. Ч. неофф. стр. 687.

[2]) Подол. епарх. Вѣдом. 1863. № 12. Ч. неоффиц. стр. 540—1.

закону угрожало наказаніе совратителямъ, то мудрость папско-іезуитская всегда умѣла обходить законъ и виноватаго дѣлать правымъ. При предшественникѣ преосв. Арсенія, Кириллѣ архіепископѣ дѣло начало поправляться нѣсколько, но не настолько, чтобы залечились всѣ глубокія раны, какія нанесены были вѣковымъ давленіемъ иновѣрнаго и иноплеменнаго элемента.

Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ находилась православная церковь въ той новой епархіи, куда переведенъ былъ преосвященный Арсеній изъ Тамбова. Они дѣлали трудъ архипастырскаго служенія въ ней гораздо сложнѣе и щекотливѣе, чѣмъ въ той епархіи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ преосвященный Арсеній на первыхъ порахъ своего служенія въ санѣ епархіальнаго начальника, до перемѣщенія своего въ Подолію. Требовалось отъ православнаго архипастыря и много энергіи, и много осторожности, и много зминой мудрости, чтобы бодро стоять здѣсь на стражѣ православія и умѣть во время замѣтить и отразить замыслы, враждебные православію или его служителямъ.

Не безъсмущенія приступалъ къ выполненію трудной задачи преосвящ. Арсеній, при видѣ запутанныхъ отношеній края и враждебнаго расположенія къ православію со стороны лицъ, стоявшихъ на верху мѣстнаго общества. Онъ не боялся труда, ему предстоявшаго, не боялся и открытой борьбы за дѣло православія, которую, какъ онъ предвидѣлъ, нужно будетъ вести и путемъ администраціи и суда, и въ сферѣ общественныхъ вліяній и въ области науки и литературы, на сколько онѣ занимаются религіозными и церковными вопросами. Энергіи его стало бы на самый сложный трудъ, на борьбу самую упорную и продолжительную; съ этой стороны у него не было опасеній. Но его страшала іезуитская хитрость и изворотливость, съ которою онъ долженъ былъ встрѣтиться лицомъ къ лицу на своемъ опасномъ постѣ. Зная изъ историческаго опыта, какъ часто эта хитрость умѣла торжествовать надъ самыми энергическими

защитниками противнаго ей дѣла, онъ опасался, что у него не станетъ зоркости и умѣнья, чтобы съ честію и успѣхомъ выдержать предстоявшую ему борьбу и не поддаться обману и коварству враждебныхъ партій.—Но *Господь помогъ ему*, и козни враговъ православія, при его управленіи подольскою епархіею, мало вредили интересамъ православія и лицъ, служившихъ православію, благодаря его бдительности, настойчивости, административному такту и проницательности.

Объ немъ долго вспоминали въ Подоліи и послѣ того, какъ онъ перешелъ изъ нея въ другое мѣсто служенія, какъ о самомъ ревностномъ защитникѣ православнаго духовенства и православнаго общества, много добра сдѣлавшемъ для него въ непродолжительный періодъ своего управленія. Намъ случилось быть въ Подоліи въ 1855 году, черезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ преосвященный Арсеній оставилъ Каменецъ, и когда тамъ уже смѣнился его непосредственный преемникъ. Но когда имя этого непосредственнаго преемника, долженствовавшее быть у всѣхъ въ болѣе свѣжей памяти, по большей близости времени его управленія, окружено было забвеніемъ и рѣдко кѣмъ поминалось, имя Арсенія было на устахъ всѣхъ, и всѣ относились къ нему съ живѣйшимъ и глубочайшимъ сочувствіемъ. Во всѣхъ домахъ священниковъ были на стѣнахъ его портреты, и каждый домъ священническій былъ полонъ разсказовъ объ Арсеніѣ, въ которыхъ рисовалась его личность въ самомъ привлекательномъ видѣ, какъ личность правителя мудраго, проницательнаго, во все вникавшаго и не дававшаго въ обиду полякамъ подчиненнаго ему духовенства. Двадцать пять лѣтъ спустя послѣ того, какъ подольская паства простилась съ Арсеніемъ, мы видѣли публичное заявленіе самой живой признательности преосвященному Арсенію со стороны подольскаго духовенства: въ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея преосв. Арсенія въ 1873 году, подольское духовенство въ адресѣ, поднесенномъ бывшему свое-

му архипастырю [1]), выразило предъ нимъ тѣ чувства благодарности, какія сохраняются по отношенію къ нему среди православнаго общества Подоліи отъ дней его управленія подольскою церковію, и указало тѣ его благодѣянія, память о которыхъ до сихъ поръ жива въ Подоліи. Оно свидѣтельствовало предъ всѣми, что при его управленіи, благодаря его усиліямъ, измѣнилось къ лучшему состояніе церквей и священнослужителей въ подольской епархіи, и поднялось изъ униженія православіе, бывшее вѣроисповѣданіемъ большинства населенія страны.

Взоръ Арсенія поражался крайнею бѣдностію церквей, когда онъ въѣзжалъ въ Подолію. Оставляя ее, онъ не безъ утѣшенія замѣчалъ видимое улучшеніе въ этомъ дѣлѣ. Онъ содѣйствовалъ этому улучшенію не столько строгою требовательностію, сколько доброю ласкою или умѣньемъ дѣйствовать на польскихъ пановъ. При случайной встрѣчѣ съ тѣмъ или другимъ помѣщикомъ, при посѣщеніи дома того или другаго пана во время объѣзда епархіи, онъ незамѣтно заводилъ рѣчь о состояніи православнаго храма въ его имѣніи, и ублажая пана, отдавая заслуженную честь его доброму расположенію къ православнымъ крестьянамъ своего имѣнія, дѣйствуя на гоноръ панскій, выманивалъ у него обѣщаніе исправить и улучшить бѣдную церковь въ его приходѣ или построить новую вмѣсто обветшавшей старой. Панъ, задобренный ласковымъ словомъ архіерея, въ силу гонора панскаго, легко склонялся на предложеніе, высказанное ему тономъ фамиліярнымъ. А преосвященный Арсеній, какъ будто безъ задней мысли вполнѣ довѣряя обѣщанію, высказанному въ застольной бесѣдѣ, тотчасъ же старался актировать доброе слово, чтобы оно скорѣе переходило въ дѣло, или дать ему письменную форму, въ какой

---

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей Высокопр. митрополита Арсенія, стр. 101—104.

оно могло имѣть юридическое значеніе и предъ администраціею. Если обѣщаніе, сдѣланное при случайной бесѣдѣ, оставалось безъ практическаго результата, тогда преосв. Арсеній прибѣгалъ къ напоминаніямъ о немъ, а въ случаѣ безуспѣшности ихъ и къ средствамъ понужденія путемъ административнымъ. Такимъ способомъ въ нѣсколькихъ имѣніяхъ исправленъ видъ православныхъ храмовъ и приведенъ въ состояніе, болѣе приличное домамъ Божіимъ.

Тамъ, гдѣ были тяжбы у причта съ землевладѣльцемъ изъ за церковной земли, незаконно присвоенной владѣльцемъ, или изъ за какой либо другой собственности отторгаемой у православной церкви и ея священнослужителей, тамъ покойный Арсеній считалъ долгомъ наблюдать за надлежащимъ ходомъ судебнаго процесса, и своимъ вліяніемъ дѣйствовалъ на гражданскія власти или въ видахъ ускоренія замедлявшагося процесса или въ видахъ направленія его на путь законности и безпристрастія. Не всегда это вліяніе успѣвало въ борьбѣ съ застарѣлыми недугами судейскаго крючкотворства. Но было очень важно для дѣла присутствіе энергической силы, блюдущей за интересами церкви и не желавшей допускать интриги, направляемой къ униженію и ослабленію авторитета и значенія православія въ краѣ.

Нужно было возвысить положеніе православнаго духовенства въ странѣ, усѣянной иновѣрцами, защищать его отъ нападеній и разнаго рода преслѣдованій со стороны иновѣрческаго владѣльческаго класса, и улучшить внѣшнее его благосостояніе. Все это, по засвидѣтельствованію подольскаго духовенства въ его адресѣ покойному Арсенію, насколько возможно было, сдѣлано было Арсеніемъ въ его управленіе каменецъ-подольскою епархіею. Первому, т. е., возвышенію духовенства въ глазахъ другихъ и въ его собственномъ сознаніи онъ способствовалъ примѣромъ своего гуманнаго отношенія къ подчиненнымъ ему пастырямъ церкви. Онъ не хотѣлъ держать себя по отношенію къ духо-

венству на той мало доступной высотѣ, на которой держали себя другіе начальники по отношенію къ своимъ подчиненнымъ, а всегда ставилъ себя довольно близко къ нему и по возможности сокращалъ или упрощалъ тотъ тяжелый этикетъ, какой соблюдался въ другихъ епархіяхъ въ отношеніяхъ низшаго духовенства къ архіерею, бывъ установленъ старымъ временемъ и обычаемъ. При явленіи къ нему не было земныхъ поклоненій. . Принимая священника, покойный Арсеній говорилъ съ нимъ не суровымъ тономъ начальника, а мягкимъ тономъ отца, не чуждымъ снисходительной фамильярности. Священникъ, разъ побывавшій у него, въ другой разъ подходилъ къ его покоямъ безъ трепета и замиранія сердца, и каждый разъ выходилъ отъ него, поднятый въ своемъ сознаніи отъ той близости къ высокопоставленному святителю, какая пріятно чувствовалась имъ при простомъ отеческомъ обращеніи съ нимъ его владыки. Въ особенности Арсеній считалъ нужнымъ относиться къ священнику съ уваженіемъ, подобающимъ званію пастыря, въ мѣстахъ публичныхъ, гдѣ могли видѣть его обращеніе съ духовенствомъ простые прихожане, люди свѣтскіе и иновѣрцы, привыкшіе пренебрежительно относиться къ православному духовенству. Во время объѣзда епархіи и ревизіи церквей онъ не позволялъ себѣ, и въ случаѣ замѣченной неисправности или взнесенной жалобы на священника, открыто выражать свое неудовольствіе на него, кричать на него и подвергать его публичнымъ взысканіямъ, въ присутствіи его прихожанъ и людей постороннихъ, что бывало на нашей памяти въ другихъ мѣстахъ со стороны епархіальныхъ начальниковъ, не умѣвшихъ сдерживать себя, и что крайне роняло авторитетъ священниковъ въ глазахъ ихъ прихожанъ, свидѣтелей ихъ униженія. Напротивъ покойный Арсеній въ подобныхъ случаяхъ заботливо отстранялъ все, что могло бы повредить чести священника въ глазахъ людей свѣтскихъ, въ особенности поляковъ. При немъ во время годичныхъ объѣздовъ епархіи,

не случалось того, чтобы священники, собранные съ цѣлаго округа, по нѣскольку часовъ дожидались представленія къ нему гдѣ нибудь въ передних, на кухняхъ панскихъ или даже на черныхъ дворахъ, подвергая себя осмѣянію панской дворни и польской шляхты, служившей при дворѣ пана. Это вещь простая, соблюденіе которой естественно требовалось тактомъ архіерея въ присутствіи иновѣрцевъ, готовыхъ радоваться всякому униженію православнаго священника. Но эту простую вещь разсказы, до насъ доходившіе, ставили въ особенную заслугу преосвященному Арсенію. Въ то время, когда Арсеній управлялъ подольскою епархіею, въ другой сосѣдней епархіи, поставленной въ одинаковыя условія съ подольскою, мѣстный архіепископъ, впослѣдствіи бывшій митрополитомъ санктъ-петербургскимъ (Никаноръ), въ своемъ обращеніи съ духовенствомъ допускалъ такую неосторожность, которая, тяжело ложась на сердцѣ духовенства, заставляла его превозносить Арсенія за соблюденіе простой вещи, за то, что онъ имѣлъ благоразуміе не ставить православныхъ священниковъ въ неприличное и унизительное положеніе предъ римско-католическимъ населеніемъ и предъ ихъ прихожанами. Волынское духовенство, при Никанорѣ, не разъ поставляемо было въ необходимость испытывать болѣе чѣмъ неловкое и унизительное положеніе: владыка, остановившійся у какого нибудь польскаго графа Р., послѣ отдыха обѣдалъ у него, а священство цѣлаго околотка, съ утра собранное на дворъ графскій, подъ палящимъ солнцемъ ожидало выхода владыки или приглашенія явиться къ нему, и ожидало не одинъ часъ, и не два, а гораздо болѣе, и въ это время оффиціалы и лакеи графскіе, проходя мимо ихъ съ кушаньями или съ чѣмъ другимъ, бросали на него насмѣшливо-презрительные взгляды и не стѣснялись громко выражать на счетъ его остроты и колкости.

Благопріятно дѣйствовало на духовенство и не безъ значенія оставалось для посторонних то обстоятельство,

что преосвященный Арсеній, обозрѣвая церкви, не миновалъ домовъ священническихъ и охотно принималъ приглашенія настоятелей церквей посѣтить и благословить ихъ квартиру. Входя въ квартиру священника, онъ удостоивалъ привѣтомъ и ласкою всѣхъ членовъ его семейства, снисходительно разспрашивалъ ихъ о ихъ домашнихъ дѣлахъ и интересахъ, и не отказывался отъ того угощенія, какое предлагало ему усердіе священника или его жены. Иногда предлагаемое угощеніе было и не благовременно, иногда слишкомъ просто; но, цѣня усердіе предлагавшихъ хлѣбъ—соль своему Архипастырю, Арсеній все принималъ съ благодушіемъ и благодарностію, и никогда ни словомъ, ни намекомъ не охлаждалъ теплой любви простыхъ и искреннихъ людей, готовыхъ подѣлиться съ дорогимъ для нихъ гостемъ всѣмъ, чѣмъ они богаты.—Когда во время объѣзда епархіи ему нужно было имѣть квартиру или ночлегъ, ему пріятнѣе было остановиться въ скромномъ домѣ священника, чѣмъ въ роскошныхъ комнатахъ помѣщика—католика. Если извѣстно ему было, что мѣстный землевладѣлецъ тѣснитъ православныхъ служителей алтаря и худо относится вообще къ православной церкви, то къ такому ни за что не соглашался онъ войти въ домъ, какъ бы ни было льстиво со стороны его приглашеніе, и какъ бы ни были велики неудобства для квартированія его въ домѣ священника. — Принималъ онъ во время объѣзда епархіи обѣды, предлагаемые ему польскими панами, какъ дѣлали это и другіе архіереи; но въ этомъ случаѣ онъ выражалъ желаніе, чтобы вмѣстѣ съ нимъ былъ приглашаемъ къ столу и мѣстный священникъ. Какъ скоро стало извѣстно всѣмъ въ епархіи это его желаніе, уже вошло въ обычай то, что прежде было вещію рѣдкою или исключительною. Это заставляло и пана и его челядь смотрѣть на священника не какъ на безотвѣтнаго представителя низшаго народа, а какъ на человѣка, могущаго стоять на равнѣ съ паномъ въ общественныхъ отношеніяхъ, которымъ нельзя помыкать, какъ угодно. Духовенство

съ большою благодарностію относилось къ подобнымъ заявленіямъ уваженія къ нему со стороны своего архипастыря, тѣмъ болѣе, что оно слыхало, какъ въ другихъ мѣстахъ далеко держали себя архіереи отъ подчиненнаго духовенства, и какъ иногда заслуженные протоіереи, въ присутствіи избранной публики цѣлаго уѣзднаго города, собравшейся на устрояемый для архіерея обѣдъ или чай, подвергались публичной сердитой бранн отъ своего начальника за то, что они осмѣливались являться въ тотъ домъ, куда звали архіерея, не испросивъ напередъ его разрѣшенія, что конечно не могло способствовать возвышенію авторитета духовенства въ глазахъ свѣтскихъ людей или его паствы.

Въ видахъ возвышенія духовенства и усиленія его дѣятельности на пользу православія преосвященный Арсеній старался по мѣрѣ возможности улучшить составъ его. Поступивъ въ Подолію, онъ засталъ еще много неученыхъ священниковъ, то есть, или вовсе не бывшихъ въ школѣ или учившихся только въ низшихъ училищахъ. Такой фактъ не оставался безъ невыгоднаго вліянія на общественное положеніе духовенства и на его значеніе въ кругѣ иновѣрцевъ: неученый священникъ гораздо меньше могъ возбудить къ себѣ уваженіе въ окружающихъ его, чѣмъ священникъ образованный, и стоя рядомъ съ образованнымъ ксензомъ, располагалъ къ пренебрежительному взгляду на ту церковь, которой былъ представителемъ. Во время управленія Арсенія подольскою епархіею почти совсѣмъ изчезли въ ней неученые священники, и оставались только въ видѣ исключенія на рѣдкихъ мѣстахъ нѣкоторые старики неполнаго образованія, какъ напоминаніе о прежнихъ уже измѣнившихся временахъ. Всѣ священническія вакансіи онъ старался замѣщать людьми достойными, кончившими полный семинарскій курсъ, и приглашалъ наставниковъ семинаріи, людей академическаго образованія, къ служенію церкви въ званіи священника. Чрезъ это поднимался нравственный уровень духовенства, вслѣдствіе чего должны бы-

ли измѣняться на лучшее и отношенія къ нему и православнаго и неправославнаго мѣстнаго общества.

Преосвященный Арсеній обратилъ вниманіе и на причетническій классъ въ своей епархіи. Причетники въ Подоліи не имѣли такой самостоятельности и такого значенія въ составѣ причта, какими они пользовались и пользуются въ губерніяхъ великороссійскихъ. По отношенію къ священнику они были безгласными слугами: во всякое время священникъ могъ поручить имъ свою работу, могъ оторвать ихъ отъ своихъ хозяйственныхъ занятій и послать ихъ по своему дѣлу, и причетники привыкли исполнять всѣ распоряженія священника и не относящіяся къ ихъ прямымъ обязанностямъ, безъ всякихъ возраженій. Такое безотвѣтное положеніе причетниковъ въ отношеніи къ своему священнику условливалось внутреннею несостоятельностію ихъ въ своемъ дѣлѣ. Большею частію они мало приготовлены были къ исполненію своей должности и на своихъ мѣстахъ держались милостію настоятелей церквей. Ни одинъ почти изъ нихъ не проходилъ и низшихъ классовъ школы. Въ своей жизни, въ своихъ привычкахъ они ничѣмъ не отличались отъ крестьянъ; не было у нихъ, какъ у великороссійскихъ причетниковъ, особой одежды, которая бы показывала ихъ принадлежность къ церковно-служительскому званію. Помѣщики и шляхта трактовали ихъ наровнѣ съ крестьянами, и случалось, что они подвергали ихъ наказаніямъ, какимъ подвергали своихъ крѣпостныхъ слугъ, и тѣ не смѣли и жаловаться на незаконное выраженія гнѣва панскаго.—Преосвященный Арсеній считалъ нужнымъ поднять причетническій классъ изъ того униженія, въ какомъ онъ засталъ его въ Подоліи, и старался поставить его такъ, какъ онъ стоялъ въ Великороссіи. Онъ требовалъ отъ причетниковъ хорошей грамотности и знанія своего дѣла, и не давалъ мѣстъ тѣмъ, которые не показывали достаточнаго образованія для достойнаго совершенія службы Божіей, но въ тоже время онъ внушалъ духовенству, что причетники не дол-

жны быть безотвѣтными членами клира. Подлежа вмѣстѣ съ священникомъ отвѣтственности въ случаѣ нарушенія какихъ либо правилъ церковныхъ или узаконеній гражданскихъ со стороны причта, они вмѣстѣ съ тѣмъ должны пользоваться извѣстною долею самостоятельности и частію правъ, дарованныхъ священно-церковно-служителямъ. Онъ обратилъ вниманіе и на внѣшній видъ причетниковъ, которые костюмомъ своимъ не отличались отъ крестьянъ или шляхты, и предписывалъ имъ носить одежду, усвоенную причетникамъ великороссійскихъ епархій. Выдѣляя этимъ церковно-служителей изъ среды крестьянъ, онъ хотѣлъ приблизить ихъ къ высшимъ членамъ клира, въ видахъ большаго облагороженія ихъ. Не всѣмъ изъ священниковъ нравилось это распоряженіе Арсенія; иные изъ нихъ опасались, какъ бы причетники, нося одежду, напоминающую одежду священника, и допуская что либо неприличное въ своемъ поведеніи, не бросали тѣни, въ глазахъ свѣтскихъ людей, на самыхъ священниковъ. Но Арсеній, заставляя причетниковъ носить особую церковно-служительскую одежду, тѣмъ самымъ надѣялся побудить ихъ вести себя осторожнѣе въ глазахъ мірянъ, чтобы не уронить званія служителей церковныхъ. Не униженіе священниковъ, а поднятіе и облагороженіе причетниковъ было у него въ основаніи этого распоряженія.

Польская интеллигенція, враждебная православію, какъ скоро замѣчала стойкость и ревность по своей церкви у православнаго священника, старалась подвергать его разнымъ преслѣдованіямъ. Она требовала смѣщенія или перевода православнаго священника на другое мѣсто, иногда по самымъ пустымъ предлогамъ, просто потому, что такой-то священникъ не нравится мѣстному землевладѣльцу и не умѣетъ ладить съ нимъ. Уступчивость прежняго епархіальнаго начальства по отношенію къ требованіямъ пановъ доводила ихъ притязательность до своенравной дерзости. Недружелюбно относясь къ православному духовенству, польская шляхта любила замѣчать за нимъ все дурное, и

чрезъ знатныхъ пановъ въ преувеличенномъ видѣ и съ прикрасами представлять начальству. Когда нужно было ей унизить по чему либо неугоднаго ей священника или освободиться отъ него, пускались въ ходъ самые нелѣпые слухи и клеветы, которыми хотѣли подѣйствовать на епархіальнаго начальника, чтобы заставить его подвергнуть взысканію вызвавшаго неудовольствіе шляхты. Наговоры, жалобы и клеветы, по словамъ преосвященнаго Арсенія, часто грубыя и нелѣпыя, постоянно восходили къ нему то на того, то на другаго православнаго священника Видя источники ихъ въ вѣроисповѣдной враждѣ, преосвященный Арсеній большею частію не давалъ имъ хода и бралъ подъ свою защиту подвергавшихся нарекапиямъ и жалобамъ. Если же обнаруживали настойчивость жалующіеся на священника, онъ не принималъ никакого рѣшенія безъ самаго строгаго и точнаго разслѣдованія, и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы это разслѣдованіе производимо было съ возможнымъ безпристрастіемъ. При этомъ часто открывалась вся неумѣренность тѣхъ обвиненій, какія враждебные православію помѣщики готовы были взводить на честныхъ и достойныхъ священниковъ: людей ни въ чемъ неповинныхъ обвиняли не въ клеузничествѣ, не въ притѣсненіи крестьянъ и вымогательствѣ съ нихъ, а въ прелюбодѣяніи и разныхъ уголовныхъ преступленіяхъ. Самая несдержанность наговоровъ на представителей православнаго духовенства не располагала Арсенія къ довѣрію имъ, но пока онъ не узналъ хорошо подвѣдомаго ему духовенства, эти наговоры смущали его. Но онъ имѣлъ способность скоро узнавать всѣхъ, находящихся въ его вѣдѣніи, и года черезъ два по перемѣщеніи въ Подолію, основательность каждой жалобы онъ могъ повѣрять своими личными наблюденіями, и нарѣдко взнесенной жалобѣ прямо противопоставлялъ то, что человѣкъ, котораго предъ нимъ обвиняютъ, извѣстенъ ему за человѣка честнаго и хорошаго. Жалобы приносимы были на священниковъ иногда гражданскому начальству, которое

будучи солидарно съ землевладѣльческимъ классомъ, своимъ авторитетомъ старалось подкрѣпить доносъ того или другаго частнаго лица или требованіе о смѣщеніи священника, оказавшагося неугоднымъ мѣстному владѣльцу. Такой ходъ дѣла вызывалъ все мужество преосвященнаго Арсенія, и онъ никогда по слабости или уступчивости не давалъ въ обиду духовное лице, противъ котораго было какое либо не доказанное неудовольствіе сильнаго пана, поддержанное авторитетомъ представителя гражданской власти, особенно если это лице извѣстно было ему съ доброй стороны. Въ его пользу онъ смѣло подавалъ свой сильный голосъ, и своимъ свидѣтельствомъ обезоруживалъ тѣхъ, которые готовы были погубить человѣка лишить его чести и прихода „Подольская паства (говорило подольское духовенство въ своемъ адресѣ преосвященному Арсенію въ день пятидесятилѣтняго его юбилея) никогда не забудетъ Вашего рѣдкаго архипастырскаго мужества для блага церкви православной и ея служителей, какое Ваше Высокопреосвященство выражали въ борьбѣ съ высшими представителями гражданской власти, не принадлежащими къ православной церкви. Еще и понынѣ Ваше святое имя благодарственно воспоминается въ молитвахъ тѣми священнослужителями, приходы которыхъ удержаны за ними до настоящаго времени отъ наглости владѣльцевъ, честь и достояніе которыхъ спасены отъ клеветы и подкуповъ враговъ православія и народности“ [1]).

Подольское духовенство считаетъ себя обязаннымъ преосв. Арсенію своимъ матеріальнымъ обезпеченіемъ въ хозяйственномъ отношеніи, о чемъ оно съ благодарностію сказало въ адресѣ Арсенію, поднесенномъ ему въ день его пятидесятилѣтняго юбилея и уже не разъ нами упомянутомъ [2]). Это сдѣлано при введеніи инвентарей въ юго-западномъ краѣ, во время управленія этимъ краемъ замѣча-

---

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей Высокопр. Митрополита Арсенія. стр 102.

[2]) Тамъ-же, стр 102—103.

тельнаго государственнаго человѣка Д. Г. Бибикова. Инвентари эти имѣли цѣлію регулировать отношенія крѣпостныхъ русскихъ крестьянъ къ помѣщикамъ-полякамъ и чрезъ то облегчить ихъ положеніе, указавъ, сколько дней въ недѣлѣ крестьянинъ можетъ и долженъ работать въ пользу помѣщика, и сколько на себя самаго и на свое семейство, какими онъ можетъ пользоваться угодьями изъ помѣщичьей земли за свою работу, и до какихъ предѣловъ можетъ простираться требовательность помѣщика на рабочій трудъ крестьянина, связаннаго съ нимъ крѣпостнымъ правомъ. Но устроя и облегчая бытъ крѣпостнаго русскаго крестьянства, отданнаго во власть польскимъ помѣщикамъ, инвентари коснулись и быта русскаго духовенства, бывшаго въ немалой зависимости посредствомъ содержанія отъ польскихъ пановъ Государственный мужъ, бывшій виновникомъ законоположенія объ инвентаряхъ, видѣлъ, что русское начало въ управляемомъ имъ краѣ держится главнымъ образомъ церковію православною, и потому, желая укрѣпить и возвысить въ подобающее положеніе русское государственное начало въ краѣ, въ которомъ владѣльческій интеллигентный классъ зараженъ былъ антирусскимъ духомъ, не могъ не обратить вниманія на главныхъ мѣстныхъ представителей этого начала, пастырей церкви православной, и не принять мѣръ къ поднятію ихъ изъ того униженнаго положенія, въ какомъ они до того находились. И готъ съ введеніемъ инвентарей положенъ былъ конецъ прежнему, зависимому отъ пановъ, матеріальному положенію православнаго духовенства, и судьба его замѣтно прояснилась. Ему дано было опредѣленное жалованье, если не роскошное, то достаточное для безбѣднаго существованія, при другихъ земельныхъ обезпеченіяхъ. Твердо укрѣпилась за причтами узаконенная пропорція земли, и священники уже не могли бояться притязаній на часть этой земли со стороны помѣщиковъ, какія заявляемы были прежде. Крестьяне обязаны были обрабатывать участокъ земли, принадлежащій священнику,

и помѣщикъ не только не долженъ былъ препятствовать имъ въ этомъ, отвлекая ихъ въ горячую пору для своей работы, какъ бывало прежде, но и обязанъ былъ посредствомъ своихъ управляющихъ или старостъ распоряжаться назначеніемъ рабочихъ на священническую землю, какъ на свою собственную. Это освобождало священниковъ отъ черной полевой работы, какую прежде многіе изъ нихъ несли сами, и ставило ихъ въ положеніе, болѣе соотвѣтствующее ихъ духовному сану. Вообще послѣ введенія инвентарей священники, видя себя обезпеченнѣе и независимѣе во внѣшнемъ быту въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, стали почетнѣе въ глазахъ народа и въ глазахъ польскаго иновѣрнаго панства, и могли самостоятельнѣе дѣйствовать ко благу церкви православной и ко благу народа, ввѣреннаго ихъ пастырскому руководству. Значеніе ихъ увеличивалось еще отъ того, что они, какъ единственные болѣе или менѣе образованные представители русскаго православнаго элемента среди сельскаго народонаселенія края, становились при введеніи инвентарей нѣкоторымъ образомъ наблюдателями надъ ихъ точнымъ исполненіемъ. Къ нимъ обращались крестьяне за разъясненіемъ инвентарныхъ правовъ, и они уполномочивались доводить до свѣдѣнія начальства, если инвентарныя правила оставались безъ исполненія, если, напримѣръ, помѣщикъ по прежнему угнеталъ крестьянъ, требуя отъ нихъ ежедневной работы на себя и не дѣлая имъ въ рабочую пору и дня свободнаго для ухода за своимъ полемъ, или не думая платить имъ установленное вознагражденіе за работы, понесенныя крестьянами на помѣщика сверхъ положенной обязательной нормы.—Переворотъ громадный произведенъ въ краѣ въ общественныхъ отношеніяхъ чрезъ такую мѣру, какъ введеніе инвентарей, служившую приготовленіемъ къ освобожденію крестьянъ, и широко захватывавшую бытовыя условія края. Послѣ нея священники яснѣе увидѣли свою роль, въ качествѣ опоры русскаго начала въ краѣ, и бодрѣе и сознательнѣе

стали служить русскому государству и православію. Съ этихъ-то поръ польскій панъ и шляхтичъ пересталъ оказывать священнику православному видимое пренебреженіе. Конечно, онъ не почувствовалъ къ нему болѣе расположенія, даже вѣрнѣе на первыхъ порахъ сильнѣе сталъ ненавидѣть его; но волею неволею долженъ былъ относиться къ нему съ видимымъ уваженіемъ, какъ представителю православія, покровительствоемому высшею государственною властію, и величать его паномъ ксендзомъ наравнѣ съ польскими римско-католическими ксендзами, всегда бывшими въ почетѣ у польскихъ помѣщиковъ.

Не преосвященный Арсеній былъ первымъ виновникомъ такихъ мѣропріятій ко благу народа и православнаго духовенства. Имп русское народонаселеніе юго-западнаго края обязано было Бибикову, бывшему кіевскимъ генералъ-губернаторомъ въ сороковыхъ годахъ. Но Бибиковъ, какъ извѣстно, дорожилъ совѣтами Арсенія и высоко цѣнилъ ея административныя способности и русскій просвѣщенный патріотизмъ, какимъ одушевлены были его дѣйствія. При томъ довѣріи, какое имѣлъ Арсеній у Бибикова, онъ, по свидѣтельству подольскаго духовенства, располагалъ начальника края содѣйствовать матеріальному улучшенію быта духовенства, сколько изъ сознанія выгоды этого для русскаго дѣла и церкви православной, столько и изъ участія къ бѣдному и не обезпеченному положенію подвѣдомаго ему духовенства. Благодаря представленіямъ и ходатайству преосв. Арсенія, введеніе инвентарей въ юго-западномъ краѣ сдѣлалось средствомъ къ матеріальному обезпеченію духовенства или *источникомъ, улучшившимъ быть его* [1]).

Нерѣдки были въ Подоліи совращенія православныхъ сельскихъ жителей въ католичество; этому совращенію чаще всего поддавались тѣ изъ крестьянъ, которымъ по волѣ

---

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей Высокопр. Митрополита Арсенія, стр. 103.

панской приходилось жить въ дворнѣ панской и быть въ услуженіи у ксендза, у помѣщика, его арендатора или управляющаго. Ксендзы и помѣщики дѣйствовали на слабыхъ въ этомъ случаѣ обѣщаніемъ имъ выгодъ, если они оставятъ вѣру хлопскую и примутъ вѣру панскую, и не стѣснялись угрозами и притѣсненіями по отношенію къ тѣмъ, которые дали какой либо поводъ ревнителямъ католичества завлекать ихъ въ свое исповѣданіе, но при мягкихъ средствахъ убѣжденія оставались непреклонными въ праотеческой вѣрѣ. Въ присутствіи православныхъ простосердечныхъ крестьянъ пропагандисты католицизма старались, въ видахъ привлеченія на свою сторону кого либо изъ нихъ, всячески унижать православную церковь, которая слыла у нихъ церковію схизматическою, какъ ксендзъ с. Залесца (Каменецкаго уѣзда) Кобушевскій, который публично говорилъ православнымъ и совращившимся, что *лучше пойти въ хлѣвъ свиной и молиться тамъ Богу, чѣмъ въ какую нибудь грекороссійскую церковь* [1]). Въ силу дѣйствующихъ законовъ Россійской имперіи представители и охранители православной церкви вчинали дѣла о совращеніяхъ или публичной хулѣ на господствующее вѣроисповѣданіе; но эти дѣла плодили только длинную переписку, тянувшуюся многіе годы, а не приводили ни къ какому результату: виновный не оставался открытымъ или освобождался отъ законнаго взысканія, и совращенные не возвращались въ лоно православной церкви. Ходомъ слѣдствія заправляла свѣтская администрація, или польская или потворствующая полякамъ. Она вмѣстѣ съ ксендзами умѣла оттягивать дѣло на нѣсколько лѣтъ. То назначатъ день для слѣдствія и не объявятъ своевременно объ этомъ духовному депутату или начальству, имѣющему отправить депутата, и потомъ жалуются, что слѣдствіе не состоялось за неприбытіемъ

---

[1]) Подольскія епарх. Вѣдомости. 1865. № 12. Религіозная сторона жизни нашего народа. стр. 547.

духовнаго депутата. Назначатъ другой срокъ и третій, и объявятъ объ немъ заблаговременно духовному начальству, но къ этому сроку не прибудетъ ни ксендзъ, ни свѣтскій чиновникъ. И дѣло тянется изъ года въ годъ, не приближаясь къ своему концу. Послѣдуетъ строгое подтвержденіе непремѣнно явиться на слѣдствіе съ угрозою подвергнуть виновныхъ всей строгости законовъ. Но виновные не боялись этихъ строгихъ подтвержденій и угрозъ, потому что они знали, что ихъ не выдадутъ братья поляки, и что строгія предписанія пишутся и разсылаются благопріятствующими имъ чинами для соблюденія одной формы. При такихъ обстоятельствахъ иногда и православные депутаты, утомленные напрасными поѣздками и нескончаемыми проволочками, теряли всякую энергію и просили кого слѣдуетъ положить конецъ дѣлу, которое задерживается не посильными для нихъ тормазами, и отъ котораго они неожидали никого результата. Совратившіеся отсылались на увѣщаніе къ священникамъ или духовному начальству. Но и этимъ увѣщаніямъ умѣли мѣшать ксендзы съ польскою администраціею. Они выдумывали притѣсненія и угрозы, какими будто православные священники дѣйствовали на волю людей, съ которыми имъ приходилось бесѣдовать о вѣрѣ по долгу своего званія. По показанію Синицкаго [1]), на основаніи доклада подольской духовной консисторіи отъ 19 февраля 1832 года, подольскій гражданскій губернаторъ графъ Грохольскій предалъ суду всю подольскую духовную консисторію за то, будто она дѣлаетъ притѣсненія совращеннымъ лицамъ при увѣщаніяхъ, и что вслѣдствіе этого будтобы жена одного грудецкаго жителя родила неживое дитя, и разслѣдованіе этого дѣла поручено было поляку, занимавшему должность стряпчаго губернскихъ уголовныхъ дѣлъ.

---

[1]) Подольскія епрх. Вѣдом 1865. № 12, ч. неоффиц. стр. 347.

Съ прибытіемъ въ Подолію преосв. Арсенія наступаетъ въ этомъ отношеніи для православія лучшая пора. Говоримъ такъ на основаніи свидѣтельства [1]) автора статьи: „Религіозная сторона жизни нашего народа,“ помѣщенной въ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ №№ 3, 4, 7, 10 и 12 1865 года), прослѣдившаго по документамъ исторію отношеній католичества къ православію въ Подоліи. Авторъ этой статьи, г. Синицкій отдаетъ большую честь энергической и самой настойчивой дѣятельности Высокопреосвященнаго Арсенія. Благодаря его архипастырской ревности, много совратившихся возвращено въ православіе. Благодаря его энергіи и непоколебимой настойчивости, много дѣлъ о совращеніяхъ, начатыхъ еще до него, но не оконченныхъ, съ успѣхомъ были приведены къ концу: при немъ прежнія проволочки, нескончаемыя оттягиванія и отписыванія сдѣлались невозможны: и виновные въ насильственныхъ совращеніяхъ не могли считать себя совершенно безопасными отъ законныхъ взысканій. Вслѣдствіе этого съ 1845 года совращенія стали гораздо рѣже, и если случались иногда, то имъ подвергались только единицы, а не цѣлые десятки, какъ бывало прежде.

Но замѣчательно, что рагуя со всею настойчивостію на пользу православія и не давая никакого послабленія людямъ, дѣйствующимъ во вредъ православію, преосвященный Арсеній не возбуждалъ противъ себя негодованія пановъ римско-католиковъ. Напротивъ они уважали его и заискивали его добраго расположенія. Они цѣнили его умъ и энергію, преклонялись предъ нимъ, какъ предъ человѣкомъ съ силою и талантомъ, и въ тоже время видѣли въ немъ человѣка любезнаго, готоваго раздѣлить съ ними и добрую бесѣду и трапезу. Многимъ изъ нихъ случалось принимать его у себя въ домѣ, когда онъ объѣзжалъ епар-

[1]) Подол. епарх. Вѣд. 1865. № 12, ч неоффиц., стр. 548

хію, и они очаровывались его любезностію, находчивостію и занимательностію въ разговорѣ, и бесѣдуя съ нимъ, какъ бы забывали, что это представитель власти, для нихъ непріятной. Не даромъ подольское духовенство въ своемъ адресѣ преосв. Арсенію славитъ въ немъ и мудрость змія и кротость голубя, при которыхъ онъ, никого не раздражая, умѣлъ поставить представителей православной церкви на ту степень, на которой долженъ стоять истинный пастырь среди иновѣрцевъ.

Съ каѳедры подольской преосвященный Арсеній вызванъ былъ на другой постъ, болѣе трудный и сложный, чѣмъ прежній,—въ самый центръ полонизма и католичества. 1848 года 6 ноября Высочайше повелѣно ему быть архіепископомъ варшавской епархіи, управляющимъ и волынскою епархіею, и Почаевскія Успенскія Лавры священно-архимандритомъ. На него возлагалось такимъ образомъ управленіе двумя епархіями въ одно и тоже время.

Въ волынской епархіи тѣже трудныя задачи для православнаго архіерея, и тѣже опасности для православія, что и въ подольской, хотя время значительно облегчило и уравняло тѣ шероховатости, какими усѣянъ былъ здѣсь путь жизни для православныхъ съ эпохи польскаго преобладанія. Но дѣло затруднялось тѣмъ, что преосв. Арсенію приходилось жить большею частію въ Варшавѣ, и оттуда слѣдить за всѣмъ, совершающимся въ отдаленной паствѣ волынской, и всему давать направленіе, соотвѣтствующее его видамъ и пользамъ православія. При его стремленіи все знать, во все вникать самому, и всюду заявлять свое непосредственное участіе для него составляло немалую помѣху вынужденная разъединенность съ паствою. Но при его подвижности, быстротѣ и распорядительности не чувствовались затрудненія, отсюда проистекающія. И живя вдали отъ паствы, онъ слѣдилъ за всѣмъ самъ непосредственно. Его викарію почти не было дѣла: привыкши къ дѣловой неустанной работѣ, любя все дѣлать своими руками, онъ предо-

ставлялъ своему помощнику по управленію епархіею слишкомъ тѣсный и ограниченный кругъ дѣятельности. Благодаря своей наблюдательности и счастливой памяти, онъ въ два, въ три объѣзда епархіи хорошо узналъ наличный составъ подвѣдомаго ему духовенства; а изъ дѣлъ, поступавшихъ на его разсмотрѣніе, скоро познакомился съ общимъ ходомъ епархіальной жизни, чѣмъ значительно облегчался и начальственный контроль надъ всѣмъ въ епархіальномъ управленіи.

Направленіе его архипастырской дѣятельности на Волыни было тоже самое, что и въ Подоліи; такъ какъ обстоятельства и условія жизни въ этой, смежной съ прежнею, епархіи были одинаковы. Онъ по прежнему старался поднять въ краѣ знамя православія, улучшить состояніе православныхъ храмовъ, возвысить нравственное и матеріальное благосостояніе духовенства. Многое въ этомъ отношеніи сдѣлано было его предшественниками. Многое перемѣнилось къ лучшему вслѣдствіе общихъ государственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ поднятію русскаго элемента въ странѣ, носившей на себѣ слѣды польскаго владычества. Но фанатизмъ польско-католическій не умиралъ отъ этихъ мѣропріятій, и польское общество, владѣвшее и имуществомъ и образовательными средствами въ большой мѣрѣ, чѣмъ мѣстное русское народонаселеніе, вовсе не расположено было равнодушно смотрѣть на возвышеніе представителей православной церкви, имъ крайне не сочувственныхъ. При явной поддержкѣ, оказываемой дѣлу православія со стороны страшнаго для поляковъ высшаго русскаго правительства, они боялись вступать въ открытую борьбу съ представителями и защитниками православія. Но враждебное чувство къ нимъ, подогрѣваемое живыми преданіями старины, умѣло находить способъ вредить если не дѣлу русской церкви, то частнымъ лицамъ, ей служащимъ, принявъ только болѣе благовидныя формы для своего проявленія. Представителю высшей іерархической власти въ епар-

хіи нужно было еще болѣе зоркости, чѣмъ прежде, чтобы подъ личиною дружбы и пріязни, какими являлись передъ нимъ люди, враждебно относившіеся къ началу, имъ защищаемому, своевременно замѣчать дѣйствіе силы, направленной во вредъ православію и къ униженію его служителей, и не дать усыпить себя льстивою польскою покорностію и преданностію.

Во все пребываніе свое на Волыни преосв. Арсеній являлъ себя твердымъ патріотомъ, неизмѣнно слѣдовавшимъ своей системѣ управленія церковными дѣлами, направленной къ огражденію и возвышенію русскаго и православнаго элемента. Въ періодъ его волынскаго архіепископства мѣнялись главныя правительственныя лица въ краѣ, мѣнялись вмѣстѣ съ ними системы управленія; послѣ Бибикова стали оказывать польскому народонаселенію много поблажки и снисходительности и, оставивъ строгія мѣры, какъ неумѣстную жестокость, думали привязать его къ Россіи мягкостію и благодушіемъ. Преосв. Арсеній не сочувствовалъ колебаніямъ правительственной системы по отношенію къ полякамъ, вражда которыхъ ко всему русскому была ему хорошо извѣстна, такъ какъ они, не успокоивая недовольныхъ, производили въ нихъ одно раздраженіе и ослабляли въ нихъ вѣру въ намѣренія правительства. Тѣмъ менѣе онъ могъ ожидать добра отъ системы послабленій полякамъ и угодничества передъ ними: при такой системѣ, какъ показалъ опытъ, въ чувствѣ, враждебномъ русскому началу, зарождались преступныя надежды, которыя потомъ находили возможность переходить въ замыслы опаснаго и гибельнаго свойства. Вѣрный своимъ убѣжденіямъ, при всѣхъ измѣненіяхъ политической системы, онъ стоялъ и дѣйствовалъ по разъ начертанному пути, отвѣчая полнымъ сочувствіемъ и содѣйствіемъ бибиковской системѣ управленія и не увлекаясь тою перемѣною, какая послѣдовала въ управленіи краемъ, послѣ оставленія своего важнаго поста Бибиковымъ. И еслибы такая твердость началъ управ-

ленія держалась въ гражданской области, то по отзыву лицъ высшаго латинскаго клира, засвидѣтельствованному однимъ изъ приносившихъ поздравленія Арсенію въ день его юбилея (архимандрита Іеронима Гепнера) [1]), никогда не дошло бы до событій 1863 года.

Духовенство на Волыни любило и чтило преосв. Арсенія не менѣе, чѣмъ духовенство подольское. Оно съ радостію услышало о его переводѣ въ волынскую епархію, послѣ назначенія его предшественника Никанора митрополитомъ новгородскимъ и санктъ-петербургскимъ; потому что извѣстно было, какъ радѣлъ онъ о пользахъ православія и духовенства въ сосѣдней епархіи, какое участіе принималъ въ положеніи священно-церковно-служителей православной церкви, и какъ энергически защищалъ ихъ, когда подпадали они какой либо клеветѣ. Когда же явился онъ, и вступилъ въ сношенія съ подвѣдомымъ духовенствомъ, онъ очаровалъ всѣхъ своею привѣтливостію и обходительностію, и Волынь увидѣла въ немъ такого мягкаго и снисходительнаго начальника, какого и не ожидали видѣть. Лѣта умѣрили его прежнюю горячность, а жизнь въ западномъ краѣ, гдѣ, при множествѣ разнородныхъ и разновѣрныхъ элементовъ, требовалось больше осторожности въ обращеніи съ людьми, и гдѣ болѣе, чѣмъ въ сѣверной Россіи, придавали значенія внѣшнему лоску въ формахъ общежительныхъ сношеній, научили его сдержанности и деликатности въ обращеніи съ подчиненными и вообще съ тѣми людьми, съ которыми приходилось ему входить въ сношенія. Система дѣйствій по епархіальному управленію, перенесенная изъ Подоліи на Волынь, сразу внушила къ нему чувство довѣрія и уваженія со стороны духовенства, и по мѣрѣ того, какъ знакомилось духовенство съ своимъ архипастыремъ и съ характеромъ его управленія, чувства рас-

---

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей Высокопр. Митрополита Арсенія, стр. 35.

положенія къ нему возрастали и усиливались среди его паствы. Съ теченіемъ времени, когда преосв. Арсеній узналъ почти всѣхъ членовъ волынскаго духовенства, у него образовалась не начальственная только, а какъ бы внутренняя родственная связь съ ними, и будучи уже въ Кіевѣ, онъ съ участіемъ распрашивалъ волынскихъ студентовъ академіи, когда представлялся къ тому случай, о ихъ родныхъ, какъ давнихъ своихъ знакомыхъ, и съ удовольствіемъ вспоминалъ многихъ лицъ, съ нимъ вмѣстѣ дѣйствовавшихъ или находившихся подъ его управленіемъ на Волыни.

Главнымъ мѣстопребываніемъ Арсенія, когда онъ управлялъ двумя епархіями, была Варшава. Здѣсь дѣло православія было, такъ сказать, въ колыбели: среди сплошнаго польскаго римско-католическаго населенія въ царствѣ польскомъ было только нѣсколько православныхъ колоній или семей. Нужно было охранять эту паству, юную и разсѣянную, отъ чуждаго вліянія; нужно было защищать ее отъ поношеній и клеветъ; нужно было заботиться объ утвержденіи и охраненіи православія въ русскихъ семьяхъ, если не объ его распространеніи среди поляковъ. Съ честію держалъ знамя православія въ иновѣрномъ краѣ Арсеній, какъ высшій представитель русской церкви, и умѣлъ внушить уваженіе къ себѣ, какъ въ высшемъ латино-польскомъ клирѣ, такъ и въ высшемъ польскомъ обществѣ. Мало распространялась и увеличивалась православная паства въ царствѣ польскомъ при его управленіи; но распространеніе православія здѣсь и невозможно было, при фанатическомъ направленіи римско-католическаго духовенства, при отождествленіи римскаго католичества съ польскою національною идеею, и при горячей преданности этой идеѣ польскаго общества. Но заслуга его въ томъ, что при немъ православіе было честно и хвально среди иновѣрцевъ, и этого онъ достигалъ безъ всякаго задора, безъ усиленной борьбы съ противни-

ками. По словамъ одного почитателя его дѣяній [1]) (Іеронима Гепнера), онъ вездѣ отличался умѣньемъ жить и ладить, и съ этимъ умѣньемъ онъ какъ нельзя болѣе былъ на мѣстѣ въ центрѣ польщизны и польскаго католичества. Всѣ знали, что онъ коренной москаль до мозга костей, что онъ не поступится и пядію, когда увидитъ нападеніе на интересы православной церкви, а между тѣмъ онъ не доходилъ до ссоры и борьбы съ людьми другаго лагеря. Съ нимъ водили знакомство и польскіе аристократы, и лица высшаго латинскаго клира, и сколько цѣнили умъ и тактъ его въ сношеніяхъ со всѣми, столько признавали его непреклонную твердость въ началахъ православія и на все готовую ревность въ ихъ защищеній.

Живя въ Варшавѣ, занимая высокій постъ православнаго архіерея въ царствѣ польскомъ, преосвященный Арсеній, по самому положенію своему, невольно вовлекался въ кругъ политическихъ отношеній; такъ какъ тамъ, при мечтаніяхъ поляковъ о самостоятельной Рѣчи Посполитой, политическая идея всюду заявляла себя, и стремленіе жителей царства оспаривать силу государственнаго начала въ каждомъ русскомъ вызывало сознаніе обязанности отстаивать это начало всѣми, доступными ему, средствами. Какъ русскій патріотъ, попавшій въ царство польское, и на іерархическомъ постѣ Арсеній служилъ своему отечеству со всею горячностію преданной души, и не могъ равнодушно смотрѣть на то, изъ чего могли зараждаться смуты и опасности. Поляковъ не въ Варшавѣ приходилось ему изучать въ первый разъ: онъ узналъ ихъ очень хорошо еще до назначенія на каѳедру варшавскую, и въ Варшавѣ онъ увидѣлъ въ большомъ размѣрѣ то, что въ миніатюрѣ представлялось ему въ Подоліи. Въ своихъ сужденіяхъ о дѣлѣ политическомъ онъ отличался рѣдкою зоркостію взгляда, и данное положе-

---

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей Высокопр. Митр. Арсенія, стр. 35.

ше вещей оцѣнивалъ лучше заказнаго политика-администратора. При его сношеніяхъ съ людьми разныхъ сословій и положеній, ему скорѣе, чѣмъ кому другому, дѣлались извѣстны разныя политическія мечты, желанія и затѣи польскія, и при своей проницательности по отдѣльнымъ фактамъ онъ угадывалъ систему и направленіе дѣйствій мѣстнаго польскаго общества. На ласки польскихъ паповъ, которыми они окружали представителя власти, онъ отвѣчалъ любезностію, но зная, какъ лесть въѣлась въ польскіе нравы, онъ прекрасно оцѣнивалъ ихъ значеніе. Вмѣсто того, чтобы поддаваться имъ, когда нужно было или представлялся случай, совѣтовалъ и представителямъ гражданской власти быть осторожными и осмотрительными по отношенію къ полякамъ, и тѣмъ осторожнѣе и осмотрительнѣе, чѣмъ послѣдніе становились съ ними любезнѣе. Справедливо или нѣтъ, но онъ находилъ нужнымъ, чтобы поляки чувствовали надъ собою грозу бдительной и твердой власти, и въ этомъ видѣлъ условіе спокойствія и политической безопасности края, волнуемаго мечтаніями о возвращеніи невозвратнаго былаго.

Большую часть времени, когда Арсеній управлялъ православною церковію въ предѣлахъ царства польскаго, намѣстникомъ царства былъ князь Паскевичъ-Эриванскій Князь Паскевичъ цѣнилъ административный умъ и русскій патріотизмъ Арсенія еще болѣе, чѣмъ Бибиковъ, и былъ къ нему всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ. Покойный Арсеній, живя въ Кіевѣ, любилъ хвалиться дружбою и расположенностію къ себѣ этого замѣчательнаго дѣятеля, и въ своихъ разсказахъ объ отношеніи своемъ къ нему давалъ понять, что Паскевичъ часто обращался къ нему за совѣтомъ въ дѣлахъ политическаго свойства, и придавалъ вѣсъ его мнѣніямъ, какъ мнѣніямъ просвѣщеннаго русскаго человѣка, хорошо знающаго исторію того края, надъ которымъ высшую власть держалъ долгое время *Свѣтлѣйшій*, какъ называлъ его въ разсказахъ о немъ Арсеній. Паскевичъ повѣрялъ Арсенію свои тайны, посвящалъ его въ свои

административные секреты, и не стѣсняясь высказывалъ предъ ними свои замѣчанія о многихъ высоко-поставленныхъ лицахъ въ Петербургѣ и о своихъ помощникахъ по управленію царствомъ. Радостная или непріятная какая вѣсть придетъ къ Паскевичу,—онъ скорѣе всѣхъ сообщалъ ее Арсенію и дѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями. Можно пожалѣть, что у Арсенія не осталось никакихъ письменныхъ замѣтокъ о своихъ сношеніяхъ съ Свѣтлѣйшимъ. Эти замѣтки человѣка просвѣщеннаго и зоркаго, удостоиваемаго особеннаго довѣрія со стороны Паскевича, могли бы многое уяснить изъ исторіи управленія царствомъ польскимъ, при намѣстничествѣ Паскевича. Смерть Паскевича Арсеній считалъ большою незамѣнимою утратою для того края, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ, и для всей Россіи. Послѣ Паскевича еще нѣсколько лѣтъ (до половины 1860 года) Арсенію приходилось быть непосредственнымъ свидѣтелемъ всего, совершавшагося въ Варшавѣ. Но объ этихъ временахъ почему-то мало воспоминалъ и разсказывалъ покойный Арсеній. Дѣятели, смѣнившіе Паскевича, не возбуждали его сочувствія и не соотвѣтствовали тому идеалу, какой онъ составилъ о русскихъ правителяхъ польскаго края на основаніи образа дѣйствія глубоко чтимаго имъ свѣтлѣйшаго князя Паскевича. Измѣненія порядковъ, заведенныхъ при Паскевичѣ, не казались ему дѣломъ политической мудрости. Уѣзжая изъ Варшавы въ 1860 году, онъ по ходу событій, допускаемому русскою администраціею въ Польшѣ, не предвѣщалъ отъ поляковъ для Россіи добра въ близкомъ будущемъ, и мятежъ 1863 года вполнѣ оправдалъ его опасенія.

Въ дѣлѣ церковномъ пастырская ревность побуждала Арсенія, во время пребыванія его въ Подоліи, на Волыни и въ царствѣ польскомъ, въ виду противоборствующей силы римскаго католичества, пользоваться всѣми способами нравственнаго дѣйствія къ огражденію православія и къ изобличенію неправды римско-католической. Есть свидѣтель-

ства, что для этой цѣли, близко лежащей къ его сердцу онъ прибѣгалъ и къ проповѣдному слову, и къ ученымъ изслѣдованіямъ и къ литературной полемикѣ.

Люди, бывшіе свидѣтелями дѣятельности преосвященнаго Арсенія въ Подоліи и на Волыни, давно передавали, что преосв. Арсеній, любя часто проповѣдывать, въ своихъ словахъ по нуждамъ мѣста нерѣдко касался вѣроисповѣдныхъ разностей, отличающихъ римское католичество отъ православія и въ этомъ случаѣ былъ прямъ и рѣзокъ, что слова его производили впечатлѣніе на слушателей, и что между слушателями попадались послѣдователи того вѣроисповѣданія, на которое онъ для пользы паствы своей считалъ нужнымъ нападать съ церковной каѳедры. Замѣчали далѣе, что проповѣди свои преосв. Арсеній говорилъ импровизаціею, безъ тетради, и выражали сожалѣніе, что не осталось слѣда отъ его замѣчательныхъ и вліятельныхъ полемическихъ словъ. Но когда къ году своего пятидесятилѣтняго юбилея покойный Арсеній началъ сводить итоги своей прошедшей учено-литературной дѣятельности, русскій православный читающій міръ увидалъ въ печати цѣлыхъ пять томовъ словъ, бесѣдъ и рѣчей, въ разныя времена сказанныхъ преосв. Арсеніемъ (С. Петербугъ 1873—4), и въ этихъ пяти томахъ встрѣчается нѣсколько словъ, направленныхъ противъ той римско-католической лжи, которая стояла предъ его глазами въ Каменцѣ и въ Житомирѣ и въ Варшавѣ. Очень можетъ быть, что напечатанныя слова не совмѣщаютъ въ себѣ всего того, что въ разныя времена говорилъ преосв. Арсеній въ защиту православія противъ римско-католичества. Но ихъ довольно для того, чтобы судить о его ревности по православію, о силѣ и мѣткости его слова, направленнаго къ изобличенію чужой неправды. Какъ видно, при всякомъ представляющемся случаѣ, въ Каменцѣ ли то, или въ Житомирѣ, или въ православныхъ церквахъ царства польскаго, онъ поднималъ смѣлое слово то противъ общихъ началъ, на которыхъ опи-

рается папство, то противъ частныхъ отступленій римской церкви отъ вселенскаго христіанства. Напримѣръ въ словахъ на освященіе возсоединенной изъ унятства къ православію каменецкой церкви [1]), и по случаю водруженія креста, устроеннаго возсоединенными христіанами города Каменца въ память своего возсоединенія съ православно-восточною церковію [2]), онъ выставляетъ на видъ всѣ главныя отступленія римской церкви отъ чистоты православія, видныя и въ ея догматикѣ и въ латинскомъ богослуженіи, и припоминаетъ тѣ насильственныя средства, какія употребляла она для привлеченія въ свою ограду предковъ нашихъ. Въ другихъ словахъ онъ подвергаетъ обстоятельному разбору частныя римско-католическія вольности, нововведенія и заблужденія. Такъ въ словѣ на день святителя и чудотворца Николая [3]), наставляя православныхъ держаться вѣры, опредѣленной соборами и принятой вселенскою церковію, онъ показываетъ имъ безразсудство римскихъ христіанъ, которые, не страшась ни запрещенія, ни проклятія соборнаго, не убоясь суда и осужденія предковъ своихъ, не устыдясь и запретительнаго гласа древнихъ папъ своихъ, не убоясь и не устрашась даже прямыхъ и ясныхъ словъ самаго Спасителя.., дерзнули святотатственною рукою измѣнить никеоцареградскій символъ. Неразъ (въ словѣ на день первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла [4]) и въ словѣ при посѣщеніи калишской петропавловской церкви [5]). нападаетъ онъ на то сусмудріе латинское, по которому они апостолу Петру приписываютъ верховное главенство надъ всею церковію, забывая или намѣренно оставляя безъ вниманія то, что глава церкви по Писанію есть одинъ Христосъ, и на основаніи этого главен-

---

[1]) Собраніе словъ, бесѣдъ и рѣчей Синодальнаго Члена, Высокопр Арсенія, митр. кіевск. и галицкаго. Ч. IV, стр. 423—442

[2]) Ч V, стр. 421—5.

[3]) Ч. IV, стр. 39—42.

[4]) Ч. III, 285—296

[5]) Ч. V, 249—260.

ства Петра папѣ, какъ его преемнику, усвояютъ право на обладаніе всею церковію, дерзновенно воображаютъ себѣ, что этотъ папа можетъ быть непогрѣшимъ, и это заблужденіе провозглашаютъ во всеуслышаніе міра, какъ непреложную истину. Не разъ [1]) онъ и словомъ Божимъ и преданіемъ временъ богопросвѣщенныхъ доказываетъ святой обычай нашей церкви пріобщать всѣхъ вѣрующихъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, тѣла и крови Христовой подъ обоимъ видами и съ силою обличаетъ самовольное отнятіе чаши у мірянъ при святомъ причащеніи, сдѣланное на западѣ уже въ довольно поздніе вѣка вопреки ясной заповѣди Спасителя. Онъ не оставляетъ безъ вниманія и мелочей, не важныхъ для поверхностнаго взгляда, когда видитъ, что онѣ соблазняютъ иныхъ изъ православныхъ, которые, по превратному убѣжденію или по преступному снисхожденію, готовы хвалить разныя стороны въ римско-католическихъ учрежденіяхъ: такъ онъ говорилъ противъ римско-католическихъ постовъ, которые многимъ нравятся болѣе, чѣмъ строгіе посты церкви православной; такъ какъ въ нихъ допускаются многочисленныя изъятія и разрѣшенія для нѣкоторыхъ, и всѣмъ дозволяется употребленіе сливокъ и коровьяго масла,—говорилъ противъ введенія въ католическіе храмы сѣдалищъ и музыки [2]),—говорилъ противъ употребленія при богослуженіи иноземнаго латинскаго языка, убѣдительно доказывая, что этотъ римскій обычай въ церкви и неумѣстенъ и противенъ духу христіанства [3]), замѣчалъ неправильности у католиковъ въ изображеніи ими на себѣ крестнаго знаменія [4]), вездѣ доказывая ихъ святотатственное наруганіе надъ апостольскимъ преданіемъ.

---

[1]) См. слова на св. четыредесятницу (Ч II, 242—269) и въ великій четвертокъ (Ч. II, 419—427).

[2]) Ч. I, стр. 190—200 Ч. IV, 433—4.

[3]) См. о церковно-богослужебномъ языкѣ. Ч. IV, 470—485. Поученіе о православномъ богослуженіи. Ч. IV, 494—6

[4]) См о крестномъ знаменіи. Ч IV, 443—457.

Серьезно относясь къ задачѣ управленія православною церковію въ западномъ краѣ, преосвящ. Арсеній не довольствовался однимъ наглядным знакомствомъ съ явленіями церковно-общественной жизни, а старался уяснить себѣ историческія причины современныхъ явленій и тѣ пути, какими шла церковная жизнь въ краѣ въ вѣка предшествовавшіе, чтобы безошибочнѣе и надежнѣе самому дѣйствовать при столкновеніяхъ защищаемыхъ имъ интересовъ съ интересами людей противоположнаго лагеря. Съ этою цѣлію онъ предпринялъ ученое изученіе исторіи православной церкви на западѣ Россіи, ознаменованной многими гоненіями и преслѣдованіями съ одной стороны, и замѣчательнымъ отпоромъ съ другой, представлявшей много темныхъ и спутанныхъ страницъ и подвергавшейся разнымъ перетолкованіямъ со стороны защитниковъ уніи и римско-католическаго польскаго правительства. Чтобы не руководиться чужими мнѣніями, онъ по мѣрѣ возможности знакомится съ самыми документами, уясняющими фактическую истину давнихъ событій; чтобы не быть одностороннимъ изслѣдователемъ, онъ считаетъ нужнымъ узнать все, что писали противъ православія въ защиту уніи или римско-католиковъ польскихъ старые и новые польскіе писатели и наши отщепенцы, перешедшіе въ унію или католичество. Для этого на архіерейской каѳедрѣ, среди многообразныхъ заботъ архипастырскаго управленія, онъ изучаетъ польскій языкъ, и открываетъ себѣ доступъ къ польской литературѣ, вмѣщающей въ себѣ богатый запасъ книгъ по той исторіи, которая его интересовала. Изученіе исторіи православія и уніи въ западномъ краѣ велось покойнымъ Арсеніемъ постепенно въ теченіе многихъ лѣтъ въ часы досуга, остававшагося у него отъ прямыхъ дѣлъ по должности. Но послѣ неоднолѣтняго труда онъ достигъ такого знанія дѣла, что могъ не уступать самымъ кропотливымъ спеціалистамъ по изученію исторіи западно-русской церкви.—Когда представлялся случай, онъ дѣлился плодами своихъ изысканій съ

учеными корпораціями. Въ прежнее время (до преобразованія духовныхъ академій въ 1869 году) такъ называемыя курсовыя, магистерскія и кандидатскія сочиненія студентовъ академіи, по разсмотрѣніи ихъ конференціею академіи, представлялись въ Св. Синодъ, и онъ обыкновенно передавалъ ихъ для новаго разсмотрѣнія и высшей критики архіереямъ и лицамъ высшаго духовенства, извѣстнымъ своею богословскою ученостію. Преосвященный Арсеній былъ однимъ изъ самыхъ усердныхъ и тщательныхъ рецензентовъ посылаемыхъ ему курсовыхъ сочиненій. Онъ не довольствовался бѣглымъ просмотромъ ихъ, а внимательно прочитывалъ ихъ и отсылалъ ихъ вмѣстѣ съ длинными замѣчаніями, въ которыхъ указывалъ всѣ просмотры автора, всѣ ошибки его и дѣлалъ сообщенія о тѣхъ документахъ и сочиненіяхъ, которыя могли бы помочь автору восполнить допущенные имъ пробѣлы. Въ особенности онъ останавливался на тѣхъ курсовыхъ разсужденіяхъ, которыя по своему содержанію касались судьбы западно-русскаго края, и судьбы православія и уніи у западно-руссовъ, и здѣсь-то, въ рецензіяхъ на эти сочиненія, онъ показывалъ свою начитанность и свое знаніе и свое стараніе поставить молодыя ученыя силы на ту дорогу, на которой ревнителю православія желалось видѣть русскихъ ученыхъ. Въ архивѣ конференціи Кіевской духовной Академіи есть памятники его ученой критики, свидѣтельствующіе сколько о его внимательности къ трудамъ молодыхъ ученыхъ, столько о его большомъ знакомствѣ съ исторіею уніи и православія въ западной Россіи, — это его рецензіи на сочиненія двухъ студентовъ XIII курса Кіевской духовной Академіи (выпуска 1851 года), присланныя изъ Св. Синода въ конференцію Академіи въ 1852 году при томъ указѣ, которымъ утверждены въ степеняхъ представленные конференціею студенты XIII курса. Одна изъ этихъ рецензій вызвана разсужденіемъ студента Ѳеофана Лебединцева (нынѣ начальника учебной дирекціи въ Радомѣ) о предметѣ, близкомъ

преосв. Арсенію, подъ заглавіемъ: „Взглядъ на унію“. Авторъ проводилъ въ своемъ разсужденіи ту мысль, что унія была великимъ бѣдствіемъ для западно-русской церкви, которое допущено было провидѣніемъ, какъ наказаніе, вслѣдствіе дурнаго нравственнаго состоянія представителей этой церкви, и, стараясь доказать эту мысль, самыми мрачными красками изображалъ нравственно-религіозное состояніе западно-русскаго общества. Не отвергая совершенно этого взгляда, преосв. Арсеній въ своихъ замѣчаніяхъ на разсмотрѣнное имъ сочиненіе представляетъ односторонность и неполноту сужденій автора, и обращаетъ вниманіе на тѣ хитрости, насилія и притѣсненія, какими пользовалось польское правительство и его клевреты къ подавленію православія въ русскомъ народѣ и къ введенію и утвержденію среди него пресловутой уніи, чѣмъ значительно облегчается вина многострадательнаго народа, среди гоненій и преслѣдованій принявшаго навязываемую ему унію. Свое мнѣніе преосв. Арсеній обставилъ ссылками на унiатскихъ и польско-католическихъ писателей, указывалъ тѣ документы, какіе были неизвѣстны автору или опущены имъ изъ вниманія, и какіе между тѣмъ могли бы заставить его измѣнить свой взглядъ, и изъявлялъ готовность подѣлиться находящимися въ его рукахъ документами полезными для автора, если бы онъ захотѣлъ исправить свое сочиненіе.

Преосвященный Арсеній, живя въ Варшавѣ, внимательно слѣдилъ за ученою богословскою римско-католическою или польскою литературою, и когда встрѣчалъ въ ней искаженіе историческихъ фактовъ въ защиту предвзятыхъ теорій римскихъ или усилія защитить римскія заблужденія, и показать превосходство римскаго католичества предъ православіемъ, горячая ревность его по православію вскипала при видѣ явной фальши и побуждала его браться за перо и вступать въ ученую богословскую полемику. Многообразныя занятія епархіальнаго управленія мѣшали ему вести это дѣло съ постоянствомъ ученаго богослова или литера-

тора, видящаго въ авторской работѣ свое призваніе. Но дошедшіе до насъ слѣды его учено-полемической работы, вѣдомой урывками между оффиціальными дѣлами, показываютъ и ясность взгляда и силу твердой православной мысли и большую богословскую начитанность. Такими свойствами отличаются его „замѣчанія на книгу варшавскаго ксендза Путятицкаго подъ названіемъ: Pismo o religii naturalney i objawionej“, напечатанныя въ „Трудахъ Кіевской Академіи“ въ 1873 году (май, стр. 3—76). Замѣчанія эти писаны тотчасъ послѣ выхода сочиненія Путятицкаго въ 1854 году въ Варшавѣ, и отповѣдь ксендзу преосвящ. Арсенія вызвана тѣмъ мѣстомъ книги, въ которомъ доказывалось, что истинная апостольская церковь есть только римская церковь. Въ отвѣтъ ретивому защитнику римскаго католичества преосв. Арсеній показываетъ фальшивость его посылокъ и заключеній и ясно представляетъ, что нынѣшняя римская церковь далеко уклонилась отъ древней церкви, что главные существенные признаки взаимнаго сходства ихъ почти всѣ и давно уже совершенно изгладились, а остались только одни внѣшніе, и перечисляетъ всѣ уклоненія и нововведенія римскія, неизвѣстныя въ древне-христіанской церкви. Особенно долго останавливается преосв. Арсеній на доказательствахъ верховнаго владычества и намѣстничества апостола Петра, которыми Путятицкій думаетъ защитить главенство римскаго первосвященника, какъ преемника Петра, во вселенской церкви, и здѣсь подробно раскрываетъ, какъ превратно толкуетъ Путятицкій мѣста Писанія, на которыхъ опирается фальшивый латинскій догматъ папскаго главенства, какъ невѣрно приводитъ свидѣтельства отцовъ въ свою пользу, и какъ его силлогизмы страдаютъ самымъ важнымъ и нетерпимымъ въ логикѣ порокомъ,—недостаткомъ въ посылкахъ того, что выводится въ заключеніи.

Въ 1856 году преосвященный Арсеній, въ бытность архіепископомъ варшавскимъ и волынскимъ, въ числѣ другихъ высшихъ представителей россійской іерархіи, былъ

вызванъ въ Москву для присутствованія при священномъ вѣнчаніи на царство нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Проѣздомъ изъ Почаева, гдѣ онъ проводилъ обыкновенно лѣто, онъ посѣтилъ Кіевъ и во время кратковременнаго пребыванія въ немъ пользовался самымъ радушнымъ гостепріимствомъ покойнаго митрополита кіевскаго Филарета. Покойный митрополитъ кіевскій Филаретъ встрѣтилъ варшавскаго архіепископа Арсенія какъ своего будущаго преемника, и говорилъ близкимъ лицамъ, что вотъ пріѣхалъ Арсеній и ему нужно будетъ сдать епархію. Въ назначенный день отъѣзда Арсенія, покойный Филаретъ просилъ его съ ранняго утра придти къ нему, такъ какъ ему нужно о многомъ переговорить съ нимъ, какъ съ будущимъ своимъ преемникомъ, и далъ знать другимъ, чтобы они не безпокоили въ это утро; потому-де, что онъ будетъ приготовлять дѣла къ сдачѣ Арсенію. Случилось при этомъ еще то, что Арсеній въ поспѣшныхъ сборахъ въ дорогу забылъ взять съ собою свой архіерейскій жезлъ, и долженъ былъ просить себѣ жезла у покойнаго Филарета изъ лаврской ризницы. Давая этотъ жезлъ Арсенію, покойный Филаретъ замѣтилъ, что не случайность то обстоятельство, что Арсенію пришлось взять въ Москву не свой посохъ, а кіевскій, а что этимъ Промыслъ хочетъ предуказать ему, что скоро онъ будетъ пасти не волынскую и не варшавскую паству, а кіевскую.

Въ Москвѣ, во время коронаціи Государя Императора, преосвященный Арсеній чаще всѣхъ видѣлся съ покойнымъ Иннокентіемъ Херсонскимъ, съ которымъ былъ очень друженъ. Ихъ близкое знакомство началось тотчасъ по окончаніи ими курса въ 1823 году, когда Иннокентій былъ опредѣленъ инспекторомъ санкт-петербургской духовной семинаріи, а Арсеній баккалавромъ санктпетербургской академіи. Добрыя дружескія отношенія между двумя сверстниками, избравшими одинаковое служеніе, начавшись въ молодые годы, продолжались потомъ въ теченіе всей послѣдую-

щей жизни, до смерти Иннокентія, хотя по выѣздѣ Арсенія изъ Петербурга чрезъ два года баккалаврской службы, имъ не приходилось стоять близко другъ къ другу. Человѣкъ живой, увлекающійся, отдающійся впечатлѣніямъ минуты, покойный Иннокентій готовъ былъ и сказать лишнее, и принять скороспѣлое рѣшеніе и безъ колебаній явиться тамъ, куда другой болѣе осторожный человѣкъ стѣснился бы явиться, и этимъ вызывалъ осужденіе на себя и на свои смѣлые поступки. Болѣе тактичный и осторожный, преосв. Арсеній оказывалъ сдерживающее вліяніе на Иннокентія, и заявлялъ голосъ практическаго благоразумія, когда Иннокентій предавался влеченію сердца или увлекался полетами своей быстрой и игривой мысли. Арсеній видѣлъ и чувствовалъ что на всѣхъ іерарховъ, собравшихся въ Москву, съ разныхъ концовъ Россіи, смотрятъ какъ на градъ, поставленный вверху горы, и что придаютъ вѣсъ не только всѣмъ поступкамъ ихъ и дѣйствіямъ, но и словамъ, случайно сказаннымъ. Взоры всѣхъ обращены были на первосвятителя московскаго, который при своемъ безграничномъ авторитетѣ заставлялъ сообразоваться съ своими желаніями и взглядами всѣхъ представителей іерархіи, явившихся подъ гостепріимный кровъ монастырей московскихъ. Иннокентій, не сходившійся характеромъ съ покойнымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, и вызывавшій не разъ строгую критику его какъ своими сочиненіями и проповѣдями, такъ и своими административными дѣйствіями и взглядами, какъ видно и въ Москвѣ не умѣлъ попасть въ тактъ поведенія и обращенія, данный старѣйшимъ святителемъ московскимъ. Говоримъ такъ на основаніи одной, слышанной нами, откровенной бесѣды Арсенія въ послѣдніе дни его пребыванія въ Кіевѣ предъ отъѣздомъ въ Петербургъ въ 1875 году. По словамъ покойнаго Арсенія, изъ московскихъ наблюденій у него врѣзался въ памяти одинъ фактъ, касающійся Иннокентія, который занималъ его до послѣднихъ дней его жизни между прочимъ потому, что онъ не могъ разъяснить его себѣ какъ

слѣдуетъ. Когда предъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ явился откланяться митрополиту Филарету и поблагодарить его за гостепріимство, онъ засталъ уже тамъ Иннокентія, пріѣхавшаго тоже для прощальнаго визита, и когда входилъ въ гостиную, они стоя вели какой-то переговоръ. При этомъ бросилось ему въ глаза смущеніе, написанное на лицѣ Иннокентія, по которому онъ заключилъ, что послѣдняя бесѣда Филарета съ Иннокентіемъ была не особенно дружелюбнаго характера. Онъ слышалъ, входя въ комнату, гдѣ прощались два знаменитѣйшіе святители русской церкви, какъ на какія-то слова преосвященнаго Филарета, сказанныя по обыкновенію очень тихо, Иннокентій не то тономъ смиреннаго извиненія, не то тономъ оскорбленнаго чувства собственнаго достоинства воскликнулъ: Преосвященнѣйшій!... „Такъ было это сказано это слово (замѣчалъ покойный Арсеній), что мнѣ стало жалко Иннокентія". Явленіе Арсенія прервало, какъ видно, жесткій разговоръ на полу-словѣ, и лобзаніе мира и любви послѣ этого разговора было соблюденіемъ одной формальности, которая едва ли уничтожила горечь упрековъ, какіе, по предположеніямъ Арсенія, пришлось выслушать Иннокентію отъ старѣйшаго изъ русскихъ іерарховъ въ минуты уединенной прощальной бесѣды. Озадаченный нелюбезнымъ прощаніемъ Филарета съ Иннокентіемъ, Арсеній долго носился съ мыслію о причинѣ этого и хотѣлъ непремѣнно распросить у Иннокентія разъясненія загадочной для него бесѣды его съ Филаретомъ, которая какъ-то странно заключилась предъ его глазами, и заставляла его дѣлать разныя догадки касательно ея содержанія. Но въ Москвѣ, послѣ прощанія Иннокентія съ Филаретомъ, Арсенію уже не пришлось свидѣться съ Иннокентіемъ; не удалось ни разу видѣть Иннокентія и послѣ отъѣзда изъ Москвы; такъ какъ Иннокентій не долго жилъ послѣ того. Такимъ образомъ фактъ, показавшійся Арсенію загадочнымъ, остался для него не разъясненнымъ. Иннокентій, по словамъ Арсенія, унесъ въ могилу ту тайну, которая привела его

въ смущеніе въ минуты послѣдняго прощанія съ Филаретомъ, издавна ревниво слѣдившимъ за его словомъ и мыслію.

Касательно своихъ отношеній къ московскому митрополиту Филарету Арсеній свидѣтельствовалъ, что онъ съ молодыхъ лѣтъ пользовался благосклоннымъ вниманіемъ старѣйшины русскихъ іерарховъ. Въ первый разъ онъ представлялся ему въ званіи архимандрита и ректора семинаріи, и митрополитъ московскій встрѣтилъ его очень любезно, можетъ быть по тѣмъ добрымъ слухамъ, какіе доходили до него о молодомъ энергическомъ и распорядительномъ ректорѣ. Онъ пригласилъ его на обѣдъ къ себѣ и при этомъ подарилъ ему свои довольно цѣнныя четки. Такой чести первосвятитель московскій удостоивалъ только рѣдкихъ архимандритовъ. По крайней мѣрѣ сверстники Арсенія по службѣ въ то время въ пріемѣ, оказанномъ ему митрополитомъ московскимъ, видѣли знакъ особеннаго къ нему вниманія.

Изъ Варшавы и Волыни преосвященный Арсеній 1 іюля 1860 года переведенъ былъ на старѣйшую въ русской церкви каѳедру кіевскую, съ возведеніемъ въ санъ митрополита и въ званіе члена Святѣйшаго Синода. Эту каѳедру занялъ преосв. Арсеній не тотчасъ послѣ смерти митрополита Филарета Кіевскаго, предуказывавшаго въ немъ своего преемника и заявлявшаго объ этомъ лично самому Арсенію во время путешествія послѣдняго въ Москву для присутствованія при священномъ коронованіи Государя Императора, а по прошествіи не продолжительнаго (двухлѣтняго) періода, въ теченіи котораго кіевскою паствою управлялъ высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ. Непосредственный преемникъ Филарета кіевскаго былъ въ Кіевѣ какъ бы мимоходомъ, потому что скоро, послѣ принятія кіевской паствы, вызванъ былъ въ Петербургъ для занятія каѳедры митрополита новгородскаго и санктъ-петербургскаго, съ чѣмъ соединяется званіе первенствующаго члена Святѣйшаго Синода. Пр. Арсенію, заступившему въ Кіевѣ мѣсто преосв. Исидора,

суждено было Промысломъ долѣе его послужить церкви на каѳедрѣ достопамятнаго митрополита Филарета, и въ этомъ служеніи почить отъ трудовъ своихъ. Кіевскою паствою преосв. Арсеній управлялъ около шестнадцати лѣтъ: въ теченіе своей предшествующей жизни онъ нигдѣ не былъ такъ долго. Служеніе его въ санѣ митрополита кіевскаго и галицкаго важнѣе и достопамятнѣе другихъ служеній. Кіеву, видѣвшему его у себя во всемъ величіи его авторитета, снискиваннаго долговременною административною дѣятельностію и утвержденнаго его общественно-іерархическимъ положеніемъ, и удостоившемуся принять его останки, принадлежитъ онъ по преимуществу, и съ именемъ кіевскаго митрополита будетъ записанъ въ исторіи.

Кіевская паства видѣла и чтила въ преосв. Арсеніѣ правителя мудраго, распорядительнаго и энергическаго. На ея глазахъ раскрывались опыты его просвѣщенной пастырской ревности, снискивавшіе ему у всѣхъ уваженіе, и немало содѣйствовавшіе обновленію церковно-религіозной жизни во всѣхъ предѣлахъ русской земли. Отъ него выходили многія важныя мѣропріятія ко благу народа, духовенства и церкви въ своей епархіи, которыя были принимаемы въ руководство и образецъ другими правителями церкви. По будучи передовымъ человѣкомъ и начинателемъ во многихъ вещахъ, преосв. Арсеній въ тоже время являлъ въ себѣ строгаго равнителя отеческихъ преданій и уставовъ церкви. При его авторитетѣ, духъ и направленіе его дѣятельности, какъ начинательной, такъ и охранительной, переходили за предѣлы его епархіи и оказывали вліяніе въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. Помимо этого посредственнаго вліянія на общую церковную жизнь нашего отечества, онъ посвящалъ устроенію дѣлъ русской церкви и свои непосредственныя заботы. Каждую почти зиму онъ былъ вызываемъ по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ для засѣданія въ Св. Синодѣ, и принималъ участіе въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія въ знаменательный періодъ времени, ознаменованный

важными реформами въ разныхъ частяхъ церковной жизни, и полтора десятилѣтія служилъ трудную службу всей русской церкви и духовной школѣ, на пользу которыхъ предпринимались преобразованія послѣднихъ дней.

Первое дѣло, которымъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе преосвященный митрополитъ Арсеній по вступленіи на кіевскую каѳедру, была забота о возвышеніи народнаго образованія и учрежденіи церковно-приходскихъ школъ. Дѣло религіозно-нравственнаго образованія нашего простаго народа до шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія было въ большомъ запустѣніи. Министерство народнаго просвѣщенія заботилось о среднихъ и высшихъ школахъ, и мало думало объ учрежденіи элементарныхъ училищъ собственно для народа, да оно не находило ни средствъ, ни людей для того, чтобы вести дѣло образованія многомилліоннаго сельскаго народонаселенія. Въ 1828 году по Высочайшему повелѣнію составлены и разосланы были повсюду правила для обученія крестьянъ. Но правила оставались правилами на бумагѣ и не переходили въ дѣло; потому что къ заведенію крестьянскихъ школъ никто не приступалъ. Въ 1835 году Св. Синодъ, въ видахъ ограниченія распространенія раскола въ простомъ народѣ, призналъ за благо пригласить духовенство къ заведенію школъ для крестьянскихъ дѣтей, надѣясь, что образованіе народа будетъ наиболѣе дѣйствительною мѣрою противъ раскола. Тогда же опредѣлено было устроить школы для крестьянъ, подъ надзоромъ духовенства, во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ есть раскольники. Вслѣдствіе этого распоряженія Синода въ кіевской епархіи указами 1836 и 1837 годовъ повелѣно было при каждой церкви завести школу для крестьянскихъ дѣтей и поручить ее непосредственному завѣдыванію священника и причтниковъ. Но добрыя распоряженія Синода и вызванныя ими заботы епархіальныхъ начальствъ не привели къ желаемымъ результатамъ. Школь-

нее дѣло въ тогдашнемъ быту крестьянскомъ встрѣтило непреодолимыя затрудненія, о которыя разбивалась добрая воля ревнителей народнаго образованія. Народъ смотрѣлъ на грамотность и науку, какъ на лишній для себя трудъ и помѣху въ обыкновенныхъ, нужныхъ ему, занятіяхъ. Экономическія условія его быта, по которымъ его время, трудъ и самая личность принадлежали не столько ему, сколько помѣщику мало благопріятствовали утвержденію правильной школы: такъ какъ при нихъ прихоть помѣщика во всякое время могъ не пустить мальчика въ школу и приурочить его къ какимъ либо занятіямъ въ барскомъ хозяйствѣ: да и дома необходимы были ихъ руки для исполненія мелкихъ хозяйственныхъ работъ, при постоянномъ отвлеченіи большихъ членовъ семейства на работу для помѣщика. Владѣльцы, за многими исключеніями, къ учрежденію школъ относились довольно равнодушно и не оказали этому дѣлу съ своей стороны никакого содѣйствія, не видя отъ него никакого для себя интереса. Священники заводили школы, но нехотя, и нехотя, вяло вели въ нихъ дѣло обученія. Иначе и не могло быть, когда они должны были прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ, чтобы собирать учениковъ въ свои школы, и чтобы заставлять помѣщиковъ не отвлекать дѣтей отъ школы, когда при недостаткѣ помѣщеній для школы учащіеся дѣти должны были собираться въ тѣсныхъ домахъ священниковъ или причетниковъ, гдѣ постоянно прерываемы были въ своихъ занятіяхъ шумомъ и хлопотами по хозяйству того семейства, въ помѣщеньи котораго они учились, и когда не было средствъ для пріобрѣтенія учебниковъ для дѣтей, записанныхъ въ школу. Школы являлись и изчезали, снова возникали и снова закрывались, то по недостатку учениковъ, то по недостатку учебныхъ пособій. Годъ отъ году ихъ становилось все меньше и меньше, и наконецъ въ 1858 году по кіевской епархіи изъ школъ, открытыхъ вслѣдствіе распоряженій Синода, оказалось существующею одна только школа и въ ней числился всего одинъ ученикъ.

Какъ нѣкоторый оазисъ среди пустыни дер[illegible]ской, въ учи лищномъ отношеніи представляли села, населенныя государственными крестьянами, и подвѣдомыя министерству государственныхъ имуществъ. Благодаря участію къ школьному дѣлу министерства государственныхъ имуществъ, школы сельскія среди государственныхъ крестьянъ держались прочнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. По распоряженію министерства, въ большихъ деревняхъ строились особые дома для школы, и изъ общественныхъ сборовъ отдѣлялась нѣкоторая часть на покупку учебниковъ и на жалованье учителямъ. Казенныя школы министерства государственныхъ имуществъ начали являться съ сороковыхъ годовъ, и управленіе ими поручено было палатъ государственныхъ имуществъ, которая обязана была, кромѣ общихъ и постоянныхъ наблюденій, чрезъ окружныхъ и нарочитыхъ чиновниковъ постоянно повѣрять и улучшать обученіе. Священники являлись учителями въ этихъ школахъ, но не въ ихъ рукахъ было главное управленіе ими, а въ рукахъ чиновниковъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Такихъ школъ, открытыхъ въ кіевской губерніи палагою въ 1843 году, было 33 (19 мужскихъ и 14 женскихъ). Получая каждогодно по четыре тысячи рублей изъ общественныхъ сборовъ на свое содержаніе, эти школы неизмѣнно существовали нѣсколько лѣтъ. Въ 1859 и 1860 годахъ въ нихъ числилось учащихся 1129 учениковъ, изъ коихъ 904 ученика приходилось на долю 19 мужскихъ училищъ, а 225 на долю 14 училищъ женскихъ. Но 1859 году министръ государственныхъ имуществъ „по личному удостовѣренію на мѣстѣ и по донесеніямъ нарочитыхъ ревизоровъ“ нашелъ школы казенныхъ крестьянъ въ жалкомъ положеніи [1]).

Въ такомъ положеніи было дѣло народнаго образованія до конца пятидесятыхъ годовъ, когда повѣяло въ Россіи но-

---

1) См. Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости. 1861 Ч неофф отд. 108—122 201—215 Журн мин гос. имуществъ 1859 декабрь, Ж. Мин. Нар Пр. 186[illegible], январь. Собст. №—39 циркуляръ г. министра государственныхъ имуществъ.

вымъ духомъ Начало царствованія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. ознаменованное многими плодотворными предначертаніями и гуманными мѣропріятіями ко благу народа. пробудило народныя надежды. Близокъ былъ день освобожденія крестьянъ. и всѣ съ нетерпѣніемъ ждали этого дня. послѣ манифеста 1857 года о созваніи комитета для обсужденія мѣръ къ освобожденію крестьянъ Смѣлѣе и оживленнѣе стала литература. Въ обществѣ пробудилось усиленное стремленіе къ образованію изъ круговъ просвѣщенныхъ это стремленіе переходило въ народъ. который теперь сталъ сознательнѣе относиться къ потребности образованія. въ виду будущаго независимаго положенія. Готовы были явиться радѣтели народнаго блага. которые хотѣли нести въ народъ грамотность и науку, помимо вліянія церкви и религіи. и преслѣдуя лишь или партійныя нечистыя цѣли, думали сдвинуть его съ того прямаго пути, какой указали ему вѣра и исторія. При такихъ обстоятельствахъ высокопреосвященный Исидоръ. бывшій въ то время митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, сочелъ благовременнымъ призвать духовенство ввѣренной ему епархіи къ заведенію сельскихъ школъ при церквахъ и къ заботамъ о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа на томъ справедливомъ основаніи, что это прямая обязанность духовенства и что оно тверже и надежнѣе можетъ повести это дѣло, чѣмъ люди другихъ сословій. между которыми тогда много было просвѣтителей народа. готовыхъ пропагандировать идеи и понятія сомнительнаго качества. 31 августа 1859 года, послѣ лѣтняго обозрѣнія епархіи, митрополитъ Исидоръ далъ слѣдующее предложеніе кіевской консисторіи: „Принимая во вниманіе настоящее состояніе Россіи, стремящейся къ образованію, я нахожу нужнымъ, чтобы сельское духовенство не было чуждо сего общаго движенія и по возможности старалось бы содѣйствовать ему распространеніемъ въ сельскихъ обществахъ полезныхъ знаній Для сего предлагаю консисторіи распорядиться: 1) чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и се-

лахъ, гдѣ еще не заведены училища, были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельскаго общества: 2 чтобы въ школахъ сихъ учили чтению и письму и преподавали законъ Божій примѣнительно къ понятиямъ сельскихъ дѣтей"... Вотъ первое оффициальное начало полезнаго дѣла объ учрежденіи сельскихъ народныхъ школъ, принявшаго скоро широкіе размѣры. Кіевское духовенство 1860 года, болѣе приготовленное къ сознанію своего пастырскаго долга въ сравненіи съ духовенствомъ 1835 года, отозвалось на приглашеніе своего архипастыря сочувственною готовностію исполнить по мѣрѣ возможности его указанія. Представители свѣтской власти оказали нѣкоторое содѣйствіе успѣшному выполненію мудраго распоряженія кіевскаго архипастыря. Князь Васильчиковъ, бывшій въ то время кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, ходатайствовалъ для поддержки сельскихъ церковно-приходскихъ школъ 500 р. сер., на что куплено было болѣе десяти тысячъ букварей для раздачи по всѣмъ приходамъ бѣднѣйшимъ ученикамъ безплатно, а достаточнымъ съ платою, которая бы обращалась на выписку новыхъ букварей, и приглашалъ помѣщиковъ къ вспомоществованію священникамъ въ открытіи и содержаніи школъ. Министръ государственныхъ имуществъ разрѣшилъ доставлять учебныя пособія для школъ заводимыхъ священниками въ казенныхъ деревняхъ изъ остатковъ училищной суммы, ежегодно ассигнуемой министерствомъ. Но высокопреосвященный Исидоръ, положившій инициативу доброму дѣлу, не успѣлъ еще организовать его съ надлежащею полнотою, какъ былъ переведенъ въ Петербургъ. Послѣ его первоначальнаго распоряженія о школахъ до его перевода въ Петербургъ, менѣе чѣмъ въ годъ, было открыто 385 церковно-приходскихъ школъ; число очень значительное, если сравнивать его съ предъидущимъ временемъ, но оно перестаетъ быть поразительнымъ въ виду огромнаго количества школъ, быстро возникавшихъ въ слѣдующіе годы.

Преосвященный Арсеній, занявши мѣсто преосвященнаго Иендора на кіевской каѳедрѣ, принялся за дѣло, начатое его предшественникомъ, съ обычною энергіею, отличавшею его дѣятельность на прежнихъ поприщахъ его служенія, и постарался дать ему твердую организацію. Онъ настоятельно требовалъ отъ священниковъ, не успѣвшихъ завести приходскихъ школъ до его прибытія, чтобы они поспѣшили приведеніемъ въ исполненіе распоряженія епархіальной власти о заведеніи училищъ, и вслѣдствіе его настойчивыхъ требованій въ первый же годъ управленія преосв. Арсенія кіевскою паствою въ кіевской епархіи явилось болѣе 1000 школъ [1]), и въ нихъ было болѣе двадцати тысячъ учащихся. И это было достигнуто безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, силою архипастырской заботливости объ образованіи народа, и усердіемъ духовенства, не только безмездно, но и самоотверженно взявшагося за учрежденіе школъ, по призыву своего архипастыря.

Когда явилось такое огромное количество церковно-приходскихъ школъ, открылась надобность упорядочить ихъ дѣло и дать ему большую организацію. Преосв. Арсеній резолюціею отъ 4 ноября 1860 во первыхъ учреждаетъ должность наблюдателя церковно-приходскихъ школъ, и въ каждомъ уѣздѣ возлагаетъ эту должность на священниковъ, отличавшихся усердіемъ въ дѣлѣ распространенія религіозно-нравственнаго образованія народа, и извѣстныхъ со стороны педагогическихъ способностей и педагогической опытности, и во-вторыхъ повелѣваетъ открыть въ консисторіи особый училищный столъ, который поручаетъ завѣдыванію каѳедральнаго протоіерея Іоанна Скворцова и ключаря собора протоіерея Григорія Крамарева.

---

[1]) На 1 января 1861 года 1036 школъ, а къ 1 сентября тогоже года 1206. См. вѣдомость о школахъ, открытыхъ православнымъ духовенствомъ. Кіевскія Епарх. Вѣдомости. 1862. № 7. Ч. оффиц., стр. 69.

Обязанности наблюдателей церковно-приходскихъ школъ опредѣляются уже самымъ ихъ званіемъ. Но въ той резолюціи, которою учреждена эта должность, преосв. Арсеній входитъ въ частнѣйшее ихъ указаніе, предписывая наблюдателямъ за школами—1) „своими совѣтами и убѣжденіями содѣйствовать священникамъ въ заведеніи и содержаніи училищъ, знакомить учителей съ лучшими методами и пріемами обученія, надзирать за успѣхами обученія и усиливать оные своими внушеніями, изыскивать средства къ содержанію училищъ, располагая къ тому извѣстныя въ каждомъ мѣстѣ своею благотворительностію лица и устраняя встрѣчающіяся къ тому препятствія, 2) обозрѣвать по третямъ года всѣ школы своего округа, составлять журналъ о своемъ обозрѣніи и вмѣстѣ съ перечневою вѣдомостію объ училищахъ и учащихся по данной формѣ представлять въ консисторію, а его высокопреосвященству въ тоже время объ особенныхъ случаяхъ доносить особо, чрезъ что впрочемъ наблюдатели не лишаются права посѣщать школы и во всякое время, какъ скоро особенная надобность или личное усмотрѣніе того потребуютъ,—3) входить въ совѣщанія съ благочинными и присутствующими духовныхъ правленій о способахъ къ содержанію училищъ, ихъ улучшенію и распространенію, въ чемъ благочинные и должны оказывать имъ всемѣрное и искреннее содѣйствіе,—общій выводъ совѣщаній сего рода, по окончаніи каждаго года, вносить въ общій протоколъ, за подписью трехъ главныхъ лицъ изъ совѣщателей, и представлять оныя въ консисторію, а консисторія имѣетъ представлять его высокопреосвященству съ своимъ заключеніемъ. Наблюдателямъ симъ, въ вознагражденіе за ихъ особые труды и издержки при обозрѣніи училищъ, предоставлено право на награды, преимущественно предъ прочими, наравнѣ съ членами консисторій и духовныхъ правленій“ [1]). Какъ ни ясны были указанія архипа-

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1861. № 2. Ч. офиц., стр. 21—22

стырской резолюціи, для болѣе вѣрнаго направленія дѣятельности наблюдателей церковно-приходскихъ школъ, преосв. Арсеній предписалъ консисторіи снабдить ихъ особою инструкціею, которая и не замедлила явиться во исполненіе резолюціи митрополита [1]).

Въ училищномъ столѣ въ консисторіи было главное сосредоточеніе епархіальной администраціи по отношенію къ церковно-приходскимъ школамъ. Сюда собирались всѣ свѣдѣнія о школахъ, ихъ нуждахъ и средствахъ, о числѣ и успѣхахъ ихъ учениковъ, о пособіяхъ, какія есть въ школахъ, и какія необходимы для нихъ, объ усердіи и дѣятельности тѣхъ или другихъ учителей, о помѣщеніяхъ, въ какихъ собираются ученики и т. п. Отсюда выходили распоряженія по устроенію училищнаго дѣла, придававшія однообразный характеръ ему во всѣхъ предѣлахъ обширной епархіи, и двигавшія его впередъ по пути развитія. Отсюда выходили представленія къ митрополиту о лицахъ, заслуживавшихъ поощренія и награды за свое содѣйствіе устроенію и утвержденію церковно-приходскихъ школъ, или за свою усердную и успѣшную дѣятельность по обученію школьниковъ, а также о препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ священниками при изысканіи средствъ къ обезпеченію школы при своей церкви, для устраненія которыхъ необходимо было содѣйствіе высшаго епархіальнаго начальника.

Школы, основанныя усердіемъ духовенства, не имѣли никакого матеріальнаго обезпеченія, и для своего дальнѣйшаго существованія нуждались, кромѣ свободнаго усердія духовенства, въ болѣе твердой опорѣ. Не располагавшее матеріальными средствами духовенство, по указанію своего архипастыря, побуждало прихожанъ къ денежнымъ взносамъ на упроченіе и поддержаніе церковно-приходской школы.

---

[1]) Инструкцію см. въ Кіевск. Епарх. Вѣд. 1861. № 2. Ч. офф., стр. 27—30.

Крестьяне, видя полезные плоды устроямой среди нихъ школы, не отказывались отъ денежныхъ пожертвованій на пользу школы, и вотъ съ 1862 года въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ начинаютъ обнародоваться письменные приговоры сельскихъ обществъ, которыми они обязываются вносить отъ себя въ пользу школы опредѣленную сумму денегъ, собирая эти деньги въ извѣстномъ количествѣ съ каждой ревизской души, и кромѣ того иногда съ каждаго ученика посѣщающаго школу. Пожертвованія, къ какимъ обязывали себя прихожане, не ограничивались одними денежными взносами, нерѣдко кромѣ денегъ крестьяне въ иныхъ мѣстахъ предполагали собирать на школу хлѣбомъ, въ опредѣленномъ количествѣ съ каждаго ученика, и доставлять провизію учителю, иногда обязывались купить для обезпеченія школы небольшой участокъ пахатной земли, или выстроить домъ для помѣщенія училища и т. под. Въ непродолжительное время почти въ каждомъ приходѣ кіевской епархіи доставлено такимъ образомъ хоть не большое, но твердое и постоянное обезпеченіе для школы, и при немъ школа могла стать въ положеніе, болѣе независимое отъ разныхъ случайностей и являлась дѣломъ собственно народнымъ, крестьянскимъ, на которое крестьянинъ добровольно клалъ свою трудовую копѣйку.

Но пока изыскивались средства къ поддержанію быстро возникшихъ церковно-приходскихъ школъ, и составлялись мірскіе приговоры крестьянскихъ обществъ о денежныхъ или вещественныхъ взносахъ на это дѣло, преосв. Арсеній спѣшилъ съ посильною помощію школѣ, по его воздѣйствію принявшей быстрое и широкое развитіе. Онъ жертвовалъ сотни и даже тысячи книгъ для употребленія въ школахъ и для раздачи бѣднымъ ученикамъ. Такъ въ первый же годъ, по его пріѣздѣ въ кіевскую епархію, имъ пожертвовано 330 букварей для бѣдныхъ дѣтей, обучающихся въ школахъ, 600 душеспасительныхъ книгъ гражданской печати для раздачи ученикамъ, болѣе успѣвшимъ въ грамотности, и 10,000

молитвенниковъ въ даръ и благословеніе тѣмъ изъ сельскихъ прихожанъ, которые привержены къ св. церкви и отличаются благочестіемъ, а также тѣмъ, дѣти коихъ обучаются или обучались грамотѣ [1]). По его примѣру и благословенію, кіево-печерская лавра, которой онъ былъ настоятелемъ, неоднократно безмездно снабжала бѣднѣйшіе приходы букварями и другими учебными книгами.

Видя большое участіе къ дѣлу народнаго образованія со стороны митрополита Арсенія, и желая помочь народу привесть въ исполненіе распоряженія епархіальной власти, и нѣкоторые помѣщики жертвовали достаточныя деньги на устройство постоянныхъ помѣщеній для школъ въ своихъ имѣніяхъ, напр. князь Лопухинъ и Понятовскій...

Чтобы поощрить своимъ непосредственнымъ вліяніемъ веденіе священниками школьнаго дѣла, и дать имъ указанія касательно тѣхъ требованій, какимъ они должны удовлетворять, преосв. Арсеній во время лѣтнихъ объѣздовъ епархіи для обозрѣнія церквей, обращалъ особенное вниманіе на школы, и онѣ, на первыхъ порахъ его управленія въ особенности, были главнымъ предметомъ его заботливости. Въ каждомъ селѣ онъ освѣдомлялся,—есть ли школа и гдѣ она помѣщается, много ли въ ней учениковъ, и кто съ ними занимается. Представляемые ему ученики школы были имъ подвергаемы испытанію въ знаніи грамоты, молитвъ и прочихъ предметовъ, преподаваемыхъ въ элементарной школѣ. Замѣчаемые имъ успѣхи учениковъ доставляли ему большую радость, и онъ публично изъявлялъ свою благодарность тѣмъ священникамъ или учителямъ, которые показывали усердіе и умѣніе въ обученіи крестьянскихъ дѣтей грамотѣ и начаткамъ православной вѣры. При обозрѣніи епархіи въ 1861 и 1862 годахъ имъ обозрѣно было до 500 сельскихъ школъ. Участіе, съ какимъ онъ входилъ

---

[1]) Кіевск. епарх. вѣдомости. 1861 Ч. неоффиц. Епархіальная хроника, стр. 39—40

въ положеніе школы, воспламеняло усердіе духовенства не безъ самопожертвованія взявшагося за возлагаемое на него дѣло, и заставляло его съ большимъ рвеніемъ заботиться о нравственно-религіозномъ образованіи дѣтей своихъ прихожанъ. Благодаря и ободряя каждаго священника за устроеніе школы и ея поддержаніе, преосв. Арсеній обращался и ко всему духовенству съ благодарностію за его усердіе къ дѣлу народнаго образованія, находя въ этомъ поощреніи духовенства одно изъ средствъ къ поддержанію начатаго дѣла. Такъ 8 сентября 1862 года далъ онъ кіевской консисторіи предложеніе слѣдующаго содержанія: „При настоящей въ мѣсяцахъ іюлѣ и августѣ сего 1862 г. обозрѣніи церквей радомысльскаго, кіевскаго, васильковскаго и таращанскаго уѣздовъ, имѣлъ я пастырское утѣшеніе вновь удостовѣриться въ дѣятельномъ стараніи духовенства ввѣренной мнѣ епархіи о народномъ обученіи, основанномъ на религіозно-нравственныхъ началахъ, въ особенности утѣшительно было видѣть, что и въ скудныхъ матеріальными средствами приходахъ радомысльскаго уѣзда, въ мѣстностяхъ, разобщенныхъ лѣсами и болотами, прихожанскіе дѣти, подъ надзоромъ духовенства и его руководствомъ, также вездѣ успѣшно обучаются грамотѣ, молитвамъ и началамъ христіанскаго ученія. — Относя это къ особенной безкорыстной заботливости духовенства о благѣ своихъ прихожанъ и усердному старанію его оправдать въ этомъ дѣлѣ отеческія желанія Августѣйшаго Монарха нашего, предлагаю консисторіи объявить отъ моего имени духовенству вышепомѣщенныхъ уѣздовъ за его ревностные и безвозмездные труды въ дѣлѣ народнаго образованія мою признательность и благословеніе Божіе. Я увѣренъ, что духовенство кіевской епархіи, предшествовавшее другимъ въ открытіи церковно-приходскихъ школъ, и теперь въ дѣлѣ развитія грамотности удерживающее за собою первое мѣсто въ ряду епархій, не только не ослабитъ своей ревности къ этому благому дѣлу, но еще болѣе усилитъ ее..., и своимъ влія-

ніемъ расположить прихожанъ обезпечить матеріальными средствами дальнѣйшее ихъ существованіе“ [1]).

Быстрое развитіе въ кіевской епархіи такого полезнаго дѣла, каково учрежденіе церковно-приходскихъ школъ, обратило на себя всеобщее вниманіе, а равно и на того, кто былъ главнымъ двигателемъ въ этомъ дѣлѣ. Дѣятельность кіевскаго духовенства, возбуждаемая и направляемая своимъ архипастыремъ была сильнымъ возбудительнымъ примѣромъ для другихъ. При видѣ успѣха церковно-приходскаго школьнаго дѣла въ кіевской епархіи, архипастыри другихъ епархій приглашали подвѣдомственное имъ духовенство къ заведенію приходскихъ школъ, и въ разныхъ мѣстахъ православное духовенство соревновало кіевскому духовенству въ дѣлѣ распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа. Но кіевская епархія, предварившая другія епархіи въ дѣлѣ учрежденія церковно-приходскихъ школъ, не переставала идти впереди другихъ и впослѣдствіи по развитію этого дѣла. Въ ней всегда было и больше школъ и больше учащихся въ нихъ обоего пола, чѣмъ въ какой либо другой епархіи. Въ теченіе довольно длиннаго ряда лѣтъ съ каждымъ годомъ количество учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ замѣтно увеличивалось, что свидѣтельствовало столько объ усердіи духовенства къ дѣлу народнаго образованія, сколько и о довѣріи къ его образовательной дѣятельности со стороны народа. Въ 1866 году уже во многихъ мѣстахъ значительно и успѣшно принялось дѣло церковно-приходскихъ школъ, но съ кіевскою епархіею въ этомъ отношеніи не могла сравниться никакая другая епархія. По отчету оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за этотъ годъ въ церковно-приходскихъ школахъ кіевской епархіи учащихся было 39,820 человѣкъ, что составляло болѣе одной десятой части учащихся въ приходскихъ школахъ всѣхъ другихъ епархій, вмѣстѣ взятыхъ, и что превышало число учениковъ въ народныхъ училищахъ всего кіевскаго учеб-

[1]) Кіевск. епарх. вѣдом. 1862 № 18. Ч. офф. стр 144—5.

наго округа, и нигдѣ матеріальное положеніе епархіальныхъ приходскихъ школъ не было такъ обезпечено, какъ въ кіевской епархіи. Отмѣчая огромное количество учащихся въ приходскихъ школахъ кіевской епархіи, отчетъ оберъ-прокурора выставлялъ на видъ и то обстоятельство, что въ сравненіи съ прежнимъ годомъ это число увеличилось почти на пять тысячъ. Подобное увеличеніе числа учащихся въ школахъ засвидѣтельствовано не въ одномъ этомъ году, но и въ другихъ предшествующихъ ему. Такой успѣхъ школьнаго дѣла по кіевской епархіи оффиціальный документъ относилъ къ просвѣщенному и неутомимо-дѣятельному руководству митрополита Арсенія.

Энергическая дѣятельность преосв. Арсенія на пользу народнаго образованія вызывала громкое сочувствіе себѣ и въ оффиціальныхъ и въ неоффиціальныхъ сферахъ, съ первыхъ годовъ его управленія кіевскою епархіею. Прежде всего Святѣйшій Правительствующій Синодъ заявилъ полное сочувствіе своему сочлену, ознаменовавшему свое вступленіе на кіевскую каѳедру благоплодною попечительностію о народныхъ школахъ. Въ указѣ Синода отъ 11 октября 1861 (за № 3.989), послѣдовавшемъ на имя митрополита Арсенія, выражено было: „Усматривая изъ донесенія Вашего Преосвященства, что, вслѣдствіе сдѣланныхъ Вами распоряженій, при всѣхъ почти церквахъ ввѣренной Вамъ епархіи открыты школы для поселянскихъ дѣтей, что число этихъ школъ простирается до 1 035, а число учащихся въ нихъ мальчиковъ до 17.397 и дѣвочекъ до 3.723, и что нѣкоторые изъ священно-служителей пожертвовали въ пользу открытыхъ ими школъ выстроенные ими на свой счетъ дома, Св. Синодъ опредѣляетъ: 1) обо всемъ этомъ предоставить г. исправляющему должность оберъ-прокурора Св. Синода князю С. Н. Урусову довести до Высочайшаго Его Императорскаго Величества свѣдѣнія; 2) Вашему Преосвященству за попечительность Вашу о народномъ образованіи на началахъ ре-

лигіозныхъ объявить совершенную признательность Святѣйшаго Синода“ [1]).

Государь Императоръ, до свѣдѣнія котораго доведено было о добромъ починѣ кіевскаго духовенства на пользу народнаго образованія съ благосклоннымъ вниманіемъ отнесся къ быстрому и успѣшному распространенію народныхъ училищъ при приходскихъ церквахъ кіевской епархіи и Высочайше повелѣть соизволилъ объявить преосвященному митрополиту кіевскому Арсенію и духовенству кіевской епархіи признательность отъ Августѣйшаго имени Его Величества [2]).

Отозвались сочувствіемъ ревностной просвѣтительной дѣятельности преосв. Арсенія и ученыя учрежденія. Старѣйшій изъ русскихъ университетовъ, московскій поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго своего члена, именно во уваженіе заслугъ его по народному образованію [3]). Изъ с.-петербургской духовной академіи, во изъявленіе сочувствія дѣятельности Арсенія по заведенію народныхъ школъ, отъ 23 сентября 1862 года прислано было 28 рублей, пожертвованныхъ на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій для церковно-приходскихъ школъ кіевской епархіи [4]).

Были сочувственные адресы и заявленія Арсенію и со стороны частныхъ лицъ и обществъ. Сотрудники газеты „Русскій міръ“ отъ 3 февраля 1861 года препроводили митрополиту Арсенію 250 экземпляровъ русской азбуки для раздачи, по его усмотрѣнію, въ тѣ изъ сельскихъ училищъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которыя наиболѣе въ такомъ пособіи нуждаются, и при этомъ въ особомъ адресѣ засвидѣтельствовали свое полнѣйшее и глубокое уваженіе къ особѣ Его Высокопреосвященства, въ виду заботъ и попеченій его о возможномъ умственномъ развитіи массы народа, оставав-

---

[1]) Кіевск. епарх. вѣдом. 1861 № 18 Ч. офф. стр. 151—2.

[2]) Кіевск. епарх. вѣдом. 1862 № 9 Ч. офф. стр. 79.

[3]) Труды К. д. Академіи 1869. Ноябрь и декабрь, стр. 22.

[4]) Кіевск. епарх. вѣдом. 1862. № 20 Ч. неофф. стр. 661.

шейся до послѣдняго времени почти непричастною просвѣщенію, въ особенности въ виду энергическихъ мѣръ къ распространенію грамотности между крестьянами въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, которые, по ихъ словамъ, не могутъ не возбуждать постояннаго и живѣйшаго участія каждаго, кому дорого всяческое преуспѣяніе людей русскихъ [1]). Подобное сочувствіе просвѣтительной дѣятельности Арсенія заявлено было правленіемъ товарищества „общественая польза,“ занимающагося изданіемъ книгъ по разнымъ отраслямъ наукъ и для народныхъ и воскресныхъ школъ. Въ письмѣ къ митрополиту Арсенію отъ 17 марта 1861 года оно изъясняетъ, что „узнавъ изъ газетъ объ истинно-христіанской заботливости Его Высокопреосвященства относительно распространенія грамотности въ русскомъ народѣ и желая, сколько возможно, принять участіе въ такомъ великомъ дѣлѣ, оно осмѣливается препроводить къ Его Высокопреосвященству 300 экземпляровъ азбуки, 100 экземпляровъ прописей, 10 экземпляровъ таблицъ для дальнѣйшаго обученія чтенію и письму съ руководствами и приложеніями, 10 экземпляровъ бесѣдъ о тѣлахъ небесныхъ и 10 экземпляровъ басенъ, избранныхъ изъ Хемницера и Крылова съ изъясненіемъ ихъ смысла и зоологическими замѣчаніями, предназначая эти сочиненія для безплатной раздачи по училищамъ духовнаго вѣдомства.“ При этомъ оно выражало готовность, въ случаѣ требованія этихъ книгъ церковно-приходскими училищами, дѣлать уступку 2% противъ объявленныхъ на нихъ цѣнъ [2]).

Какъ ни замѣчательна была дѣятельность кіевскаго духовенства и его архипастыря на пользу народнаго образованія, она не всѣми была встрѣчена съ одинаковымъ одобреніемъ и вызывала различные толки. Въ журналахъ и газетахъ, наряду съ хвалебными отзывами объ успѣшномъ содѣйствіи духовенства распространенію грамотности средипростаго

---

[1]) Кіевск. епарх. вѣд. 1861 Ч. неофф., стр. 65—66.

[2]) Кіевск. епарх. вѣд. 1861 Ч. неофф., стр. 193—4

народа, заявлялись сужденія и отрицательнаго свойства, и подъ часъ въ довольно рѣзкой формѣ. Одни (какъ напр. Сынъ Отечества) [1]) высказывали сомнѣнія въ дѣйствительности тѣхъ цифръ и училищъ и учащихся, какія значились въ публикуемыхъ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ, и утверждали, что школы существуютъ только на бумагѣ, а не въ натурѣ. Такія скептическія сужденія о кіевскихъ церковно-приходскихъ школахъ заявлялись и высказывались не тамъ, гдѣ можно было указаніемъ на самый фактъ опровергнуть скептиковъ, т. е., не въ предѣлахъ кіевской епархіи, а главнымъ образомъ въ Петербургѣ, гдѣ скептики, слыша о множествѣ вдругъ явившихся приходскихъ школъ, считали для себя излишнимъ трудомъ провѣрить наблюденіемъ справедливость разносящихся слуховъ. Основаніемъ для ихъ сомнѣній была единственно поразительность факта, превзошедшаго самыя смѣлыя ожиданія: быть не можетъ (думали), чтобы такое трудное дѣло, какъ учрежденіе школы въ селахъ, такъ легко далось духовенству. „До сихъ поръ (замѣчалъ Сынъ Отечества) заводить школы было трудно. Доказательствомъ тому служатъ всѣ попытки министерства народнаго просвѣщенія: оно заботится о школахъ и ихъ распространеніи, сколько только можно, хлопочетъ изо всѣхъ силъ, употребляетъ къ тому всѣ средства—при томъ немаловажныя, всѣхъ зоветъ на это доброе дѣло, всѣмъ споспѣшествуетъ и все таки его школы не растутъ такъ быстро, нѣкоторыя не встрѣчаютъ сочувствія, а иныя уже закрылись сами собою то отъ недостатка учителей, то отъ недостатка учениковъ, то отъ скудости матеріальныхъ средствъ“. Сомнѣвающимся скептикамъ Кіевскія епархіальныя Вѣдомости [2])отвѣчали въ свое время: *„пріиди и виждь“*. Недоумѣвали люди: гдѣ и какъ епархіи отыскали матеріальныя средства для открытія школъ, и откуда получаютъ ихъ теперь? Имъ замѣчали, что школы

---

[1]) Сын. Отеч 1862. № 161 и № 29 воскресный.

[2]) Кіевск епарх вѣд 1862 № 19 Ч неоф., стр 606—613

открыты первоначально въ домахъ церковныхъ или въ квартирахъ священно-церковно-служителей, что обученіе приняли на себя безмездно члены причта, что учебныя книги то жертвовались кѣмъ либо, то покупались самими священниками на собственный счетъ, а иногда на малыя жертвы самихъ прихожанъ. Спрашивали: гдѣ пріобрѣли школы столько учителей, на скудость которыхъ всѣ вообще жалуются? и не хотѣли взять въ разсчетъ того обстоятельства, что въ составѣ клира и вообще духовенства такъ много лицъ, могущихъ вести дѣло элементарнаго обученія, сколько нѣтъ ни въ какомъ другомъ сословіи: энергическая воля съ образовательными силами заключающимися въ духовенствѣ, могла оказывать то, что казалось несбыточнымъ людямъ отвлеченныхъ воззрѣній, — нужно было только возбудить ихъ и направить на добрый путь дѣятельности Не знали, какъ съумѣли обойтись съ народомъ, заставивъ его полюбить школы, на которыя вообще онъ смотритъ не ласково; но при этомъ забывали тѣ внутреннія связи, какія издавна существуютъ между нашимъ простымъ народомъ и приходскимъ духовенствомъ, забывали, что народъ въ то время съ большимъ сознаніемъ относился къ своему положенію, чѣмъ прежде, и опускали изъ вида то, что народъ съ подозрѣніемъ относился къ школѣ свѣтской, и что школа церковная, религіозная не вызывала у него къ себѣ недовѣрія. Опытъ заведенія училищъ для народа духовенствомъ сначала въ кіевской, а потомъ и въ другихъ епархіяхъ, очевидно былъ фактомъ, выдающимся изъ ряда обыкновенныхъ. Само министерство народнаго просвѣщенія еще не приступало къ заведенію и организаціи сельскихъ народныхъ школъ въ достаточныхъ размѣрахъ. Въ литературѣ и обществѣ шли толки о томъ, желаетъ ли нашъ народъ образованія, и будетъ ли онъ посылать дѣтей своихъ въ школы, и гдѣ найти умственныя и матеріальныя средства для народныхъ школъ. Епархіальныя училища въ этомъ случаѣ, вдругъ явившіяся въ большомъ количествѣ, были блистательнымъ отвѣтомъ

на толки и колебанія радѣтелей народа. Объ нихъ заговорили повсюду, и само министерство народнаго просвѣщенія въ энергической и успѣшной дѣятельности духовенства на пользу народныхъ училищъ увидѣло для себя побужденіе усерднѣе приняться за это дѣло, еще въ то время почти не початое у него, и заводить для сельскаго народонаселенія свои школы, отличныя отъ церковно-приходскихъ. Сомнѣніе въ успѣхѣ начинаній духовенства по заведенію училищъ для народа было открытымъ заявленіемъ тѣхъ затрудненій въ этомъ дѣлѣ, которыя для другихъ представлялись неодолимыми, и которыя счастливо побѣждены были энергіею такихъ архипастырей, каковъ былъ преосв. Арсеній, и самоотверженнымъ усердіемъ подвѣдомаго имъ духовенства.

И изъ признававшихъ дѣйствительность цифръ училищъ, заводимыхъ духовенствомъ, и учащихся въ нихъ, показываемыхъ въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и вѣдомостяхъ, многіе не хотѣли цѣнить замѣтнаго явленія, стоявшаго предъ глазами всѣхъ, съ полною доброжелательностію, и вмѣсто того, чтобы поддержать безкорыстное усердіе духовенства, взявшагося за обученіе народа, нападали на него и говорили, что оно учить не умѣетъ, что оно незнакомо съ новыми педагогическими пріемами, что другіе гораздо лучше и успѣшнѣе вели бы дѣло обученія (отъ чего же не вели?), что въ школахъ, устрояемыхъ духовенствомъ слишкомъ медленно выучиваются грамотѣ, что тамъ учатъ молитвы и читаютъ, но не понимаютъ того, что учатъ и читаютъ и т. под. Всѣ подобныя нападенія на церковно-приходскія школы для дѣла не имѣли существеннаго значенія, но митрополитъ Арсеній не оставался къ нимъ равнодушнымъ. Они его иногда возмущали до глубины души, и онъ жалѣлъ, что ни его положеніе, ни его занятія не дозволяли ему вступать въ непосредственную полемику съ журнальными судьями, любящими строго судить, но мало дѣлать. Для него доставляло большое удовольствіе, если кто либо бралъ на себя печатно разъяснить дѣло и обличить журнальную

сплетню или отразить презрительный отзывъ о честныхъ и безкорыстныхъ дѣятеляхъ. Онъ здѣсь имѣлъ тотъ разсчетъ, что строгіе журнальные судьи своею злою но неосновательною критикою могли парализировать просвѣтительную дѣятельность духовенства, которую онъ старался возбудить и поддержать, для чего у него не было другихъ средствъ, кромѣ слова приглашенія, поощренія и благодарности. Отстраненіе непріятныхъ толковъ объ усиліяхъ духовенства на пользу народнаго образованія въ его глазахъ имѣло значеніе разчищенія того пути, на который такъ настоятельно онъ приглашалъ подвѣдомое ему приходское духовенство

Стремленіе къ заведенію и поддержанію церковно-приходскихъ школъ, одушевлявшее преосв. Арсенія въ первые годы его управленія кіевскою паствою, вовлекало его въ хлопоты и непріятности болѣе серьезнаго свойства, чѣмъ какими были газетныя пререканія. И въ сферѣ оффиціальной ему приходились успленно и не безъ борьбы отстаивать то доброе дѣло, учрежденію котораго онъ пссвятилъ много любви и труда. Когда онъ видѣлъ какое-либо препятствіе къ развитію дѣла въ намѣченномъ имъ направленіи, онъ не расположенъ былъ уступать, а употреблялъ всѣ способы, находящіеся въ его рукахъ, чтобы не допустить измѣненія его предначертаній, казавшихся, ему существенно полезными для преслѣдуемой имъ цѣли.

Его тревожило противодѣйствіе, какое иногда оказывали заботамъ духовенства объ утвержденіи школъ люди, поставленные блюсти интересы крестьянскаго населенія. Для обезпеченія училищъ, основанныхъ безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, духовенство склоняло прихожанъ составлять письменные приговоры объ ежегодныхъ общественныхъ взносахъ на пользу церковно-приходскихъ школъ. Когда народъ съ охотою отзывался на приглашеніе къ пожертвованіямъ для утвержденія заводимыхъ въ селахъ школъ, находились мировые посредники, которые противодѣйствовали составленію крестьянскими обществами приговоровъ о взносахъ на обезпеченіе церковно-приходскихъ

школъ. Преосв. Арсеній, въ виду произвольныхъ дѣйствій посредниковъ, клонящихся къ стѣсненію установленнаго самоуправленія крестьянъ и къ положенію преградъ устройству и развитію церковно-приходскихъ школъ, долженъ былъ входить въ сношеніе съ подлежащими гражданскими властями и представлять о семъ Св. Синоду. Дѣло поступало на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ (Валуева), и онъ, воздавъ должное заботливости духовенства объ обученіи крестьянскихъ дѣтей, признавъ совершенную законность составленія крестьянскими обществами приговоровъ, которыми они обязывали сами себя устроять особыя помѣщенія для церковно-приходскихъ школъ, снабжать ихъ всѣми принадлежностями и опредѣлять извѣстную сумму на наемъ учителя, и просилъ генералъ-губернатора обратить особое вниманіе на дѣйствія мировыхъ посредниковъ, полагающихъ преграды распространенію между мѣстными крестьянами русской грамотности и первоначальнаго религіознаго образованія, сообразнаго съ духомъ православной церкви [1]).

Но особенно много хлопотъ причинялъ ему препирательство съ администраціею министерства народнаго просвѣщенія изъ за подчиненія церковно-приходскихъ школъ свѣтскому контролю. Митрополитъ Арсеній, учредивъ церковно-приходскія школы, положивъ въ это дѣло много труда и любви, и видя добрый успѣхъ своихъ заботъ о религіозно-нравственномъ образованіи народа, естественно желалъ быть самостоятельнымъ распорядителемъ и главнымъ наблюдателемъ приходскихъ школъ въ своей епархіи, тѣмъ болѣе, что на первыхъ же порахъ своего управленія кіевскою паствою онъ постарался дать правильную организацію наблюденію надъ школами. Въ тоже самое время, когда начали

[1]) Кіевск. епарх. Вѣдом. 1863. № 23 Ч. Офф. Копія циркулярнаго отношенія исправляющаго должность кіевскаго губернатора мировымъ посредникамъ по предмету народнаго образованія. Стр. 192—6.

быстро расти церковно-приходскія школы, и не безъ вліянія этого обстоятельства, министерство народнаго просвѣщенія болѣе прежняго стало помышлять о школахъ для сельскаго народонаселенія, и приступало къ заведенію своихъ школъ не церковныхъ, а казенныхъ, какъ ихъ тогда называли Но подчиненные чиновники министерства народнаго просвѣщенія, на которыхъ возлагалось приведеніе въ исполненіе распоряженій министерства о заведеніи народныхъ школъ, дозволяли себѣ вещи, оскорблявшія духовное вѣдомство, положившее много заботъ на школьное дѣло. Они лучшія церковно-приходскія школы прямо хотѣли обратить въ школы министерскія, или устроя новую свою школу въ какомъ либо мѣстечкѣ, переводили въ нее лучшихъ учениковъ изъ церковно-приходскаго училища и такимъ образомъ пользовались плодами чужихъ трудовъ. Въ тоже время, разъѣзжая по селамъ, они склоняли крестьянъ все вниманіе обращать на школы, ими заводимыя, а не на школы, устрояемыя священниками, представляя имъ, что въ школахъ церковныхъ и учатъ дурно, и на эти школы съ нихъ требуютъ денегъ, а въ школахъ казенныхъ и учить будутъ лучше, и въ короткое время большему научатъ, чѣмъ священники въ продолжительное время, и что царь будетъ давать деньги на эти школы.... Отъ такихъ представленій, распространяемыхъ людьми, долженствующими содѣйствовать всякому усилію къ распространенію школьнаго дѣла среди простаго народа, вносилась смута въ умы, и могло разстроиться дѣло, которому духовенство посвящало много безкорыстнаго усердія. Это—частные факты, зависѣвшіе отъ воли не министерства народнаго просвѣщенія, а отдѣльныхъ частныхъ лицъ или органовъ, чрезъ которые проводились въ народъ распоряженія министерства. Но они уже не располагали митр. Арсенія къ гармоническимъ отношеніямъ къ представителямъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Когда же министерство, заведши нѣсколько своихъ школъ, стало относиться и къ школамъ духовенства, какъ школамъ, не

выходящимъ изъ ихъ завѣдыванія, и когда въ нихъ стали являться ревизоры отъ свѣтскаго вѣдомства, ничего не дававшаго на школы, просвѣщ. Арсеній воспротивился произвольному вторженію въ ту область, которую онъ считалъ только себѣ принадлежащей, предоставляя чиновникамъ министерства вѣдать только свои школы, а не чужія. Началась длинная переписка по вопросу о подчиненіи церковно-приходскихъ школъ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія. Съ оффиціальными препирательствами соединилось газетное или журнальное слово, полное страстнаго задора и взаимныхъ обвиненій. Дѣло доходило до высшихъ государственныхъ учрежденій. Вопросъ о томъ, въ чьемъ вѣдѣніи должны находиться народныя училища, былъ обсуждаемъ въ совѣтѣ министровъ, и сужденіе совѣта объ этомъ предметѣ представляемо было Государю Императору. Государь Императоръ, выслушавъ сужденіе Совѣта министровъ, 18 января 1862 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) нынѣ и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища оставить въ завѣдываніи духовенства, съ тѣмъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію оныхъ, по мѣрѣ возможности и 2) оставить на обязанности министерства народнаго просвѣщенія учреждать во всей имперіи, по сношеніи съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, которыя и должны находиться въ вѣдѣніи министерства: при чемъ министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда министерство народнаго просвѣщенія признаетъ сіе нужнымъ и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе [1]). Указъ Св. Синода, объявлявшій Высочайшее повелѣніе Государя Императора о томъ, въ чьемъ вѣдѣніи должны находиться народныя училища, объявленъ былъ всѣмъ епархіальнымъ прео-

---

[1]) Указъ Св. Синода отъ 30 іюля 1862. См Кіевск. епарх Вѣдомости, 1862 № 17. Ч. Офф, стр 134—6.

священнымъ и касался церковно-приходскихъ школъ всѣхъ епархій; но инициатива этого вопроса выходила отъ преосвященнаго митрополита кіевскаго, и онъ далъ ему такое движеніе, что обсужденіе его доходило до самыхъ высшихъ сферъ государственныхъ. Преосвященный Арсеній былъ очень радъ такому рѣшенію дѣла, и въ циркулярномъ отношеніи къ духовенству чрезъ кіевскую консисторію отъ 8 сентября 1862 г., благодаря его за ревностные и безвозмездные труды въ дѣлѣ народнаго образованія, приглашалъ его не ослабѣвать въ своей ревности къ этому благому дѣлу, а еще болѣе усилить ее въ виду того, что самостоятельность церковно-приходскихъ школъ признана Высочайшею волею Государя Императора [1]).

Многіе осуждали преосв. Арсенія за ту горячность, какую онъ обнаружилъ, отстаивая независимость церковно-приходскихъ школъ отъ свѣтскаго вѣдомства, и видѣли въ этомъ простое упрямство и желаніе настоять на своемъ, безъ вниманія къ тѣмъ пособіямъ, какія могло бы давать школамъ министерство просвѣщенія, если бы онѣ поступили въ его вѣдѣніе. Но такъ поверхностно нельзя относиться къ этому предмету, тѣмъ болѣе, что мнѣніе пр. Арсенія въ этомъ случаѣ раздѣляли и другіе многіе преосвященные, и самъ Св. Синодъ. Далеко не самолюбіе было главною причиною рьяной защиты самостоятельности церковно-приходскихъ школъ. Если въ веденіи дѣла и была нѣкая доля вліянія оскорбленной чести, то она выражалась въ подробностяхъ, въ той страстности, какая примѣшивалась къ этому дѣлу. Но существеннымъ мотивомъ, который руководилъ его волею въ этомъ спорѣ, была ревность по доброму дѣлу. Онъ заботился о томъ, чтобы обученіе въ начальныхъ школахъ было въ духѣ вѣры и благочестія, и желалъ

---

[1]) Кіевск. еп. Вѣдом. 1862. № 18. Ч. Офф. Распоряженія епархіальнаго начальства, стр. 144—5.

для народа не одной простой грамоты, но первѣе всего религіознаго просвѣщенія. Это доброе религіозное направленіе просвѣщенія вѣрнѣе всего могло быть поддерживаемо представителями церкви, и отстаивая за духовенствомъ завѣдываніе приходскими школами, онъ имѣлъ въ виду предохранить народную школу отъ дурныхъ вліяній. Тѣ годы, когда отстаивалась самостоятельность церковно-приходскихъ школъ, были годы наибольшаго развитія нигилизма и всякихъ видовъ ложнаго либерализма. Шли въ учителя народныхъ училищъ люди, не признававшіе ни религіи, ни семьи, ни государства. Плетворныя сѣмена не призванные учители готовы были разносить по селамъ и захолустьямъ. Въ воскресныхъ школахъ, въ большихъ городахъ, на виду у начальства и блюстителей благочинія, заявлялись часто дикія ученія и молодые люди, объясняя исторію Соломона, для сличенія съ царемъ израильскимъ припоминали время Людовика XIV, говоря о пророкахъ израильскихъ, указывали въ нихъ народныхъ демагоговъ, подкапывавшихся подъ авторитетъ царской власти и т. под. Когда такія вещи проповѣдывались не тайно, а публично, десяткамъ и даже сотнямъ дѣтей, въ присутствіи взрослыхъ разныхъ званій и состояній, не естественно ли было ревнителю вѣры позаботиться о томъ, чтобы въ села къ народу не проникли такого рода учители? Не требовало ли благоразуміе пастыря и администратора оградить только что созданныя народныя школы отъ вторженія въ нихъ чуждаго духа, который могъ бы явиться здѣсь, если бы учителями являлись люди неизвѣстной репутаціи и неизвѣстнаго направленія, особенно при тогдашнемъ броженіи молодыхъ умовъ? Конечно, министерство народнаго просвѣщенія могло бы наблюдать за школами и снабжать ихъ благонамѣренными учителями. Никто не подозрѣвалъ министерства просвѣщенія въ потворствѣ либерализму сомнительной доброкачественности. Но въ его распоряженіи не было достаточнаго количества приготовленныхъ и испытанныхъ людей для снабженія учителями без-

численнаго множества начальныхъ народныхъ училищъ. Учительскихъ семинарій еще не было; и министерство должно было обращаться къ разнымъ недоучкамъ, изгнаннымъ изъ семинарій или гимназій, чтобы замѣщать ими мѣста учителей въ народныхъ училищахъ. Контроль министерства надъ школами не былъ достаточною гарантіею за доброе направленіе преподаванія въ школахъ. Этотъ контроль могъ быть только самый отдаленный и отрывочный, отъ котораго могла легко ускользнуть какая либо фальшь школьнаго преподаванія или недоброкачественность направленія въ этомъ преподаваніи. Тогда еще не было нынѣшнихъ инспекторовъ народныхъ школъ. А окружной инспекторъ или чиновникъ попечителя, если посѣтитъ школу разъ или два въ году, далеко не узнаетъ существеннаго положенія дѣла, тѣмъ болѣе направленія учителя. Между учителями, поставленными министерствомъ, попадались люди, которые оказывали вредное вліяніе на учащееся юношество и на ту среду, въ которой вращались, и развращали народъ вмѣсто того, чтобы учить его и поддерживать въ немъ доброе религіозное направленіе. И нынѣ, когда значительно отрезвѣло общество въ сравненіи съ обществомъ шестидесятыхъ годовъ, когда въ министерствѣ гораздо больше приготовленныхъ для учительства людей въ распоряженіи, и когда значительно усиленъ контроль надъ народными школами, попадаются такіе опасные учителя, какіе въ лицѣ Скорлупова изображены въ запискахъ священника „изо дня въ день“, напечатанныхъ въ Гражданинѣ, и какихъ нельзя было терпѣть въ школѣ и одного дня; а они между тѣмъ еще находятъ покровительство у соприкосновенныхъ властей и умѣютъ, когда нужно, обмануть начальство, прикинувшись невинными и благонамѣренными. А тогда такихъ, которые готовы были смѣяться надъ религіею и богослуженіемъ и въ самомъ антицерковномъ духѣ воспитывать молодое поколѣніе, было еще больше, и нельзя было не оберегать отъ нихъ народъ православный. Говорили, что въ церковно-приходскихъ школахъ учить не умѣютъ, учатъ по старин-

нымъ методамъ по часослову и псалтири, учатъ читать, а не понимать и т. д. Но это были пустыя фразы безъ содержанія, которыя говорились по наслышкѣ или по преданію, основанному на предубѣжденіи. Ужели улучшились бы способы преподаванія отъ того только, что школы перешли бы въ вѣдѣніе министерства просвѣщенія. Учителями въ нихъ были бы люди, не имѣющіе такого образованія, какое получаютъ священники,—исключенные изъ духовныхъ или свѣтскихъ училищъ или грамотѣи изъ простолюдиновъ или отставныхъ солдатъ. Ужели эти люди представляли больше задатковъ для болѣе прочной постановки учебнаго дѣла въ народныхъ школахъ, чѣмъ тѣ священники, усердіемъ которыхъ пользовались епархіальныя начальства при заведеніи церковно-приходскихъ школъ? Странно было читать или слышать нанегирики нынѣ учителямъ свѣтскихъ народныхъ училищъ, съ косвеннымъ осужденіемъ на учителей церковно-приходскихъ училищъ, когда этими хваленными учителями оказывались исключенные семинаристы. Какъ будто семинаристъ, окончившій курсъ, никуда негожъ, какъ учитель, когда онъ находится въ духовномъ вѣдомствѣ; и лишь только перейдетъ онъ, хоть исключенный, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія, чрезъ одно это уже какъ будто перерождается и претворяется въ образцоваго педагога.

Другое нововведеніе, вошедшее въ обычай въ большинствѣ епархій по иниціативѣ митрополита Арсенія,—это распоряженіе о выборѣ благочинныхъ, которые прежде вездѣ назначались епархіальною властію. Въ кіевской епархіи въ концѣ 1861 года или началѣ 1862 года сдѣланъ былъ первый опытъ допущенія выборнаго начала въ быту духовенства, когда еще не было примѣненія выборнаго начала и въ духовной школѣ. Принята была съ сочувствіемъ эта мѣра кіевскимъ духовенствомъ, какъ свидѣтельство довѣрія

епархіальнаго начальства къ его зрѣлости и вызвала повсюду и въ печати похвалы себѣ и ея виновнику. Рѣшаясь предоставить самому духовенству выбирать изъ среды себя благочинныхъ, какъ ближайшихъ блюстителей порядка въ духовенствѣ, и посредниковъ между духовенствомъ и высшею епархіальною властію, вводя выборное начало въ быть духовенства, хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ, преосв. Арсеній тѣмъ показалъ, что онъ чутко прислушивался къ движеніямъ времени, и готовъ былъ прилагать къ дѣлу тѣ понятія, какія вырабатывались передовыми дѣятелями общества. Своею административною практикою онъ даже предупреждалъ желанія, зарождавшіяся въ средѣ, его окружающей. Чрезъ это онъ становился передовымъ двигателемъ духовной жизни въ церковной сферѣ, измѣнявшимъ ея частныя застарѣлыя формы.

Оживленіе подъѣдомаго духовенства и поддержаніе въ немъ полезныхъ стремленій и высшихъ интересовъ всегда входило въ заботы кіевскаго митрополита Арсенія, и онъ бралъ за всякое средство, которымъ можно было поднять уровень образованія духовенства или возбудить въ немъ стремленіе къ самоусовершенствованію. Къ такимъ средствамъ онъ причислялъ учрежденіе благочинническихъ библіотекъ, и введеніе этого дѣла, нынѣ укрѣпляющагося въ разныхъ мѣстахъ, не мало обязано своимъ началомъ распорядительности преосв. Арсенія. Въ первый годъ его управленія кіевскою паствою (въ мартѣ 1861 года) благочинный кіево-подольскихъ церквей (нынѣ каѳедральный протоіерей кіево-софійскаго собора) Петръ Лебединцевъ представилъ ему, что духовенство кіево-подольскихъ церквей, признавая долгомъ всякаго образованнаго священнослужителя слѣдить за развитіемъ духовной литературы и видя невозможность пріобрѣтать для каждой церкви всѣ духовные журналы, изъявило желаніе при одной изъ церквей Кіево-Подола учредить библіотеку духовныхъ періодическихъ изданій на сумму общую, жертвуемую отъ всѣхъ церквей, принадлежа-

щихъ къ кіево-подольскому благочинническому вѣдомству. Преосв. Арсеній, разрѣшая привесть въ исполненіе такое предположеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ желаніе, чтобы и всѣ благочинные расположили подвѣдомое духовенство позаботиться о томъ же, такъ чтобы въ каждомъ благочинническомъ округѣ было по крайней мѣрѣ по одной библіотекѣ, и если кто изъ нихъ успѣетъ достигнуть сего своими увѣщаніями, тотчасъ же, не испрашивая на то особаго разрѣшенія, открывалъ бы библіотеку, а ему доносилъ бы въ извѣстіе о времени открытія, съ приложеніемъ списка книгъ и журналовъ, вошедшихъ въ составъ оной [1]). Въ слѣдующемъ 1862 году это желаніе перешло въ законъ по всей епархіи. Одинъ протоіерей (настоятель черкасскаго собора Александровскій) представилъ на благоусмотрѣніе митрополита Арсенія правила относительно учреждаемыхъ въ епархіи благочинническихъ библіотекъ. Утверждая эти правила или проэктъ (18 мая 1861 года), преосв. Арсеній предписалъ ввести его въ употребленіе по всей епархіи, и въ дополненіе къ нему постановилъ, чтобы благочинные въ концѣ года, не позже впрочемъ первыхъ чиселъ декабря, доносили ему, сколько въ каждой благочинническої библіотекѣ числится номеровъ книгъ, и сколько и какія именно книги въ теченіи года прибыли [2]). Распоряженія такого рода имѣли немаловажное значеніе въ быту нашего духовенства въ смыслѣ содѣйствія возвышенію въ средѣ его духовно-нравственныхъ интересовъ. Понятно само собою, какъ необходимо для пастырей церкви, какъ служителей религіознаго образованія народа, продолженіе учено-литературныхъ занятій, начатыхъ въ школѣ, чрезъ чтеніе вновь выходящихъ или прежнихъ замѣчательныхъ книгъ; безъ этого

---

1) Кіевск. епарх Вѣдом. 1861, № 2, ч. оффиц. распоряженія епарх. начальства, стр. 23—24.

2) Кіевск. еп. Вѣдомости, 1862, № 12, ч. офф. стр. 100—101

въ нихъ можетъ заглохнуть научное богатство, вынесенное изъ школы, и имъ можетъ угрожать умственное загрубѣніе и погруженіе въ одни матеріальные интересы. Но такъ какъ при бѣдности нашего духовенства нѣтъ возможности каждому священнику, самому на свои средства, выписывать необходимыя для него книги и журналы, то благочинническія библіотеки, содержимыя и умножаемыя на общую складочную сумму, составляемую изъ церковныхъ или частныхъ взносовъ отъ всѣхъ, входящихъ въ составъ извѣстнаго благочинническаго округа—самое разумное и доступное средство къ доставленію возможности нашимъ небогатымъ священнослужителямъ вести дѣло самообразованія при пособіи книжнаго богатства, въ нихъ могущаго собираться. Подобныя средства испытаны въ странахъ, опередившихъ насъ просвѣщеніемъ, и укоренились тамъ, какъ учрежденія самыя полезныя. Въ Виртембергѣ, напримѣръ, существуютъ читательныя общества, въ которыя вступаетъ, какъ членъ, каждый пасторъ, живущій въ извѣстномъ деканатѣ, обязанный каждогодно взносить въ общую кассу небольшую сумму денегъ. Изъ этихъ денегъ постепенно образовался значительный фондъ, располагая которымъ читательныя общества оказываются въ состояніи для своего взаимнаго пользованія образовать весьма значительную библіотеку, постоянно пополняемую выпискою недостающихъ замѣчательныхъ сочиненій. Пр. Арсеній, своими распоряженіями содѣйствуя учрежденію благочинническихъ библіотекъ, хотѣлъ слѣдить самъ непосредственно за ихъ ростомъ. Предписавъ каждогодно предоставлять отчетъ ему по библіотекѣ съ показаніемъ всѣхъ книгъ, вновь поступившихъ въ каждомъ году въ библіотеку, онъ этимъ думалъ достигнуть того, чтобы распоряженіе объ учрежденіи благочинническихъ библіотекъ не оставалось только на бумагѣ, и чтобы учреждаемыя библіотеки не глохли, а расширялись. Вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ ему открывалось то направленіе, какому слѣдовали при умноженіи книгъ библіотеки распорядители

ею, и въ случаѣ замѣченной имъ неправильности или неразсчетливости въ веденіи дѣла онъ могъ дѣлать указанія, руководствующія къ болѣе разумной постановкѣ библіотечнаго дѣла.

Идя впереди другихъ по многимъ мѣропріятіямъ, преосв. Арсеній въ тоже время обнаруживалъ стойкій консерватизмъ, когда новыя идеи, предположенія или распоряженія не соотвѣтствовали его воззрѣніямъ, и этотъ консерватизмъ съ теченіемъ времени усиливался въ немъ по мѣрѣ того, какъ обстоятельства дѣлали необходимыми разныя измѣненія въ утвердившемся порядкѣ вещей въ сферѣ духовенства. Онъ, какъ можно было замѣчать, нехотя соглашался на многія мѣропріятія, выходившія отъ высшей церковной власти, и по отношенію къ нимъ изъ нихъ стоялъ въ глухой оппозиціи, а по отношенію къ другимъ, еще не перешедшимъ въ дѣло, относился съ рѣзкимъ осужденіемъ. Въ особенности ему не сочувственны были тѣ мѣры, которыя свою инициативу получили не изъ среды духовно-іерархическаго представительства.

Такъ онъ не сочувствовалъ тому распоряженію по духовному вѣдомству, которымъ, согласно мнѣнію государственнаго совѣта, Высочайше утвержденнаго 22 мая 1867 года, запрещалось утверждать священно-церковно-служительскія мѣста за сиротами умершихъ священниковъ, діаконовъ или причетниковъ, иногда даже и женскаго пола, передавать ихъ по родству или по наслѣдству, или связывать новопоступающихъ на священно-церковно-служительскія мѣста какими либо обязательствами по отношенію къ оспротѣлому семейству. Онъ видѣлъ всю каноническую или юридическую законность этого постановленія, но сердце его склоняло его симпатіи къ прежнему порядку вещей, несостоятельному съ канонико-юридической точки зрѣнія, въ которомъ милость преобладала надъ правдою. Его трогало по-

ложеніе осиротѣлыхъ семействъ, вдовъ и малолѣтнихъ дѣтей священно-церковно-служительскихъ, большею частію остававшихся по смерти отца безъ всякихъ средствъ къ жизни. Человѣку съ сердцемъ тяжело было оставить ихъ на произволъ судьбы и не подать имъ руки помощи. Единственное средство къ облегченію часто безвыходнаго положенія бѣднаго семейства въ рукахъ архіерея—опроставшееся мѣсто передать или сыну или зятю умершаго, который бы по родственнымъ отношеніямъ не отказался отъ призрѣнія нуждающихся и посильной помощи имъ, или же обязать новопоступающаго на мѣстѣ выдѣлять на время сиротамъ какое либо пособіе изъ своихъ доходовъ. Арсеній хорошо помнилъ свое дѣтство и отрочество, проведенное въ *сиротствѣ и нуждѣ*, и это воспоминаніе, до старости живое въ немъ, побуждало его не забывать положенія сироть духовенства и не приносить ихъ въ жертву юридической законности. Потому указъ, запрещавшій передавать священно-церковно служительскія мѣста по родству или утверждать ихъ за сиротами, а равно и обязывать новопоступающихъ выдѣлять часть изъ доходовъ на осиротѣлыя семейства, не выполнялся при Арсеніѣ въ кіевской епархіи со всевозможною точностію, и Арсеній по временамъ не стѣснялся, въ видахъ благотворенія, дѣлать отступленія отъ него.

Далѣе, преосвященный Арсеній не выказывалъ сочувствія постановленію Главнаго Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства отъ 28 марта Высочайше утвержденнаго 16 апрѣля 1869 года, которымъ возложено на губернскія присутствія по обезпеченію духовенства составить и внести на разсмотрѣніе Главнаго Присутствія новое росписаніе приходовъ и причтовъ, при чемъ указано епархіальнымъ преосвященнымъ и губернскимъ присутствіямъ въ этомъ новомъ росписаніи приходовъ и причтовъ имѣть въ виду по мѣрѣ возможности и усмотрѣнію обстоятельствъ сокращеніе членовъ причта и уменьшеніе числа приходовъ, чрезъ уничтоженіе самостоятельныхъ причтовъ при церк-

вахъ малоприходныхъ и соединеніе ихъ съ другими церквами въ качествѣ приписныхъ. Цѣлью этого распоряженія выставлялось доставленіе духовенству болѣе удовлетворительнаго содержанія, чѣмъ какимъ оно пользовалось донынѣ. Такъ какъ главная причина обѣдненія духовенства указывалась въ раздробленіи приходовъ и въ многочисленности членовъ причта, то и выражено было желаніе, чтобы при составленіи новаго росписанія приходовъ и причтовъ, дѣло поставлено было такъ, чтобы содержаніе священно-церковно-служителей могло быть возвышено до необходимыхъ размѣровъ безъ обремененія населенія. Мѣра эта, уже приведенная во многихъ епархіяхъ въ исполненіе, задумана была весьма широко и проведена весьма основательно. Въ ней указаны наиболѣе дѣйствительныя средства къ возможному матеріальному обезпеченію нашего духовенства, а чрезъ то и къ нравственному его возвышенію. При приведеніи ея въ исполненіе рекомендовалась возможная осторожность. Главное Присутствіе не взяло на себя составленіе подробнаго росписанія приходовъ, и даже не начертало какихъ либо общихъ неизмѣнныхъ правилъ. Оно опредѣлило только, изъ кого долженъ состоять причтъ, и затѣмъ всѣ дальнѣйшія подробности поручило опредѣлить мѣстнымъ присутствіямъ, желая, чтобы губернскія присутствія при новомъ распредѣленіи приходовъ приняли во вниманіе мѣстныя условія и препятствія къ соединенію приходовъ, желанія, нужды и преданія прихожанъ. Оно предоставляло прихожанамъ, привыкшимъ къ благолѣпію богослуженія, удерживать у себя членовъ причта, и сверхъ положенныхъ по штату, напр. діаконовъ (которые штатными оставлялись только при соборныхъ церквахъ) подъ условіемъ назначенія таковымъ отдѣльнаго содержанія. Въ тоже время, для успокоенія духовенства, многіе члены котораго, при новомъ распредѣленіи приходовъ, могли оказаться за штатомъ, оно объявляло, что проэктируемая мѣра отнюдь не предпола-

гаетъ удаленія отъ мѣстъ кого либо изъ наличныхъ священно-и-церковно-служителей.

Какъ ни много добрыхъ сторонъ въ мѣрѣ, принятой Главнымъ Присутствіемъ по дѣламъ православнаго духовенства, преосв. Арсеній относился къ ней болѣе чѣмъ холодно. Мы не знаемъ, выражалъ ли онъ кому свое сужденіе объ этомъ предметѣ, высказывалъ ли когда тѣ причины, по которымъ несочувственна была ему эта мѣра. Но только дѣло показывало, что путь къ обезпеченію быта духовенства, избранный Главнымъ Присутствіемъ, не согласовался съ его воззрѣніями. Онъ не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ ускоренію приведенія указанной мѣры въ исполненіе, и тогда какъ во многихъ епархіяхъ новое расписаніе приходовъ и причтовъ уже утверждено Главнымъ Присутствіемъ и осуществляется на дѣлѣ, въ кіевской епархіи о немъ очень мало говорили, какъ будто распоряженія объ этомъ еще не послѣдовало. Въ виду новаго распоряженія о сокращеніи приходовъ и членовъ причта, едва ли преосв. Арсеніемъ закрыто и одно какое либо мѣсто, которое по новымъ правиламъ должно подлежать уничтоженію. Преосв. Арсеній какъ бы нарочно игнорировалъ это распоряженіе и поступалъ совершенно наперекоръ ему. Онъ не сокращалъ, а увеличивалъ число членовъ причта при церквахъ съ приходами болѣе или менѣе многолюдными. Тамъ, гдѣ по штату положено быть одному священнику, онъ поставлялъ двухъ, и изъ этихъ двухъ иногда одинъ являлся настоятелемъ церкви, а другой помощникомъ его, а иногда оба являлись равноправными служителями церкви. Имъ предписывалось дѣлить между собою жалованье, положенное на одного штатнаго священника, или поровну или такъ, что одинъ получалъ двѣ трети этого жалованья, а другой одну треть, соотвѣтственно съ этимъ они должны были дѣлить между собою и прочіе доходы. Прихожане у нихъ были нераздѣльные, такъ что въ одну недѣлю бралъ приходъ одинъ священникъ, а въ другую другой; такимъ образомъ у одного

стада выходило два пастыря, чередовавшіеся между собою понедѣльно. Поставляя вторыхъ священниковъ при церквахъ однопріходныхъ, какъ въ городахъ такъ и въ многихъ селахъ, преосв. Арсеній умножалъ по своему усмотрѣнію въ тоже время и число другихъ членовъ причта, ставя три причетника тамъ, гдѣ положено быть одному или двумъ, рукополагая діаконовъ къ такимъ церквамъ, гдѣ по штату нѣтъ діаконской вакансіи, или къ штатному діакону прибавляя другаго, который числится на вакансіи псаломщика. Эта мѣра, противоположная видамъ Главнаго Присутствія, была мѣрою безспорно ошибочною, и она вызывала много ропота у подвѣдомаго Арсенію духовенства. Съ своими протестами противъ нея являлись къ Арсенію нѣкоторые изъ заслуженныхъ священниковъ, къ которымъ, противъ ихъ воли, на одно штатное мѣсто, ими занимаемое посылались помощники или вторые священники. Эти протесты никогда не имѣли успѣха предъ преосв. Арсеніемъ, и священниковъ, являющихся къ нему съ прошеніями объ освобожденіи ихъ отъ ненужныхъ помощниковъ,—преосв. Арсеній склонялъ къ подчиненію своимъ распоряженіямъ словомъ убѣжденія, а если оно не дѣйствовало, то силою власти. Онъ указывалъ при этомъ на свои виды, для которыхъ требовалось увеличеніе числа священно-и-церковно-служителей сверхъ положеннаго по штату. Эти виды не были ясны для подчиненнаго духовенства. Какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ его замѣчаній, какъ письменныхъ такъ и словесныхъ, онъ опасался, какъ бы уменьшеніемъ числа членовъ духовенства не уменьшилась сила религіознаго вліянія церкви на народъ, и потому увеличивая число священно-и-церковно-служителей, онъ думалъ тѣмъ возвысить и усилить религіозно-нравственное вліяніе церкви на народъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Онъ хотѣлъ, чтобы въ приходскихъ церквахъ чаще было совершаемо богослуженіе,—не только въ воскресные и праздничные дни, но и въ нѣкоторые будніе дни, и для этого онъ считалъ нуж-

нымъ имѣть при одной церкви не одного священника. Онъ предполагалъ этимъ сдѣлать народъ религіознѣе и благочестивѣе. Но это предположеніе не оправдывалось, потому что не только въ деревняхъ, но и въ Кіевѣ въ простыхъ приходскихъ церквахъ въ будніе дни служба отправлялась при пустыхъ стѣнахъ, большею частію для однихъ священно-и-церковно-служителей. Поставляя двухъ священниковъ на одномъ приходѣ, Арсеній облегчалъ труды ихъ по исправленію требъ, и при этомъ надѣялся, что при этомъ облегченіи ихъ трудовъ они будутъ имѣть больше возможности заняться учительною дѣятельностію. Но и эта надежда оставалась платоническимъ желаніемъ, которому не отвѣчала дѣйствительность, да и не могла отвѣчать уже по тому одному, что священникъ, свободный отъ требъ въ извѣстную недѣлю, былъ разобщенъ въ теченіе ея съ своимъ приходомъ, и не имѣлъ прямаго случая видѣться съ своими прихожанами.—А между тѣмъ вмѣсто этихъ чаемыхъ выгодъ сколько открывалось невыгодъ отъ умноженія вторыхъ священниковъ, какъ называли многіе эту мѣру! Кляузы и непріятности являлись всюду, гдѣ два священника принуждены были занимать одно и тоже мѣсто, и вѣдать одинъ и тотъ же приходъ, и нерѣдко жить въ одномъ и томъ же домѣ. При неопредѣленности положенія ихъ на одноштатномъ приходѣ эти непріятности были почти неизбѣжны. Новый второй священникъ, вдругъ явившійся на приходъ, гдѣ спокойно жилъ одинъ священникъ, предъявлялъ этому послѣднему свои требованія, которымъ тяжело было и не хотѣлось удовлетворять ему: не легко было священнику, привыкшему къ извѣстной мѣрѣ доходовъ, вдругъ выдѣлять половину изъ своего содержанія новому товарищу, который, по его сознанію, для него совершенно не нуженъ: еще тяжелѣе было дѣлиться церковнымъ помѣщеніемъ, пожалуй не роскошнымъ и для одного семейства, полемъ, сѣнокосомъ и прочими удобствами. Съ первыхъ же дней совмѣстной жизни двухъ священниковъ при одной церкви начинались пре-

реканія и ссоры. Эти пререканія и ссоры бывали на глазахъ прихожанъ, и вмѣсто возвышенія званія священника и усиленія вліянія церкви чрезъ увеличеніе числа ихъ понялось ихъ званіе, и при этомъ умалялось ихъ вліяніе на прихожанъ. Отъ взаимныхъ пререканій, при которыхъ ни новый ни старый священникъ не хотѣли уступать другъ другу, раждались жалобы и тяжбы, доходившія до начальства, и консисторіи со времени введенія вторыхъ священниковъ при одноприходныхъ церквахъ завалена была бумагами кляузнаго свойства, въ которыхъ обвиняли одинъ другаго священники, приставленные къ одному приходу, во взаимныхъ обидахъ, притѣсненіяхъ, а иногда и въ разныхъ преступленіяхъ. И люди знающіе извиняли священникамъ слабость, раждавшую эти кляузы: два священника на одномъ штатномъ мѣстѣ являлись въ положеніи людей, которымъ брошенъ одинъ кусокъ хлѣба.

Мѣра сокращенія приходовъ и членовъ причта задумана въ видахъ доставленія большаго обезпеченія духовенству. Но преосв. Арсеній въ своей епархіи видѣлъ духовенство достаточно обезпеченнымъ,—обезпеченнымъ несравненно болѣе, чѣмъ сколько оно обезпечено въ великороссійскихъ губерніяхъ. Это могло быть причиною, почему онъ мало заботился о приведеніи указанной мѣры въ исполненіе, и даже въ своихъ распоряженіяхъ по епархіальнымъ дѣламъ нерѣдко совершенно расходился съ ея указаніями.

Не вполнѣ отвѣчала его желаніямъ и совершившаяся реформа духовно-учебныхъ заведеній. Онъ видѣлъ недостатки старой школы, и вполнѣ сознавалъ необходимость ея преобразованія. Но его преобразовательные планы не заходили такъ далеко, какъ далеко повелъ дѣло комитетъ, разсуждавшій о преобразованіи духовныхъ семинарій и училищъ. Его мысль состояла въ томъ, чтобы возстановить въ возможной чистотѣ старый уставъ 1808 года, отбросивъ позднѣйшіе наросты на него, упростивъ учебную программу и

по содержанію сравнивъ духовно-учебныя заведенія съ свѣтскими учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія. Но когда проэктъ устава, составленный комитетомъ, поступалъ къ нему на разсмотрѣніе. онъ увидѣлъ въ немъ ломку, зашедшую, по его воззрѣнію, за предѣлы необходимаго и отнесся къ нему не вполнѣ сочувственно. Его несочувствіе обращалось не столько на учебную программу, сколько на административное устройство духовно-учебныхъ заведеній: ему не нравилась коллективная форма управленія духовно-учебными заведеніями, введенная новымъ уставомъ,—не нравилось широкое примѣненіе выборнаго начала какъ по отношенію къ замѣщенію наставническихъ вакансій, такъ и по отношенію къ замѣщенію должностей ректора и инспектора семинаріи и смотрителя училища; не нравилась относительная автономія, данная семинаріямъ, при которой большинство членовъ могло парализировать не только власть ректора, но даже и епархіальнаго архіерея, непосредственному управленію котораго ввѣрены были духовно-учебныя заведенія епархіи. Онъ съ опасеніемъ смотрѣлъ на усиленіе свѣтскаго элемента въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, которое, по его взгляду, должно было послѣдовать за новыми порядками, вводимыми новымъ уставомъ, и онъ боялся нежелательной для него секуляризаціи духовной школы, какъ бы ускользавшей изъ рукъ прежнихъ правителей....

Изъ новыхъ мѣропріятій преосв. Арсеній менѣе всего сочувствовалъ новому проэкту духовно-судебной реформы, выработанному комитетомъ, нарочито составленнымъ для примѣненія къ духовному суду началъ судебнаго устава 14 ноября 1864 года. Ему казалось незаконнымъ и не каноническимъ отдѣленіе духовнаго суда отъ епархіальной администраціи и лишеніе епархіальнаго начальника судебной власти; ему казалось обиднымъ для архіерея, главнаго представителя церковной власти въ извѣстномъ округѣ, то значеніе, какое усвоялось ему проэктомъ, по которому онъ

только могъ предавать суду виновныхъ, но не могъ имѣть никакого вліянія на самый судъ. Для него введеніе въ духовное вѣдомство свѣтской прокурорской власти было искаженіемъ древне-церковнаго канонического быта и какъ бы секуляризаціею духовнаго суда... Статьи профессора Соколова въ защиту началъ духовно-судебной реформы, вырабатываемой комитетомъ, въ свое время печатавшіяся въ Православномъ Обозрѣніи, были ему не сочувственны, и онъ нерѣдко публично выражалъ сожалѣніе о томъ, что „Соколовъ, хорошій человѣкъ, да въ добавокъ землякъ мой, взялся защищать не правое дѣло“. Напротивъ статьямъ профессора Лаврова и извѣстной книгѣ Елагина онъ отдавалъ безусловное одобреніе, и взглядъ на дѣло, въ нихъ выраженный, находилъ болѣе твердымъ и согласнымъ съ канонами, чѣмъ взглядъ Соколова и Православнаго Обозрѣнія. Въ его духѣ былъ отзывъ о духовно-судебной реформѣ, напечатанный года два назадъ въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Св. Синодъ, какъ извѣстно, разослалъ епархіальнымъ преосвященнымъ и консисторіямъ составленный комитетомъ проэктъ духовно-судебной реформы съ тѣмъ, чтобы и епархіальные преосвященные и консисторіи дали о немъ свои отзывы. Преосв. Арсеній, не довольный проэктомъ, долгое время не рѣшался дать о немъ свое мнѣніе. Уже предъ самою смертію, по словамъ церковно-общественнаго Вѣстника, онъ представилъ свое мнѣніе о немъ въ оффиціальной запискѣ, поданной въ Св. Синодъ, и это мнѣніе, по свидѣтельству церковно-общественнаго Вѣстника, въ самой рѣзкой формѣ осуждаетъ предположенія комитета. Намекъ на это есть въ письмѣ покойнаго Арсенія къ издателю Домашней Бесѣды отъ 1 апрѣля 1876 года[1]).

Каждый почти годъ (за исключеніемъ перваго года управленія кіевскою митрополіею и 1866 года) на зимніе мѣсяцы

---

[1]) Дом. Бесѣда. 1876 Вып. 21. стр. 550.

преосвященный Арсеній съ Высочайшаго соизволенія былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ. Дѣла высшаго церковнаго управленія замѣтно интересовали его, и онъ желалъ принимать въ нихъ посильное участіе непосредственнымъ обсужденіемъ тѣхъ вопросовъ, какіе выдвигались временемъ или мыслію лицъ, желавшихъ улучшенія по разнымъ частямъ церковнаго устройства. Онъ замѣтно скучалъ, когда по какимъ либо причинамъ онъ не вызываемъ былъ на зиму въ Синодъ, или когда долго не получалъ извѣстія объ ожидаемомъ вызовѣ. Всѣ мѣропріятія послѣднихъ лѣтъ, важныя по своей широтѣ и по своему значенію для жизни церкви и духовенства, подвергались между прочимъ и его обсужденію, и въ томъ направленіи, какое получали они, была большая или меньшая доля воздѣйствія его мысли. Намъ невозможно, при отсутствіи какихъ либо данныхъ, опредѣлять эту долю. Но судя потому, какъ онъ относился ко многимъ реформамъ по духовному вѣдомству, мы можемъ полагать, что не онъ былъ двигателемъ этихъ реформъ. Въ виду быстраго теченія церковной жизни, въ которомъ одна перемѣна слѣдовала за другою и одинъ замыселъ смѣнялся другимъ, онъ, либеральный въ началѣ и показавшій стремленіе къ нововведеніямъ въ первые годы своего управленія кіевскою епархіею, принялъ роль охранителя: онъ боялся большой ломки въ установившемся ходѣ церковной жизни, и настолько уважалъ преданія и обычаи, укоренившіеся въ жизни и достойные вниманія, что готовъ былъ сдерживать руку, готовую замѣнить ихъ новыми, не извѣданными на опытѣ, предначертаніями. Консервативныя стремленія его пробуждались и заявляли себя каждый разъ, когда подвергалось колебанію и переработкѣ учрежденіе, твердое на его взглядъ, и съ пользою могущее держаться въ жизни. Но при всемъ консерватизмѣ, какой онъ обнаруживалъ по отношенію къ замышляемымъ мѣропріятіямъ въ видахъ обновленія церковной жизни не все нравилось ему въ со-

временномъ порядкѣ вещей въ церковной сферѣ. Ему не нравилось напримѣръ то, что при тѣхъ обстоятельствахъ, какія созданы для русской церкви временемъ, высшія представители іерархіи или епархіальные архіереи не могутъ имѣть никакой инициативы въ дѣлахъ общаго свойства, касающагося церкви, и сами собою не могутъ доводить до высшихъ законодательныхъ сферъ свои предположенія; не нравилось далѣе то, что они не имѣютъ случая совѣщаться о дѣлахъ вѣры и церкви, чтобы условиться дѣйствовать совокупно въ интересахъ поддержанія религіи, правъ церкви или противодѣйствія какимъ либо антирелигіознымъ и антицерковнымъ началамъ. Мысль о помѣстныхъ соборахъ, на которыхъ каждогодно собирались епископы извѣстнаго архіепископскаго округа для совѣщаній объ устроеніи дѣлъ церкви, когда-то заявленная и въ газетахъ, была весьма ему сочувственна и отъ нея онъ ожидалъ и оживленія церковной жизни, и большей солидарности между представителями помѣстныхъ епархіальныхъ церквей, и укрѣпленія тѣхъ силъ, какими можетъ располагать церковь къ увеличенію религіознаго вліянія на общество.

Изъ учрежденій, подвѣдомыхъ митрополиту Арсенію въ кіевской епархіи, наиболѣе благодарнымъ словомъ должна вспоминать его духовная школа всѣхъ степеней за то участіе, какое онъ выказывалъ къ ней во все время управленія кіевскою паствою. Желаніе поддержать, распространить и возвысить духовное образованіе въ его архипастырскихъ заботахъ занимало одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, и духовная школа была близкимъ и излюбленнымъ предметомъ его внимательности. Она сохраняетъ въ своей памяти много добрыхъ начинаній преосв. Арсенія на ея пользу, его теплое, отечески-сердечное отношеніе къ служителямъ духовной школы и благословляетъ его за его всегдашнюю готовность благосклонно выслушивать заявленія о ея нуждахъ и

изыскивать мѣры къ ихъ удовлетворенію, являться къ ней съ щедрою помощію при видѣ недостаточности ея къ удовлетворенію извѣстныхъ потребностей и по мѣрѣ возможности поощрять полезный трудъ служителей науки и духовнаго просвѣщенія.

Съ именемъ его, какъ основателя, связано женское епархіальное училище, нынѣ благополучно процвѣтающее подъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы. Кіевская епархія ему обязана и первоначальнымъ учрежденіемъ, и обезпеченіемъ и настоящимъ цвѣтущимъ состояніемъ того училища, въ которомъ воспитываются сироты и дочери священно-церковно-служителей кіевской епархіи. Онъ близко принималъ къ сердцу образованіе дочерей, священно-церковно-служителей, прежде совершенно заброшенное. Онъ видѣлъ, какъ много теряютъ семейства священниковъ отъ малаго или несоотвѣтственнаго званію образованія дочерей священническихъ, и какою слабою помощницею мужу священнику является жена, не получившая нигдѣ порядочнаго образованія. Онъ не могъ не знать, что образованіе дочерей священническихъ въ общихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ доступно только для священниковъ сравнительно болѣе обезпеченныхъ, и что при дороговизнѣ содержанія въ нихъ учащихся многія дочери сельскихъ священниковъ не могутъ воспользоваться предлагаемымъ въ нихъ образованіемъ. Ему извѣстно было также, что изъ дѣвицъ, образовавшихся въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно институтокъ, многія священническія дочери выносятъ изъ школы неуваженіе къ званію своихъ родителей, недовольство своимъ положеніемъ, блужданіе мыслію и желаніями въ высшія свѣтскія сферы, чѣмъ создается причина многихъ непріятностей и неудачъ въ жизни. Въ особенности его участіе вызывала судьба сиротъ духовнаго званія, которыя безъ пріюта и поддержки ростутъ иногда наравнѣ съ простыми крестьянскими дѣвицами, и въ молодые годы ничего не пріобрѣтаютъ для устроенія своего буду-

щаго. Епархіальное училище давало имъ пріютъ и хорошее образованіе и чрезъ это средства для жизни, и по выходѣ изъ училища.

Въ этихъ соображеніяхъ, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Кіевъ, преосв. Арсеній отвѣчалъ полнымъ сочувствіемъ на заявленное ему желаніе объ основаніи въ Кіевѣ особаго женскаго епархіальнаго училища, какъ для воспитанія сиротъ лицъ духовнаго званія, такъ и дочерей служащихъ священниковъ, которые пожелаютъ отдать въ нихъ своихъ дѣтей на воспитаніе за самую умѣренную плату, и съ обычною ему энергіею взялся за изысканіе средствъ къ осуществленію этого добраго желанія. Онъ засталъ дѣло въ такомъ положеніи: въ лебединскомъ женскомъ монастырѣ (чигиринскаго уѣзда), отличавшемся издавна призрѣніемъ сиротъ духовнаго званія, при высокопреосвященномъ Исидорѣ открыто небольшое нарочитое училище для дѣвицъ—дочерей лицъ духовнаго званія. Но это училище не удовлетворяло вполнѣ нуждамъ образованія дочерей священническихъ въ такой обширной епархіи, какова кіевская. Монастырскія средства, на которыя оно содержалось, были недостаточны для того, чтобы дать этому училищу болѣе широкій объемъ: да притомъ въ глуши, гдѣ стоялъ монастырь, нельзя было найти способныхъ и приготовленныхъ наставниковъ для болѣе полнаго училища. Потому, и при существованіи этого училища, еще до пріѣзда Арсенія въ Кіевъ, заявлялось желаніе устроить болѣе полное училище для дѣвицъ—дѣтей духовенства въ самомъ Кіевѣ. Предшественникъ Арсенія, митрополитъ Исидоръ уже приступалъ къ осуществленію этого желанія, обратившись къ духовенству съ предложеніемъ пожертвовать $1^1/_2\%$ изъ жалованья на проэктируемое училище и къ нѣкоторымъ благотворительнымъ лицамъ съ просьбою о вспомоществованіи доброму дѣлу. Но переведенный въ Петербургъ, митрополитъ Исидоръ оставилъ это дѣло, какъ и другія, доканчивать своему преемнику. Арсеній, по перемѣщеніи на кіевскую каѳедру,

тотчасъ же началъ изыскивать средства на открытіе и поддержаніе женскаго епархіальнаго училища въ Кіевѣ. Назначивъ къ ежегодному отпуску изъ своего жалованья по 200 р. для обезпеченія первоначальнаго училища дѣвицъ при лебединскомъ монастырѣ, онъ пожертвовалъ три тысячи рублей изъ своихъ суммъ на проэктируемое училище дѣвицъ—дѣтей лицъ духовнаго званія въ Кіевѣ, и къ этимъ тремъ тысячамъ въ день новаго 1861-го года прибавилъ еще четвертую тысячу. Своимъ примѣромъ онъ увлекъ къ значительнымъ пожертвованіямъ на доброе дѣло и другихъ лицъ. Къ его пожертвованіямъ присоединились довольно крупныя приношенія отъ монастырей и болѣе достаточныхъ церквей, изъ которыхъ нѣкоторые, кромѣ единовременныхъ пожертвованій, обязались дѣлать ежегодные денежные взносы на женское епархіальное училище. Въ новый 1861-й годъ онъ пригласилъ къ пожертвованіямъ на занимавшее его дѣло явившихся къ нему для поздравленія высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, а также лицъ купеческаго званія, и въ нѣсколько минутъ собрано было болѣе тысячи рублей (кромѣ тысячи, имъ самимъ записанной); а къ лицамъ, извѣстнымъ своею благотворительностію и жившимъ внѣ Кіева (напримѣръ Фундуклею и графу Браницкому) онъ обращался письменно, указывая имъ нужду епархіальнаго духовенства, и умѣлъ располагать ихъ къ благотворительнымъ пожертвованіямъ. Были щекотливы и тяжелы для его чувства подобныя обращенія; но желаніе начать и открыть доброе дѣло, для котораго не было средствъ, побѣждало стѣсненія, налагаемыя деликатнымъ чувствомъ, и заставляло его быть смѣлымъ и откровеннымъ въ своихъ просьбахъ и требованіяхъ. Не стѣснялся въ обращеніяхъ къ сторонним благотворителямъ, Арсеній тѣмъ менѣе стѣснялся въ обращеніяхъ къ духовенству, для пользы котораго назначалось училище: онъ предложилъ ему жертвовать на новое училище, вмѣсто $1^1/_2$%, какъ предполагалось при преосв. Исидорѣ, 2% изъ жалованья, имъ получаемаго и духовен-

ство охотно согласилось на подобное предложеніе, въ виду необходимости и важности замышляемаго учрежденія. Такимъ образомъ собралось на училище единовременныхъ пожертвованій около 20,000 рублей, и кромѣ того обезпечено было ежегодныхъ взносовъ около 6,000 р. При одушевленіи къ дѣлу исходившемъ отъ преосв. Арсенія, нашлись люди изъ высшаго кіевскаго духовенства съ академическимъ образованіемъ и изъ наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, которые выразили желаніе безмездно преподавать уроки въ проэктируемомъ женскомъ училищѣ. И вотъ училище открылось 15 октября 1861 года. За неимѣніемъ зданія для училища, на время запята имъ часть помѣщеній, устроенныхъ для кіево-софійскихъ священно-служителей. Открывалъ училище самъ преосв. Арсеній: въ день открытія училища онъ служилъ литургію въ софійскомъ соборѣ, и при концѣ ея сказалъ назидательное слово о значеніи христіанскаго воспитанія. Онъ видимо былъ тронутъ, когда видѣлъ начало осуществленія своей отеческой заботливости объ образованіи сиротъ дѣвицъ и прочихъ дѣтей женскаго пола лицъ епархіальнаго духовенства, поставленныхъ, съ открытіемъ училища, въ возможность получать хорошее воспитаніе за сравнительно недорогую плату. Онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на дѣтей, явившихся для поступленія въ училище изъ среды сельскаго населенія, которыя безъ его заботливости могли бы оставаться въ той деревенской дикости, въ какой коснѣютъ другія бѣдныя дѣти. При видѣ радости, какою сіяли лица матерей, привезшихъ дѣтей своихъ въ училище, и полныхъ благодарности за доставшееся на долю ихъ дочерей счастіе, онъ жалѣлъ, что средства и помѣщеніе училища не дозволяли принять въ училище всѣхъ дѣтей, какихъ только желали помѣстить въ него. Въ новое временное помѣщеніе училища могли принять только 20 дѣвицъ—сиротъ на казенный коштъ, и 10 на свое содержаніе, съ платою 60 р. въ годъ. Число не большое; но дорого было начало добраго дѣла, для котораго не было готовыхъ ма-

теріальныхъ средствъ. По хорошему началу можно было надѣяться на значительное расширеніе училищнаго дѣла.

Съ открытіемъ училища во временномъ помѣщеніи, на наскоро собранныя средства, не кончились и не могли кончиться заботы о немъ преосв. Арсенія. Нужно было думать о приготовленіи особаго зданія для него; денегъ на построеніе его требовалось много, а ихъ не было. Преосв. Арсеній обратилъ вниманіе на зданіе, занимаемое прежде кіевскою гимназіею, но послѣ пожара стоявшее безъ употребленія и въ запустѣніи. Мѣсто, гдѣ построено это зданіе, когда-то принадлежало кіево-печерской лаврѣ: преосв. Арсеній, не смотря на противодѣйствія заинтересованныхъ въ дѣлѣ мѣстныхъ властей, исходатайствовалъ возвращеніе этого мѣста и построеннаго на немъ зданія снова въ духовное вѣдомство, и въ этомъ зданіи, расположенномъ въ наиболѣе здоровой части города, помѣстительномъ и соединенномъ съ садомъ, устроено помѣщеніе для женскаго епархіальнаго училища—такое, какому могутъ позавидовать женскія епархіальныя училища другихъ городовъ.

Желая прочнѣе утвердить существованіе женскаго училища и возвысить его значеніе, преосв. Арсеній позаботился о томъ, чтобы оно принято было подъ Высочайшее покровительство Государыни Императрицы. Удостоенное Высочайшаго покровительства, оно выдвинулось изъ ряда другихъ женскихъ епархіальныхъ училищъ и стало на высшую степень въ сравненіи съ ними. Благодаря этому обстоятельству доступнѣе стали награды для служащихъ въ училищѣ; а это было немаловажно, когда училище, особенно на первыхъ порахъ, при своихъ скудныхъ и неутвердившихся средствахъ, не могло предлагать своимъ преподавателямъ достаточной платы за уроки; соразмѣрной съ вознагражденіемъ, даваемымъ другими учебными заведеніями. Такое или иное средство поощренія къ труду людей, посвящающихъ училищу свое время и силы, для него было далеко не лишнее.

Вслѣдствіе заботъ Арсенія объ основанномъ имъ женскомъ епархіальномъ училищѣ, дѣло воспитанія и образованія въ немъ съ первыхъ же поръ поставлено было прекрасно, и воспитанницы, выходившія изъ него, выносили съ собою доброе христіанское направленіе, способность къ труду, скромность и благовоспитанность; въ знаніи предметовъ своего курса они не уступали воспитанницамъ свѣтскихъ гимназій, и являясь въ качествѣ учительницъ въ какой либо народной школѣ или воспитательницъ въ семействахъ, вели свое дѣло съ полнымъ умѣньемъ и въ томъ направленіи, какое желательно для первоначальнаго женскаго образованія. Преосв. Арсеній съ большимъ утѣшеніемъ смотрѣлъ на добрые успѣхи призрѣнныхъ имъ дѣтей и на полезные плоды ихъ образованія въ жизни. Когда случалось ему слышать отъ сторонннхъ лицъ лестные отзывы о воспитанницахъ кіевскаго епархіальнаго училища, объ успѣхахъ той или другой изъ нихъ на педагогическомъ поприщѣ или о превосходствѣ ихъ въ какомъ либо отношеніи предъ воспитанницами другихъ болѣе привилегированныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, онъ былъ радъ этому какъ нельзя болѣе. Видно было, что въ успѣхѣ женскаго епархіальнаго училища онъ видѣлъ дѣло личной чести.

Интересы мужескихъ духовно-учебныхъ заведеній для преосв. Арсенія были не менѣе дороги и близки, какъ интересы основаннаго имъ женскаго епархіальнаго училища. Въ нихъ воспитывались и приготовлялись будущіе сотрудники его въ дѣлѣ служенія церкви, и онъ считалъ долгомъ архипастырской совѣсти прилагать всевозможное попеченіе къ тому, чтобы воспитаніе и образованіе будущихъ служителей церкви обставлено было какъ нельзя лучше и направлено было на правильный христіанскій путь. На прежнихъ мѣстахъ своей архипастырскаго служенія онъ всегда съ особеннымъ участіемъ входилъ въ виды и нужды подвѣдомыхъ ему духовно-учебныхъ заведеній и по возможности приближалъ къ себѣ служащихъ въ нихъ. И въ Кіевѣ ду-

ховно-учебныя заведенія и ихъ представители, можно сказать, были первымъ предметомъ его вниманія.

Когда онъ пріѣхалъ въ Кіевъ въ шестидесятыхъ годахъ, духовно-учебныя заведенія переживали довольно тяжелый экономическій кризисъ: старые оклады, по какимъ содержались они, оказывались не соотвѣтствующими потребностямъ времени и возвысившейся дороговизнѣ жизни. Отъ скудости содержанія и средствъ, на нихъ ассигнуемыхъ, въ нихъ чувствовалось недовольство; люди, приставленные къ нимъ, теряли привязанность къ мѣсту своего служенія, смотрѣли вонъ и при первой возможности переходили на новыя, болѣе обезпеченныя, мѣста служенія. Преосв. Арсеній съ скорбію видѣлъ, что отъ этого много страдаетъ важное дѣло приготовленія будущихъ служителей религіи, старался удерживать доступными ему средствами полезныхъ дѣятелей при духовной школѣ, и живо занятъ былъ мыслію объ исправленіи тяжелаго экономическаго положенія духовно-учебныхъ заведеній. Онъ болѣе чѣмъ снисходительно смотрѣлъ, когда и въ кіевскихъ повременныхъ изданіяхъ заявлялись рѣзкіе голоса, представлявшіе положеніе духовной школы трудно выносимымъ и взывавшіе о помощи. Думая, что такіе голоса обратятъ вниманіе на вопіющія нужды, онъ отнюдь не стѣснялъ ихъ, а напротивъ силою своего авторитета готовъ былъ защищать оффиціально ихъ умѣстность отъ придирчивыхъ нападеній. Его всегдашнею мыслію была мысль о совершенномъ уравненіи духовно-учебныхъ заведеній въ средствахъ содержанія съ свѣтскими учебными заведеніями. Это полное уравненіе двухъ разрядовъ учебныхъ заведеній онъ находилъ справедливымъ по однородности занятій, возлагаемыхъ на служителей какъ свѣтской, такъ и духовной школы, и считалъ обиднымъ для чувства и вреднымъ для дѣла церкви и общества такое пониженіе духовной школы, блюдущей высшіе интересы религіозно-нравственнаго просвѣщенія, при которомъ переходъ изъ нея въ свѣтскую школу казался многимъ какъ бы повышеніемъ

и улучшеніемъ положенія человѣка, посвятившаго себя дѣлу образованія юношества. Подобныя мысли онъ смѣло высказывалъ всѣмъ, и власть имѣющимъ, когда представлялся къ тому случай. Онъ заявлялъ, что государственное казначейство, не скупящееся на средства для удовлетворенія потребностей школъ министерства народнаго просвѣщенія, должно придти на помощь къ духовной школѣ, скудной своими средствами, и видѣлъ основанія къ этому въ давнемъ обращеніи въ собственность государства церковныхъ и монастырскихъ имуществъ. По его собственному свидѣтельству, онъ еще до Всемилостивѣйшаго дарованія 1.500.000 рублей изъ государственнаго казначейства на воспособленіе духовно-учебнымъ заведеніямъ, когда только что возвышены были оклады содержанія въ университетахъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ частной аудіенціи предъ Государемъ Императоромъ, которой онъ удостоился, кажется, для принесенія благодаренія за Высочайшую награду, осмѣлился на вопросъ Государя Императора о томъ, гдѣ найти средствъ для духовно-учебныхъ заведеній, выразить предъ Нимъ, что хорошо было бы подѣлиться съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, получившимъ многое отъ щедротъ Монаршихъ. Слово это не имѣло значенія для дѣла. Но смѣлое заявленіе его предъ Государемъ Императоромъ показываетъ, какъ сильно занимала его мысль, въ немъ выраженная.

Когда же чаемая помощь отъ государственнаго казначейства духовно-учебнымъ заведеніямъ замедлялась, а между тѣмъ чувствовалась крайняя несоразмѣрность содержанія наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній съ окладами служащихъ въ другихъ вѣдомствахъ и въ частности въ школахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, и вмѣстѣ съ современною дороговизною на всѣ жизненныя потребности, попечительный архипастырь поспѣшилъ къ нимъ съ своею помощію. По примѣру московскаго митрополита Филарета, въ 1865 году назначившаго ежегодно

выдавать довольно значительную сумму изъ неокладныхъ суммъ каѳедры для возвышенія окладовъ наставниковъ московской академіи, преосв. Арсеній, почти одновременно съ митрополитомъ Филаретомъ, оказалъ подобную милость своей кіевской академіи, предписавъ выдавать ежегодно изъ суммъ кіево-печерской лавры въ академію сумму, потребную для того, чтобы оклады содержанія наставниковъ академіи были по крайней мѣрѣ не ниже старыхъ окладовъ содержанія профессоровъ и доцентовъ университета [1]). Въ началѣ 1867 года при содѣйствіи и по распоряженію митрополита Арсенія, увеличены оклады содержанія наставникамъ кіевской семинаріи и подвѣдомственныхъ ей училищъ на счетъ мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ, собственно на счетъ суммъ софійскаго митрополитанскаго дома и достаточныхъ монастырей кіевской епархіи. Семинаріи и училища, до нынѣ непреобразованныя по новому уставу, съ начала 1867 года и до сихъ поръ, получаютъ назначенную преосв. Арсеніемъ епархіальную добавку къ своему содержанію. Академія же перестала нуждаться въ пособіи отъ лавры съ половины 1869 года, вслѣдствіе преобразованія ея въ полѣ этого года и соединеннаго съ этимъ возвышенія ея окладовъ, и тотчасъ же послѣ преобразованія возвратила въ соборъ кіево-печерской лавры полученное отъ нея на цѣлый годъ пособіе. Но преосв. Арсеній не рекомендовалъ собору лавры деньги, разъ обращенныя на дѣло образованія, употреблять на другой предметъ, и всю ту сумму, какая прежде шла на воспособленіе наставникамъ академіи, обратилъ снова на учебное дѣло, большую часть изъ нея назначивъ на поддержаніе низшихъ духовныхъ училищъ кіевской епархіи, болѣе прочихъ духовныхъ школъ нуждавшихся въ средствахъ, а другую меньшую на содержаніе начальной элементарной и живописной школы, находящихся въ вѣдѣніи и на пжди-

---

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1865. № 24. Офф. ч. стр 227.

вении лавры. По предположенію преосв. Арсенія, изъ суммы, ассигнуемой лаврою на вспоможеніе низшимъ духовнымъ училищамъ, только проценты должны были употребляться соотвѣтственно своему назначенію, а самый капиталъ до времени долженъ былъ оставаться неприкосновеннымъ. Между тѣмъ ежегодные взносы доставлялись лаврою исправно, чрезъ что образовался довольно значительный капиталъ (около 25 тысячъ), который въ настоящемъ году далъ возможность усилить средства содержанія училищъ кіевской епархіи, до сихъ поръ ждущихъ преобразованія по новому уставу, до тѣхъ размѣровъ, какіе они должны имѣть по нормальнымъ штатамъ новаго устава.

Независимо отъ этого обращенія мѣстныхъ епархіальныхъ средствъ на нужды духовно-учебныхъ заведеній и религіознаго образованія вообще, преосв. Арсеній и своими собственными средствами старался помочь облегченію нуждъ, съ какими борются сироты и дѣти бѣдныхъ родителей въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Такъ въ 1869 году онъ пожертвовалъ по 1000 рублей на вѣчныя времена въ кіевскую семинарію и въ два кіевскія духовныя училища,— подольское и софійское, для употребленія процентовъ въ пособіе на содержаніе бѣдныхъ воспитанниковъ какъ семинаріи, такъ и духовныхъ училищъ [1]).

Изъ духовно-учебныхъ заведеній кіевскихъ особенною любовію преосв. Арсенія пользовалась академія, дающая высшее богословское образованіе и приготовляющая наставниковъ семинарій и дѣятелей для высшаго служенія церкви. И академія болѣе, чѣмъ какое либо другое учрежденіе, видѣло выраженіе его отеческаго вниманія, заявленнаго неоднократно значительными личными пожертвованіями на ея пользу. Изъ этихъ пожертвованій образовался вѣчный неприкосновенный арсеніевскій капиталъ въ 18,200 р., дающій ежегодныхъ процентовъ 981 рубль. На двѣ главныя

[1]) Кіевск. Епарх. Вѣдом. 1869. № 3. Офф. ч. стр. 8.

цѣли назначилъ преосв. Арсеній приносимыя имъ академіи пожертвованія: на учрежденіе стипендіи и на поощреніе учено-богословской литературной дѣятельности. Стипендія арсеніевская учреждена еще въ первые годы его управленія академіею: въ 1863 году преосв. Арсеній пожертвовалъ академіи три тысячи рублей съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этого капитала содержались тѣ изъ воспитанниковъ академіи, которые по академическимъ правиламъ не могутъ пользоваться казеннымъ содержаніемъ, но заслуживаютъ по чему либо вниманія. Чрезъ приращеніе процентами и чрезъ обращеніе въ процентныя бумаги этотъ капиталъ скоро увеличился до четырехъ тысячъ, на проценты съ которыхъ постоянно содержится одинъ изъ студентовъ академіи. На поощреніе учено-литературной дѣятельности имъ пожертвованы болѣе крупныя суммы: первоначально, въ 1868 году, имъ представлено было въ академію двѣ тысячи рублей на пособіе при изданіи полезныхъ книгъ и брошюръ, написанныхъ въ духѣ православной вѣры и церкви; за тѣмъ, въ слѣдующемъ 1869 году, по случаю пятидесятилѣтняго юбилея академіи, для тойже цѣли принесено было академіи десять тысячъ рублей. Изъ этихъ двѣнадцати тысячъ, чрезъ приращеніе процентами и чрезъ обращеніе ихъ въ процентныя бумаги образовался капиталъ въ 14,200 рублей. Кромѣ этихъ приношеній въ неприкосновенный благотворительный капиталъ академіи, преосв. Арсеній давалъ ей временныя пособія. Такъ предъ празднованіемъ академическаго юбилея онъ пожертвовалъ двѣ тысячи рублей на приготовленія къ юбилейному торжеству. Эти деньги израсходованы главнымъ образомъ на покрытіе издержекъ по изданіямъ, предпринятымъ академіею ко дню своего юбилея (Сборника лекцій наставниковъ кіевской духовной академіи, Книги для назидательнаго чтенія, Книги для народныхъ школъ и частію Апокрисиса).

Въ представленномъ перечнѣ не изчерпаны всѣ пожертвованія, сдѣланныя преосв. Арсеніемъ на пользу духовной

науки и академіи. Мы указали главныя изъ нихъ. Академія знала, что со стороны преосв. Арсенія всегда готова была возможная и потребная помощь ей. Стоило ей намекнуть ему о какой либо своей нуждѣ, какъ онъ давалъ средства для ея покрытія. Такъ замѣчено было предъ нимъ, что дорого стоятъ рисунки къ сочиненію Олесницкаго: „Святая земля“. и что для редакціи академическаго журнала чувствительнѣ этотъ расходъ, — и пр. Арсеній вскорѣ послѣ того прибавляетъ триста рублей на покрытіе этого расхода.

Въ такихъ пожертвованіяхъ Арсенія на пользу духовной школы выражалось его уваженіе къ высшему служенію богословской наукѣ, въ которомъ онъ участвовалъ своимъ непосредственнымъ трудомъ въ первые годы по окончаніи курса. и отъ котораго не хотѣлъ отдѣлять себя и послѣ призванія на высшій іерархическій постъ. Онъ высоко цѣнилъ образованіе въ духѣ вѣры и благочестія, и по мѣрѣ возможности старался содѣйствовать его возвышенію. Въ силу признанія высокаго значенія богословскаго образованія онъ ставилъ себя въ особенной близости къ служителямъ и представителямъ богословской науки: они для него были такими людьми, которыхъ онъ всегда встрѣчалъ съ особенною благосклонностію, и съ которыми всегда готовъ былъ раздѣлить бесѣду. Ему пріятно было, если въ какихъ бы то ни было собраніяхъ или на обѣдахъ, устрояемыхъ по какому либо случаю, являлись и наставники академіи, и замѣтно было, что среди собранія смѣшанныхъ кружковъ сердце его больше всѣхъ тяготѣло къ кружку академическому; такъ какъ къ представителямъ его чаще, чѣмъ къ кому либо другому, онъ обращался съ своими воспоминаніями, разными вопросами и взглядами на тотъ или другой предметъ. и предъ ними бесѣда его принимала такой интимный, дружески не принужденный характеръ, съ какимъ рѣдко являлась она предъ людьми другихъ круговъ. Онъ не отказывался отъ приглашеній, какія ему дѣлались; но

кажется, ни одно приглашеніе не было ему такъ пріятно, какъ приглашеніе отъ академіи. Зная это, академія и послѣ акта 28 сентября, и послѣ экзамена, иногда предъ отъѣздомъ преосв. Арсенія въ Петербургъ, иногда и послѣ диспутовъ старалась раздѣлить трапезу съ своимъ любвеобильнымъ и внимательнымъ попечителемъ. Всегда веселый и разговорчивый среди общества наставниковъ академіи, онъ засиживался долго и послѣ трапезы въ кругу академическомъ, ведя разные разговоры, въ которыхъ воспоминалось былое, обсуживалось настоящее, а подъ часъ пр. Арсеній посвящалъ своихъ собесѣдниковъ въ такія тайны, покровъ съ которыхъ онъ могъ снимать только предъ самыми приближенными людьми. Въ день своего юбилея преосв. Арсеній открыто заявилъ, въ отвѣтѣ на привѣтствіе отъ лица академіи, что ему пріятно бывать среди общества академическаго: „всякій разъ (говорилъ онъ), когда бываю среди васъ, нахожу особенное удовольствіе и выношу отсюда воспоминанія пріятныя и пріобрѣтенія полезныя“ [1]). И академія, благодарная преосв. Арсенію за многое, предъ его гробомъ съ особеннымъ сочувствіемъ воспоминала объ его отеческой близости къ ея представителямъ. „Особенно памятно для насъ (говорилъ въ надгробной рѣчи ректоръ академіи епископъ Филаретъ) твое простое, снисходительно-привѣтливое обращеніе съ нами, когда мы видѣли тебя среди нашего общества, приближавшее каждаго изъ насъ къ тебѣ, допускавшее возможность всякому прямо и открыто высказывать предъ тобою свои воззрѣнія и желанія. Не замѣчали мы въ немъ ничего принужденнаго и разсчитаннаго; напротивъ намъ видѣлось, что оно было выраженіемъ сердечной потребности твоего духа, искавшаго стихіи сродной для твоей просвѣщенной мысли и добраго чувства. Оставаясь между нами долѣе урочнаго твоего времени, видимо показывалъ ты, что въ нашей братской семьѣ находилъ пріятный отдыхъ отъ неусыпныхъ

[1]) Пятидесятилѣтній юбилей митр. Арсенія, стр. 49.

трудовъ своихъ. Не пастыря только, но пастыря—друга видѣли мы тогда въ тебѣ, и чувствовали, что мы *не рабы, которые не вѣдаютъ, что творитъ господинъ ихъ* (Іоан. XV, 15)“ [1]).

Любилъ преосв. Арсеній бывать на экзаменахъ въ академіи. До преобразованія академіи въ 1869 году онъ обыкновенно при каждомъ окончаніи курса назначался отъ Св. Синода ревизоромъ въ академію, и по обязанности ревизора участвовать въ производствѣ экзаменовъ студентовъ академіи. Но онъ являлся на экзамены въ академію не въ тѣ только годы, когда поручалась ему ревизія академіи, то есть, не на одни курсовые экзамены, при прежнемъ порядкѣ бывавшіе черезъ два года, а и на частныя годичныя испытанія въ тѣ годы, когда не было выпуска студентовъ академіи. И послѣ преобразованія академіи, при измѣнившемся производствѣ экзаменовъ, онъ не оставлялъ прежняго обычая посѣщать академію въ дни экзаменовъ для испытаній студентовъ въ знаніи преподаваемыхъ имъ наукъ. — Экзамены, имъ производимые, были довольно своеобразны. Онъ не являлся на нихъ въ дни, назначенные по росписанію, а уже, по заключеніи экзаменовъ по всѣмъ предметамъ, назначалъ для себя одинъ, два или три дня. Въ эти дни экзамены, произведенные прежде наставниками, какъ бы повторялись и разомъ велись по всѣмъ предметамъ, преподаваемымъ въ академіи. Для этого билеты по всѣмъ наукамъ смѣшивались между собою и въ смѣшанной кучкѣ раскладывались: студентъ, вызываемый митрополитомъ, бралъ билетъ изъ смѣшанной кучки и отвѣчалъ по тому предмету, по какому выпадалъ ему билетъ; при этомъ случайнымъ чередомъ за отвѣтомъ по догматическому богословію слѣдовалъ, напримѣръ, отвѣтъ, по каноникѣ, за этимъ отвѣтъ по священному писанію, по исторіи, по гомилетикѣ, опять по догматическому богословію и т. далѣе. Отъ этого по-

[1]) Труды акад. 1876. Іюнь, стр. 577.

рядка не отступалъ преосв. Арсеній и послѣ преобразованія академіи, послѣ котораго студенты каждаго курса раздѣляются на три отдѣленія, и послѣ котораго кромѣ наукъ общеобязательныхъ есть много наукъ спеціальныхъ, проходимыхъ студентами только одного отдѣленія. И при раздѣленіи студентовъ на отдѣленія, билеты по всѣмъ наукамъ извѣстнаго курса смѣшивались вмѣстѣ, и экзаменъ производился совмѣстно студентамъ всѣхъ трехъ отдѣленій. При этомъ случалось и весьма часто, что студенту попадались билеты по тѣмъ наукамъ, какихъ онъ не слушалъ въ академіи, и онъ возметъ билетовъ пять, шесть прежде, чѣмъ дойдетъ до билета по наукѣ своего отдѣленія. Конечно, весьма легко было отвратить неудобство, происходившее отъ такого рода производства экзаменовъ: стоило только билеты по спеціальнымъ наукамъ отдѣленій положить отдѣльно, или вызывать студентовъ въ порядкѣ отдѣленій и преемственно раскладывать билеты по наукамъ каждаго отдѣленія. Но преосв. Арсеній какъ будто нарочно не хотѣлъ привыкать къ новому академическому порядку, или не могъ освободиться отъ пристрастій къ старому порядку, нажитыхъ цѣлыми десятилѣтіями. Ему казалось страннымъ, что такіе предметы, какъ догматическое богословіе, изучаются не всѣми студентами академіи. Потому случалось, хотя рѣдко, что студента историческаго или церковно-практическаго отдѣленія, которому доставался билетъ по догматическому богословію, наукѣ спеціально изучаемой студентами одного богословскаго отдѣленія, онъ заставлялъ отвѣчать по этому, чужому для него, предмету, требуя отъ него сказать то, что онъ знаетъ по извѣстному догматическому вопросу, и замѣняя этимъ отвѣтомъ отвѣтъ по его спеціальной наукѣ.— На экзаменахъ преосв. Арсеній отнюдь не былъ строгъ и требователенъ, и студенты его экзаменомъ стѣснялись гораздо менѣе, чѣмъ обыкновенными экзаменами. Внимательно выслушивая отвѣтъ, онъ любилъ къ тѣмъ или другимъ мыслямъ, высказываемымъ отвѣчающимъ, дѣлать добавле-

нія, замѣчанія, возраженія и по ассоціаціи представленій распространяться о разныхъ предметахъ. Иногда эта ассоціація представленій увлекала его очень далеко, и онъ, пустившись въ разсужденія или воспоминанія нерѣдко анекдотическаго свойства, забывалъ о томъ, о чемъ отвѣчалъ студентъ, обыкновенно останавливавшій свой отвѣтъ, на то время, пока митрополитъ дѣлалъ свои разъясненія. Остановки эти бывали иногда довольно продолжительны, такъ какъ преосв. Арсеній бывалъ довольно изобрѣтателенъ и неистощимъ въ своихъ бесѣдахъ; съ половины экзамена онъ уже расположенъ былъ больше говорить самъ, чѣмъ слушать испытуемыхъ. Въ этихъ ученыхъ бесѣдахъ онъ показывалъ большое знакомство съ богословскою наукою въ ея разныхъ отрасляхъ, а въ тоже время обнаруживалъ, что онъ слѣдилъ за текущею свѣтскою литературою, и что ему очень хорошо были извѣстны теоріи Дарвина, Конта, Бюхнера, Молешотта и другихъ представителей новыхъ направленій въ наукѣ, увлекавшихъ за собою незрѣлую мысль. Для восполненія этихъ бесѣдъ служилъ богатый жизненный опытъ, къ которому постоянно обращалась его память, и изъ котораго выносила многое для уясненія тѣхъ или другихъ сторонъ жизни, тѣхъ или другихъ вопросовъ науки. Во время экзаменовъ преосв. Арсеній всегда сохранялъ свое неизмѣнное благодушіе, и, будучи заправителемъ общаго теченія дѣла, свое настроеніе незамѣтно передавалъ другимъ. При немъ, при его благодушномъ обращеніи ко всѣмъ, не чувствовалось никѣмъ ни боязни, ни стѣсненія, ни напряженія. Едва ли не единственный разъ въ теченіи многократнаго производства экзаменовъ въ академіи онъ строго отнесся къ одному студенту, дававшему неудовлетворительный отвѣтъ на его вопросы, но тотчасъ же смягчилъ свой строгій выговоръ, какъ скоро замѣтилъ сильное смущеніе въ студентѣ, заслужившемъ его выговора.

Первое желаніе преосв. Арсенія по отношенію къ академіи состояло въ томъ, чтобы она неуклонно держалась

добраго чисто-православнаго направленія, не увлекалась *заманчивыми новостями иноземнаго происхожденія* [1]) и не подчинялась вліяніямъ сомнительнаго качества, разносимымъ современными матеріалистическими и раціоналистическими теоріями. Къ поддержанію и охраненію добраго направленія въ ввѣренной ему академіи клонились главныя его попечительныя заботы о ней. Въ годъ вступленія его на кіевскую паству въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ обнаруживалось нѣкоторое броженіе мысли, отразившееся частію и на духовной школѣ. Доходили до него не совсѣмъ благопріятные слухи и о настроеніи академической молодежи, когда онъ былъ еще въ Варшавѣ. Въ Петербургѣ, когда онъ заѣзжалъ въ него послѣ назначенія на кіевскую митрополію, даже въ высшихъ сферахъ ему случилось слышать повтореніе или подтвержденіе недобрыхъ слуховъ объ академіи, и онъ явился въ Кіевъ съ предубѣжденіемъ противъ нея. Вслѣдствіе этого въ первые годы своего управленія кіевскою паствою, онъ съ особенною внимательностію относился къ академіи и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что въ ней дѣлается. Развѣдывая о внутреннемъ направленіи академіи чрезъ лицъ, близко стоявшихъ къ ней, онъ самъ непосредственнымъ наблюденіемъ старался ознакомиться съ духомъ академіи и положеніемъ вещей въ ней. Для этого недостаточно было являться на экзаменъ, и изъ отвѣтовъ студентовъ выводить заключеніе объ ихъ настроеніи и направленіи преподаванія. Онъ предъявлялъ всѣмъ наставникамъ требованія, чтобы они доставили ему свои лекціи или по крайней мѣрѣ подробные ихъ конспекты. Онъ бралъ къ себѣ для просмотра студенческія сочиненія, не только такъ называемыя курсовыя, но и семестровыя и мѣсячныя, и по нимъ старался опредѣлить направленіе студентовъ. Ему до-

---

[1]) Рѣчь митр. Арсенія на юбилеѣ Академіи. Тр Акад. 1869. ноябрь и декабрь, стр. 15.

ставлялись для предварительнаго просмотра статьи, предназначаемыя для напечатанія въ академическомъ журналѣ. Не нашедши ни въ корпораціи наставниковъ академіи, ни въ студентахъ ничего такого, что могло бы оправдывать зародившееся подозрѣніе противъ нея и набрасывать какую либо тѣнь на ея направленіе, онъ старался разсѣять недобрую молву о направленіи ввѣренной ему академіи, и оффиціально и неоффиціально дѣлалъ о ней самую лучшую рекомендацію. Увѣрившись въ добромъ направленіи академіи и сблизившись съ нею, преосв. Арсеній послѣ самъ высказывалъ, что онъ ѣхалъ въ Кіевъ съ предубѣжденіемъ противъ нея, и узнавши положеніе вещей долгомъ совѣсти считалъ защитить ее отъ подозрѣній, заходившихъ въ высшія сферы. Но во все послѣдующее время каждый частный фактъ изъ жизни академіи, въ которомъ онъ усматривалъ слѣдъ увлеченія ученіями не чисто-православными, вызывалъ его къ властному заявленію своей воли, не желавшей допускать въ подвѣдомой ему сферѣ ничего, могущаго набросить тѣнь на ея направленіе, хотя такіе случаи были чрезвычайно рѣдки.

Сроднившись съ академіею, преосв. Арсеній ревниво охранялъ ея честь и доброе имя. Когда хвалили предъ нимъ кіевскую академію или труды ея, онъ радъ былъ подобнымъ похваламъ и какъ бы относилъ ихъ къ своей собственной чести; напротивъ всякое осужденіе на академію, хотя бы самое незначительное, его смущало и безпокоило. Когда по порученію св. Синода произведена была ревизія академіи высокопреосвященнымъ Макаріемъ, ему болѣе чѣмъ кому либо изъ членовъ академической корпораціи было пріятно, что преосвященный Макарій остался доволенъ состояніемъ ввѣренной его попеченію академіи и далъ о ней хорошій отзывъ. Когда же затѣмъ, при началѣ ревизіи санктъ-петербургской академіи, кѣмъ-то пущена была въ печати молва, что преосв. Макарій, ревизуя санктъ-петербургскую академію, находитъ ее прекрасною во всѣхъ отношеніяхъ, луч-

ше кіевской и казанской, прежде имъ обозрѣнныхъ, преосв. Арсеній придалъ этой преждевременной молвѣ значеніе, какого она не имѣла, и видѣлъ здѣсь какъ бы униженіе для своей академіи,—между тѣмъ какъ сама академія къ этому печатному заявленію была совершенно равнодушна. При отправленіи преосв. Макарія для обозрѣнія московской академіи, покойный Арсеній выражалъ ревнивое опасеніе, не будетъ ли ревизія и этой академіи, какъ петербургской, не къ чести нашей академіи. При такомъ сочувствіи академіи, простиравшемся до ревнивой щепетильности, преосв. Арсеній не разъ являлъ такіе знаки теплаго участія къ ея положенію, о какихъ съ самою сердечною благодарностію долго будетъ помнить она, и о какихъ въ настоящее время было бы щекотливо объявлять во всеуслышаніе. Когда постигали ее какія либо критическія минуты, съ его стороны являлось истинно отеческое утѣшеніе и одобреніе и готовая поддержка.

Самое живое участіе оказывалъ преосв. Арсеній къ успѣхамъ духовной литературы и журналистики. Знаменательнымъ и вѣчнымъ свидѣтельствомъ этого участія останется его значительная жертва, внесенная въ неприкосновенный капиталъ академіи, на дѣло изданія книгъ и брошюръ богословскаго содержанія, написанныхъ въ духѣ православной вѣры и церкви, о которой намъ уже случалось упоминать. Кромѣ этого и другими доступными ему способами онъ содѣйствовалъ поощренію учено-литературной дѣятельности въ сферѣ, ему подвѣдомой. Въ первые годы своего управленія кіевскою епархіею онъ хотѣлъ имѣть вліяніе на направленіе академическаго журнала: съ этою цѣлію онъ требовалъ къ себѣ отъ редакціи „Трудовъ“ академіи статьи, приготовляемыя для печати, и иныя изъ нихъ задерживалъ или не допускалъ до печати, если замѣчалъ въ нихъ что либо смѣлое или пикантное. Хорошія статьи, замѣчатель-

ныя или по важности вопроса, въ нихъ затронутаго, или по силѣ мысли, въ нихъ выраженной, или по новости свѣдѣній, въ нихъ сообщаемыхъ, въ особенности же по основательному опроверженію какихъ либо фальшивыхъ мнѣній и теорій, несочувственныхъ его строго-православному сознанію, вызывали съ его стороны открытое заявленіе похвалы и одобренія: при встрѣчѣ съ авторомъ той или другой, понравившейся ему статьи, онъ не упускалъ случая поблагодарить автора и при этомъ попросить его трудиться болѣе и болѣе на пользу вѣры и науки, въ томъ же духѣ и направленіи.—Когда готово было закрыться Воскресное Чтеніе, издававшееся со времени Иннокентія при кіевской духовной академіи, что являлось почти необходимымъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ и требованіяхъ по отношенію къ изданіямъ ученой академической корпораціи, и при существованіи другаго журнала, на взглядъ многихъ болѣе удовлетворяющаго требованіямъ времени, преосв. Арсеній употреблялъ всѣ средства къ тому, чтобы не дать умереть журналу, долгое время служившему хорошею рекомендаціею для кіевской академіи и приносившему не малую пользу любителямъ назидательнаго чтенія: онъ дѣйствовалъ просьбами и убѣжденіемъ на тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ была судьба журнала, обѣщалъ матеріальное вспомоществованіе редакціи, когда представляли ему, что при малочисленности подписчиковъ трудно поддерживать его, выражалъ готовность административными мѣрами содѣйствовать увеличенію числа его подписчиковъ и т. под. Ему думалось, не будетъ ли безчестіемъ для академіи, если она сократитъ свою литературную дѣятельность, которую онъ находилъ полезною для общества, и въ этомъ опасеніи онъ ратовалъ противъ мысли о закрытіи Воскреснаго Чтенія, близкой къ осуществленію. Когда же, не смотря на его старанія о поддержаніи Воскреснаго Чтенія, оно закрылось при Академіи, онъ не мало скорбѣлъ объ этомъ, и не переставалъ искать людей, готовыхъ принять на себя из-

данiе закрывшагося журнала, обѣщая съ своей стороны возможную поддержку этому предпрiятiю, пока не вызвался на это нынѣшнiй издатель Воскреснаго Чтенiя Х. М. Орда, чѣмъ много обрадовалъ его.

Наука и литература вообще чрезвычайно интересовала преосв. Арсенiя. Всѣ свободные досуги, остававшiеся ему отъ разнообразныхъ занятiй по дѣламъ епархiальнаго управленiя, онъ посвящалъ чтенiю, и читалъ очень много. Лишь только являлась какая либо замѣчательная книга, онъ спѣшилъ прочитать ее; лишь только пріобрѣтала извѣстность какая либо новая теорiя, онъ старался познакомиться съ нею. Въ предметъ его занятiй входили книги не духовно-религiознаго характера только, но и свѣтскаго. Теченiе современныхъ идей, новыя направленiя, вопросы дня и отвѣты на нихъ—все это у него было въ ясномъ представленiи. Вслѣдствiе постояннаго чтенiя у него накопился богатый запасъ обширныхъ и разнообразныхъ свѣдѣнiй: разъ прочитанное счастливая память его, не ослабѣвшая до старости, надолго сохраняла въ живомъ сознанiи. Нужно замѣтить при томъ, что свѣдѣнiя, собираемыя чрезъ чтенiе, онъ воспринималъ не пассивно. Рано сложилось у него опредѣленное мiровоззрѣнiе, и о каждомъ научномъ произведенiи, о всякомъ новомъ взглядѣ, даже о каждой журнальной статьѣ, заслуживающей почему либо вниманiя, онъ высказывалъ свое самостоятельное сужденiе, и съ строгою критикою относился ко всему, что предлагала ему для чтенiя текущая литература. Многознанiе преосв. Арсенiя засвидѣтельствовалъ въ надгробной рѣчи Ректоръ Академiи Филаретъ, епископъ уманскiй, чаще другихъ имѣвшiй случай видѣться съ нимъ и бесѣдовать съ нимъ о разныхъ предметахъ. „Вступивъ на паству кiевскую уже въ преклонные годы своей жизни (говорилъ преосв. Филаретъ объ Арсенiѣ), ты показалъ себя предъ нами служителемъ вѣры, обладающимъ обширными и разносторонними свѣдѣнiями, особенно въ тѣхъ предметахъ, которые входятъ въ кругъ на-

шего ученія. Будучи свидѣтелями послѣдней шестнадцатилѣтней твоей дѣятельности, мы постоянно удивлялись сколько неутомимо-труженической твоей работѣ по дѣламъ обширнаго и многосторонняго управленія паствою, столько же и тому неослабному вниманію, съ какимъ ты неопустительно слѣдилъ за движеніемъ мысли въ области религіозно-научной. Въ бесѣдѣ съ тобою трудно было указать на какое либо новое произведеніе, касавшееся вѣры и судьбы Христовой церкви, съ которымъ бы ты не былъ уже знакомъ, и о которомъ не былъ бы готовъ дать свое сужденіе" [2]).

Литературныя сочувствія преосв. Арсенія были довольно опредѣленны. Онъ судилъ о вопросахъ науки и о всѣхъ учено-литературныхъ произведеніяхъ съ точки зрѣнія, которую можно приблизительно охарактеризовать именемъ консервативно-православной. Онъ цѣнилъ солидныя ученыя изслѣдованія, но только тѣ, которыя направлены были къ поддержанію вѣры, или которыя по крайней мѣрѣ въ общемъ направленіи не расходились съ началами христіанства, преданіями церкви и требованіями благочестія. Подозрительное направленіе, модничанье или либеральничанье въ наукѣ, особенно богословской, замѣченное имъ въ какомъ либо ученомъ произведеніи, вызывало съ его стороны осужденіе и порицаніе, и тамъ, гдѣ онъ видѣлъ какую либо вольность, его не подкупали никакія внѣшнія ученыя достоинства. Доброе, пожалуй строго-православное, направленіе въ его глазахъ была первая вещь, которой нужно искать въ литературномъ или ученомъ произведеніи, и по которой нужно оцѣнивать его значеніе; а внѣшнія достоинства, глубокая ученость, блестящее художество, логическая сила мысли предъ требованіями добраго направленія отступали у него на задній планъ, и безъ удовлетворенія послѣд-

---

[2]) Труды К. Акад. 1876. Іюнь, стр. 575—576

нимъ требованіямъ въ немъ способны были возбудить одно неудовольствіе. Онъ хотѣлъ учености солидной, уважающей незыблемыя основанія христіанства и опирающейся на нихъ, и былъ противъ учености, гоняющейся за измѣнчивыми мнѣніями свѣта. Когда онъ встрѣчалъ въ духовной журналистикѣ стремленіе къ примиренію свѣтской литературы съ духовною, то сомнительно покачивалъ головою при видѣ этого стремленія, и не стѣсняясь выражался, что добра не принесетъ это кокетливое заискиваніе у самонадѣянной и горделивой свѣтской литературы, а только скомпрометируетъ *нашихъ*, заставивъ ихъ поступиться многими добрыми сторонами, въ угоду непадежному миру. Онъ считалъ дѣломъ чести и благоразумія стоять на своемъ и отстаивать свое; а что будутъ говорить по этому поводу другіе, это уже не наше дѣло.

Наиболѣе всего отвѣчало вкусамъ преосв. Арсенія полемическое направленіе, отстаивающее начала вѣры и обличающее несостоятельность разныхъ фальшивыхъ взглядовъ и теорій, несочувственныхъ православію. Въ его духѣ много было пылкой ревности, по которой онъ любилъ являться ратоборцемъ за тѣ начала, въ святыню которыхъ онъ вѣровалъ. Жизненныя обстоятельства укрѣпили въ немъ это стремленіе. Какъ въ Тамбовѣ, такъ и въ юго-западномъ краѣ Россіи, во все продолженіе своего святительскаго служенія онъ видѣлъ предъ собою много враговъ православія и чувствовалъ потребность бороться съ ними всѣми возможными способами. Отсюда и въ его проповѣдяхъ, и въ тѣхъ немногихъ сочиненіяхъ, какими онъ занимался въ часы досуговъ, и въ устныхъ бесѣдахъ сильно выдается полемическая тенденція. Вслѣдствіе этого у него былъ самый живой интересъ къ полемикѣ и въ сочиненіяхъ другихъ и въ литературѣ вообще. Отъ полемики съ сектантствомъ и римскимъ католичествомъ этотъ интересъ, расширяясь, переходилъ къ полемикѣ съ раціонализмомъ, матеріализмомъ и всяческими антихристіанскими и антицерковными заблуж-

деніями. Ему нравились тѣ изданія, которыя съ бойкимъ и острымъ словомъ выступали на защиту началъ вѣры отъ нарочитыхъ или ненарочитыхъ нападеній на нихъ, и бичевали случайныя обмолвки, смѣлыя, но нетвердо поставленныя положенія, заносчивые взгляды и идеи сомнительнаго достоинства.

Во время управленія преосв. Арсенія кіевскою епархіею особенными днями торжества для него были два юбилейные праздника,—одинъ въ день пятидесятилѣтія кіевской духовной академіи со времени ея преобразованія въ 1819 году,—именно 28 сентября 1869 года, а другой по случаю совершившагося пятидесятилѣтія служенія самаго преосв. Арсенія въ священномъ санѣ, въ августѣ 1873 года. Въ оба эти юбилейныя торжества для собравшихся съ разныхъ концовъ Россіи открылись высокія качества покойнаго митрополита Арсенія, снискавшія къ нему общее расположеніе и уваженіе.

Юбилей 1869 года не былъ его личнымъ торжествомъ: то былъ праздникъ подвѣдомой ему академіи. Но онъ принималъ въ учрежденіи его и всѣхъ распоряженіяхъ, касающихся его, самое живое и непосредственное участіе, какъ начальникъ и попечитель академіи. Мы выше упоминали о тѣхъ денежныхъ пожертвованіяхъ, какія онъ принесъ академіи, по случаю ея юбилея, въ пособіе при изданіи книгъ и брошюръ богословскаго содержанія, и въ частности какія назначилъ на расходы по приготовленію къ празднованію юбилея. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ указать другія стороны его характера, обратившія на него вниманіе многочисленныхъ посѣтителей Кіева, по случаю академическаго юбилея. На академическій праздникъ явилось девять іерарховъ, представители ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній всей Россіи, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, бывшіе воспитанники кіевской академіи разныхъ курсовъ,

состоящіе на епархіальной, учебной и гражданской службѣ, ученыя лица, извѣстныя своими заслугами на пользу науки и своимъ сочувствіемъ успѣхамъ просвѣщенія, и представители общества, помнящіе важное значеніе кіевской академіи въ исторіи русскаго просвѣщенія. По отношенію къ всѣмъ гостямъ академіи преосв. Арсеній являлся самымъ радушнымъ и любезнымъ хозяиномъ. Не только іерархамъ, но и многимъ свѣтскимъ лицамъ онъ приготовилъ помѣщенія, и обязательно старался обставить возможными удобствами пребываніе каждаго изъ нихъ въ Кіевѣ. Далѣе ко всѣмъ, не только высшимъ по общественному положенію лицамъ, но и низшимъ онъ оказывалъ необыкновенную привѣтливость и вниманіе. Его простое, дружеское обращеніе со всѣми, его теплое участіе ко всѣмъ, желаніе каждаго обласкать и ко всѣмъ отнестись съ любовію и радушіемъ открыли въ немъ избытокъ сердечной доброты и благости, и всѣ, бывшіе на академическомъ юбилеѣ, вынесли изъ обращенія съ маститымъ лѣтами первосвятителемъ представленіе о немъ какъ самомъ гуманномъ, самомъ милостивомъ и доступномъ начальникѣ—архипастырѣ, невольно привлекающемъ къ себѣ всѣхъ, имѣющихъ случай близко стоять къ нему. Нѣкоторые изъ гостей академіи не могли удержаться, чтобы не высказать публично того пріятнаго впечатлѣнія, какое произвелъ на всѣхъ первосвятитель кіевскій, и не выразить къ нему отъ лица всѣхъ сердечной благодарности за радушное обращеніе со всѣми. Такъ на обѣдѣ, устроенномъ для всѣхъ академическихъ гостей преосвященнымъ митрополитомъ въ покояхъ лаврскихъ на третій день юбилея (30 сентября), профессоръ московскаго университета протоіерей Н. Сергіевскій высказался предъ нимъ: „Можно думать, что многіе изъ насъ, когда собирались въ Кіевъ по случаю праздника академіи, то разсчитывали время своего пребыванія въ Кіевѣ сообразно двумъ извѣстнымъ силамъ притяженія здѣшней сферы. Первая сила — это древняя святыня кіевская; вторая — это знаменитая академія кіевская. Но такъ разсчитавшіе свое

время издали, заранѣе,—видятъ теперь, что ошиблись въ разсчетѣ, и видятъ это съ особеннымъ удовольствіемъ. На мѣстѣ оказалось, что для нихъ здѣсь есть третья сила притяженія: это—личность первосвятителя кіевскаго, которая отечески привлекаетъ насъ и милостиво, благостно удерживаетъ окрестъ себя... Искреннее сыновнее благодареніе гостепріимному домовладыкѣ и за трапезу любви и, кромѣ трапезы, за любвеобильную назидательную бесѣду! Примите, милостивѣйшій Архипастырь, это слово отъ сердца, высказываемое однимъ, но, безъ сомнѣнія, имѣющееся на устахъ всѣхъ“ [1]). Тоже самое выразилъ и бывшій ректоръ московскаго университета С. М. Баршевъ. „Въ первый разъ (говорилъ онъ) довелось мнѣ быть въ Кіевѣ. И тепло и отрадно мнѣ въ той средѣ, душу которой составляете Вы, Высокопреосвященнѣйшій Владыко! Издали я глубоко уважалъ въ особѣ Вашей знаменитаго іерарха древне-православной русской церкви, а вблизи полюбилъ васъ всѣмъ сердцемъ, какъ человѣка. Высокими качествами Вашего ума Вы властвуете надъ умами, а безпримѣрною добротою Вашего сердца Вы покоряете сердца, и узнавши ближе Васъ, не знаешь, чему болѣе должно удивляться въ Васъ, за что болѣе чтить Васъ, за Ваши ли великія заслуги церкви или за то, что и на вершинѣ доступныхъ для Васъ почестей Вы не перестали быть человѣкомъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова. И благо Вамъ и благо и тѣмъ, которые имѣютъ счастіе состоять въ близкихъ отношеніяхъ къ Вамъ“ [2]). А покойный архимандритъ Іеронимъ Гепнеръ на всѣхъ торжествахъ любившій ораторствовать на латинскомъ языкѣ, заявилъ преосв. Арсенію, что благодарное чувство побудитъ всѣхъ гостей академіи всюду превозносить похвалами его снисходительную близость ко всѣмъ, его доброту

---

[1]) Труды Кіевск. дух. акад. 1869. Ноябрь и декабрь, стр. 39—40.

[2]) Тамъже, стр. 40—41.

и ласковость. „Omnes nos hospites Eminentiae Tuae.. (говорилъ онъ), qui venimus e variis regionibus celebrare semisaeculare festum Almae Matris Academiae kijovensis, non possumus Tibi, Eminentissime Archipraesul, humillimas intimasque gratias non reficere, ob benignitatem liberalitatemque, qua nos excipere dignatus fuisti.. Maneas persvasus, nos non omissuros, ubique locorum, et benignitatem et clementiam Tuam laudibus proferre“ [1]).

Черезъ четыре года послѣ юбилея академіи было личное торжество самаго преосвященнаго Арсенія, на которое также собрались въ Кіевъ изъ разныхъ концовъ Россіи многочисленные почитатели его имени. Желали почтить день исполнившагося достославнаго служенія кіевскаго архипастыря церкви и отечеству не одни члены кіевской паствы. Предъ приближеніемъ этого дня и изъ другихъ мѣстъ настойчиво заявляли мысль о необходимости ознаменовать этотъ день приличнымъ торжествомъ. Уступая жеманію паствы и многочисленнымъ заявленіямъ изъ другихъ мѣстъ, преосв. Арсеній согласился принять юбилейное торжество. День юбилея онъ самъ назначилъ на 6-го августа (1873 года), въ какое число пятьдесятъ лѣтъ назадъ онъ въ первый разъ совершалъ божественную литургію въ санѣ іеромонаха, бывъ рукоположенъ наканунѣ 5 августа, которое какъ въ 1823 году, такъ и въ 1873 мъ приходилось въ воскресенье. Въ торжествѣ маститаго Архипастыря кіевскаго приняла участіе, можно сказать, вся русская православная церковь. По случаю исполнившагося пятидесятплѣтія служенія Арсенія отечественной церкви удостоилъ его лестнымъ рескриптомъ Государь Императоръ. и желая почтить отличныя заслуги и полувѣковые неутомимые труды его на пользу церкви и отечества, Всемилостивѣйше пожаловалъ ему панагію, украшенную драгоцѣнными каменьями. Вмѣ-

---

1) Тамъ же, стр. 41.

стѣ съ милостивымъ царскимъ словомъ преосв. Арсеній получилъ выраженіе сочувствія и освятительное благословеніе и отъ верховнаго священноначалія россійской церкви. Ко дню юбилея съ разныхъ сторонъ съѣхались въ Кіевъ святители, бывшіе прежде его учениками или сослужи-вцами, и связанные съ нимъ братскою любовію, чтобъ въ знаменательный для Арсенія день выразить предъ нимъ чувства глубокой признательности къ нему за его прежнія отношенія къ нимъ и чувства высокаго уваженія, какія внушалъ всѣмъ старѣйшій изъ русскихъ іерарховъ своею энергическою и многоплодною дѣятельностію на пользу церкви, православія и духовнаго просвѣщенія. Присланы были депутаціи отъ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ провидѣніе указывало ему идти по путямъ жизни и нести бремя возлагаемаго на него служенія,—изъ Костромы—мѣста его родины и первоначальнаго воспитанія, Каменецъ-Подольска, Волыни и Варшавы. Почти всѣ русскіе архипастыри прислали ему сочувственныя поздравленія. Съ адресами обратились къ нему высшія духовно-учебныя заведенія и многія семинаріи; адресы подносило ему духовенство не только кіевской епархіи, но и многихъ другихъ а также и многія частныя лица, имъ облагодѣтельствованныя, и исполненныя признательности и уваженія къ нему. Кіевское городское духовенство съ многими депутатами отъ уѣзднаго духовенства кіевской епархіи, служащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ города Кіева въ полномъ составѣ приняли участіе въ торжествѣ своего архипастыря. Далѣе все мѣстное свѣтское чиноначаліе явилось къ нему для засвидѣтельствованія своего сыновняго почитанія и принятія отъ него благословенія. Ректоръ Университета св. Владиміра, явившись во главѣ депутаціи отъ высшаго мѣстнаго учебнаго заведенія, поднесъ ему дипломъ на званіе почетнаго члена Университета. Множество лицъ, явившихся для принесенія поздравленія преосв. Арсенія въ день исполнившагося пятидесятилѣтія его служенія церкви, множество полученныхъ

имъ въ этотъ день адресовъ, привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ отъ разныхъ учрежденій, лицъ и мѣстъ свидѣтельствовало о томъ широкомъ сочувствіи, какое успѣлъ возбудить преосв. Арсеній во всѣхъ, знавшихъ его, своею личностію, характеромъ и дѣятельностію, и о томъ глубокомъ признаніи его заслугъ на пользу отечественной церкви, духовенства и духовнаго просвѣщенія, какое заявить предъ нимъ сочли долгомъ представители разныхъ слоевъ общества. Преосв. Арсеній, по собственнымъ словамъ его, *былъ глубоко тронутъ выраженіями общаго вниманія и сочувствія къ нему* [1]), и самъ съ своей стороны какъ нельзя болѣе былъ внимателенъ и любезенъ ко всѣмъ, пріѣхавшимъ почтить день его юбилея. Съ особенно—отраднымъ чувствомъ онъ обращался къ депутатамъ костромскаго духовенства, между которыми были нѣкоторые сверстники его по лѣтамъ, товарищи по училищному и семинарскому образованію. Какъ ни велика была разница въ общественномъ положеніи между нимъ, старѣйшимъ изъ русскихъ іерарховъ, и прежними его товарищами по воспитанію,—простыми сельскими священниками или протоіереями, но онъ въ обращеніи съ ними какъ бы забывалъ свой санъ и ставилъ себя къ нимъ въ отношенія стараго и давняго пріятеля. Съ явленіемъ ихъ ожили въ немъ воспоминанія дѣтства, и онъ при видѣ ихъ съ благодарнымъ умиленіемъ предъ Богомъ обращался ко всѣмъ пережитымъ имъ въ былые годы не только радостямъ, но и печалямъ. Любовь къ родинѣ и чувство землячества, всегда сильныя у него, въ бесѣдахъ съ костромичами, пріѣхавшими на его юбилей, проявлялись въ особенно мягкихъ и задушевныхъ формахъ. О всѣхъ, когда-то знаемыхъ имъ, онъ вспоминалъ какъ родной, распрашивалъ, кто изъ нихъ, гдѣ и какъ живетъ, интересовался знать что—либо о дѣтяхъ и внукахъ того или другаго извѣстнаго ему товарища или просто костромича.

---

[1]) Пятидес. юбилей митр Арсенія, стр. 37.

На юбилеѣ 1873 года преосв. Арсеній поразилъ всѣхъ не одною любезностію, простотою и гуманностію обращенія, какъ на юбилеѣ Академіи 1869 года, но еще болѣе неутомимою энергіею. И молодыя силы не выдержали бы такъ бодро того необыкновеннаго напряженія, какое показалъ старецъ—митрополитъ, праздновавшій день исполнившагося пятидесятилѣтія своего служенія. День преображенія 1873 года съ утра до ночи онъ не только былъ на ногахъ, но и въ духовной работѣ, требовавшей отъ него полнаго вниманія, и между тѣмъ не показывалъ никакой усталости. Послѣ продолжительной службы въ лаврскомъ успенскомъ соборѣ, къ которой онъ долженъ былъ предварительно приготовляться, начавшейся въ десятомъ часу утра и окончившейся въ часъ по полудни, преосв. Арсеній въ архіерейской мантіи возвратился въ свои покои, и выслушавъ краткую литію, тотчасъ же, не скидая мантіи, обратился лицомъ къ народу, и преподавъ ему благословеніе, началъ принимать поздравленія и привѣтствія. Привѣтствій, приносимыхъ юбиляру, было очень много, и они продолжались около двухъ часовъ. Преосв. Арсеній не только выслушивалъ внимательно эти привѣтствія, но на каждое привѣтствіе отвѣчалъ соотвѣтственнымъ словомъ благодарности, и не краткимъ, а болѣе или менѣе обильнымъ. И эти отвѣты были тѣмъ замѣчательнѣе, что они говорились безъ приготовленія. По окончаніи всѣхъ привѣтствій и частныхъ отвѣтовъ на нихъ со стороны юбиляра, онъ обратился ко всѣмъ, собравшимся для принесенія ему поздравленія, съ обширною рѣчью, въ которой исповѣдывалъ пути промысла Божія, видные въ его жизни, благодарилъ всѣхъ за благосклонное участіе въ его торжествѣ, и за любовь къ нему, выраженную въ этомъ участіи, и обѣщая молиться за всѣхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ преподавалъ собравшимся уроки любви и смиренія. Около трехъ часовъ кончился оффиціальный пріемъ поздравителей, и преосв. Арсеній, скинувъ мантію, минутъ черезъ пять или десять послѣ того, явился на обѣдъ, пред-

ложенномъ имъ гостямъ своимъ, и во время обѣда онъ велъ неумолкаемую и оживленную бесѣду, и за тѣмъ, когда въ концѣ обѣда начались тосты, онъ сопровождалъ эти тосты краткими рѣчами, которыя заключилъ длиннымъ обращеніемъ ко всему кіевскому обществу. Обѣдъ кончился въ седьмомъ часу вечера, но и тогда преосв. Арсеній не показывалъ утомленнаго вида, и какъ бы не чувствовалъ нужды въ отдохновеніи. Онъ оставилъ у себя почетнѣйшихъ изъ гостей, и въ бесѣдѣ съ ними заключилъ достопамятный день своего юбилея. Люди, мало знавшіе преосв. Арсенія, дивились такой необыкновенной бодрости маститаго іерарха; но близко стоявшіе къ нему замѣчали, что день 6-го августа 1873 года не единственный свидѣтель его необыкновеннаго напряженія и неустанной энергіи.

На своемъ пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ преосв. Арсеній къ будущему простиралъ свою мысль, что и естественно въ такіе годы, когда жизнь его достигала послѣдняго предѣла жизни человѣческой, и въ такой часъ, когда воспоминался длинный путь общественно-церковнаго служенія,— такой длинный, какой пройти даруется промысломъ только рѣдкимъ людямъ. Онъ думалъ о предѣлѣ пятидесятилѣтняго служенія въ санѣ архіерейскомъ, до котораго въ то время не доставало еще восьми лѣтъ, и котораго, по его словомъ, не захотѣла ожидать любовь его паствы и его почитателей, чтобы заявить ему свое сочувствіе. Тогда, по его замѣчанію, случай, вызвавшій торжество 6 августа 1873 года, достигъ бы своей полноты и зрѣлости. И судя по его крѣпости и здоровью, не смотря на преклонные его годы, можно было надѣяться, что онъ легко и безболѣзненно пройдетъ сравнительно не длинную часть пути, остающуюся до намѣченнаго имъ предѣла. Но Богъ судилъ иначе, и воззвалъ его къ себѣ черезъ три года послѣ празднованія исполнившагося пятидесятилѣтія его служебной дѣятельно-

сти въ санѣ священства, и онъ не достигъ полноты священноначальственнаго пятидесятилѣтія, до исполненія которой празднованіе юбилея ему казалось преждевременнымъ.

Старость преосв. Арсенія была безболѣзненная и бодрая. И въ преклонные годы онъ обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ, и обнаруживалъ неустанную энергію во всемъ. Надѣясь на свои, неослабѣвшія съ лѣтами, силы, онъ мало думалъ о сбереженіи и сохраненіи своего здоровья, и почти не зналъ ни докторовъ, ни лекарствъ. Онъ не боялся простуды, и въ зимнее время не отказывался служить въ холодныхъ церквахъ, когда его приглашали въ дни храмовыхъ праздниковъ, и на этотъ разъ не старался одѣваться особенно тепло. Діэтическія правила для него не существовали, и даже въ холерное время, когда всѣ и молодые соблюдаютъ особенную разборчивость въ пищѣ, онъ нимало не измѣнялъ своего обычнаго стола, не отличавшагося ни изысканностію, ни легкостію, и если представлялся ему случай обѣдать не дома, а гдѣ либо на сторонѣ, онъ ни отъ чего не отказывался, и не хотѣлъ знать никакихъ предписаній гигіенической осторожности. Вмѣсто всякихъ лекарственныхъ и крѣпительныхъ средствъ у него служило частое употребленіе бани, и онъ любилъ при этомъ, по разсказамъ, паръ такой высокой температуры, какая невыносима была для людей болѣе слабыхъ и непривычныхъ, и послѣ такой жаркой бани онъ отнюдь не считалъ необходимымъ закупориваться себя въ теплыхъ комнатахъ. Года за три до его смерти, предъ его отъѣздомъ въ Петербургъ въ довольно многочисленномъ собраніи у о. намѣстника лавры по случаю его именинъ (19 ноября) въ первый разъ онъ, хотя и случайно, но отъ сердца высказалъ мысль о томъ, что ему недолго придется дожидаться смерти. Началъ онъ освѣдомляться о количествѣ лѣтъ, прожитыхъ тѣмъ или другимъ изъ старѣйшихъ членовъ собранія, и когда каждый изъ такихъ далъ ему отвѣтъ на его вопросъ, онъ сказалъ: „значитъ, здѣсь нѣтъ никого старше

меня; потому что мнѣ семьдесятъ семь лѣтъ". По этому случаю нѣкоторые изъ присутствовавшихъ позволили себѣ выразить удивленіе, что онъ въ такихъ лѣтахъ сохраняетъ такую бодрость и крѣпость силъ какъ тѣлесныхъ, такъ и духовныхъ, и показываетъ такую энергію, при видѣ которой становится стыдно за нашу дряблую молодежь. Преосв. Арсеній, снисходительно выслушавъ такую похвалу, покачалъ головою, и, глубоко вздохнувъ, замѣтилъ: „нѣтъ, не знаете вы, что значитъ бороться съ лѣтами. Я чувствую, что силы мои не тѣ, что прежде, и что ноги не долго будутъ носить меня. Вы не смотрите на то, что я здоровъ повидимому. Такіе старики, какъ я, обыкновенно скоропостижно умираютъ". Но это случайный эпизодъ, на нашей памяти единственный, когда преосв. Арсеній обратилъ вниманіе своихъ собесѣдниковъ на близкій конецъ свой. Обыкновенно онъ не любилъ обращаться своею мыслію предъ другими въ какихъ бы то ни было собраніяхъ къ представленію близости послѣднихъ дней своихъ. Можетъ быть, безболѣзненная старость, данная ему промысломъ, мало располагала его къ подобнымъ представленіямъ, или онъ не хотѣлъ смущать своихъ собесѣдниковъ печальными мыслями о смерти. Въ этомъ отношеніи онъ представлялъ прямую противоположность своему предшественнику покойному митрополиту кіевскому Филарету. У покойнаго Филарета въ послѣдніе годы его жизни мысль о смерти и ея близости для него всплывала на верхъ всѣхъ его представленій, и ее онъ высказывалъ и случайнымъ и не случайнымъ посѣтителямъ своимъ, въ большихъ и малыхъ собраніяхъ. Бывая на экзаменахъ въ академіи, нѣсколько разъ, изъ году въ годъ повторялъ онъ, что уже въ послѣдній разъ онъ въ академіи, давая понять, что онъ давно ждетъ дня своей кончины.

Первая болѣзнь, постигшая преос. Арсенія, случилась весною 1875 года. Кіевская паства, услышавъ въ великій четвергъ молитвы, возносимыя въ церкви, о выздоровленіи

болящаго митрополита Арсенія, смутилась этимъ обстоятельствомъ. Слухи о болѣзни митрополита показались ей тѣмъ болѣе зловѣщими, что до этого времени она привыкла видѣть своего Архипастыря всегда здоровымъ, и что по общимъ примѣтамъ болѣзнь для человѣка, никогда не болѣвшаго, всегда опаснѣе, чѣмъ человѣка слабаго, свыкшагося съ болѣзнію. Но болѣзнь прошла, и преосв. Арсеній возвратился изъ Петербурга въ Кіевъ по прежнему здоровый и бодрый, и при видѣ его тревожныя опасенія за его жизнь, явившіяся при первыхъ слухахъ о его болѣзни, совершенно исчезли. Думалось всѣмъ, что еще долго Кіевъ будетъ имѣть его своимъ архипастыремъ. Въ концѣ 1875 года зимою онъ отправился въ Петербургъ, для обычныхъ засѣданій въ Синодѣ въ зимніе мѣсяцы, веселый и бодрый, и когда являлся онъ въ собраніяхъ въ послѣдніе мѣсяцы своего пребыванія въ Кіевѣ, всѣ видѣли его въ самомъ лучшемъ и спокойномъ расположеніи духа. Простившись съ нимъ, Кіевъ надѣялся, что весною онъ увидитъ его въ той крѣпости силъ, въ какой всегда привыкъ его видѣть. Между тѣмъ весною 1876 ему суждено было срѣтать бренные останки своего архипастыря, скончавшагося въ Петербургѣ въ ночь съ 27 го на 28-е апрѣля. Ровно черезъ годъ съ нимъ повторилась прежняя болѣзнь, и свела его въ могилу.

Вѣсть о смерти преосв. Арсенія, быстро разнесшаяся повсюду, поразила своею неожиданностію всѣхъ, его знавшихъ; такъ какъ этой вѣсти не предваряли слухи о его болѣзни, и такъ какъ всѣмъ извѣстна была замѣчательная крѣпость и бодрость его физическихъ силъ, при которой не страшенъ былъ и восьмидесятилѣтній его возрастъ. Но преосв. Арсеній, хотя никому не любилъ говорить о близкомъ концѣ своей жизни, въ душѣ своей готовился въ иной путь, и какъ бы предчувствовалъ приближеніе своей кончины. Выраженіе этого предчувствія видно въ письмахъ его къ своему бывшему духовнику іеромонаху Гервасію, изъ Печерской лавры перешедшему на Аѳонъ въ Пантелеймо-

новъ монастырь, напечатанныхъ въ Домашней Бесѣдѣ [1]). Отвѣчая ему на благожелательныя привѣтствія по случаю праздника Рождества Христова и по случаю свѣтоноснаго Воскресенія Христа Спасителя, къ обычной благодарности, писанной рукою письмоводителя, преосв. Арсеній дѣлаетъ собственно-ручную приписку, въ одномъ письмѣ не очень длинную, а въ другомъ гораздо большую самаго письма. Въ первомъ письмѣ (отъ 9 января 1876 года) онъ проситъ своего бывшаго духовника *помолиться* за него *предъ св. великомученикомъ Пантелеимономъ цѣлителемъ: въ истекшемъ году* (замѣчаетъ онъ) *я цѣлый мѣсяцъ былъ болѣнь лихорадкою съ желудочными катаррами, да и теперь еще не совсѣмъ выздоровѣлъ*, а въ другомъ, писанномъ за двѣнадцать дней до смерти (15 апрѣля 1876 года), упомянувъ благоволительно о намѣреніи іеромонаха Гервасія принять схиму, проситъ у него какъ бы предсмертнаго разрѣшенія всѣхъ грѣховъ своихъ. „Ставъ въ это блаженнотворное и постоянное молитвенное состояніе (пишетъ Арсеній бывшему духовнику своему), не забудьте, возлюбленный, и насъ грѣшныхъ, и меня, и лавру и всю кіевскую паству въ молитвахъ своихъ. Какъ Вы были здѣсь вмѣстѣ и моимъ духовнымъ отцомъ, то прошу Васъ, возлюбленный, всѣ мои грѣхи вѣдѣнія и невѣдѣнія, достаточно или недостаточно на исповѣди высказанные, своею духовною силою и властію разрѣшить и простить мнѣ, такъ какъ, по Вашимъ словамъ, и Ваше здоровье становится хилымъ, да и мое непрочно. Впрочемъ да будетъ во всемъ надъ Вами и надъ нами премудрая и всеблагая воля Божія. Вѣмъ бо, яко любящимъ Бога вся споспѣшествуютъ во благое“.

Событія скоро показали, что преосв. Арсеній не напрасно дѣлалъ такія какъ бы предсмертныя обращенія къ своему бывшему духовнику, какія мы привели изъ письма

---

[1]) Дом. Бесѣд 1876. Выпускъ 35 стр 856—7.

его отъ 15 апрѣля 1876 года. Чрезъ два дня послѣ отправленія этого письма, именно 17 апрѣля, обнаружились первые приступы смертельной болѣзни: во время молебствія въ этотъ день, какое онъ совершалъ совмѣстно съ членами св. Синода въ Исаакіевскомъ соборѣ по случаю дня рожденія Государя Императора, онъ такъ ослабѣлъ, что не могъ самъ идти и иподіаконами на рукахъ внесенъ былъ въ алтарь съ средины церкви. Но собравшись съ силами не поѣхалъ домой по окончаніи молебна, какъ совѣтовали ему другіе члены Синода, вмѣстѣ съ нимъ служившіе молебенъ, а вмѣстѣ съ другими отправился во дворецъ для принесенія поздравленія Государю Императору. Возвратившись изъ дворца на свое подворье, преосв. Арсеній чувствовалъ себя здоровымъ, такъ что отказался отъ врачебной помощи и по прежнему занимался дѣлами. Въ Кіевѣ получались отъ него обычнымъ порядкомъ и частныя письма и оффиціальныя бумаги съ его резолюціями съ помѣтками чиселъ до 26 апрѣля включительно, и въ этихъ письмахъ и резолюціяхъ не измѣняла ему ни рука, также твердая, какъ прежде, ни мысль, также точная и обстоятельная, какъ прежде. 24 апрѣля покойный митрополитъ согласился принять доктора, но какъ бы не-хотя и не видя особенной нужды въ совѣтахъ медика и леченіи. Между тѣмъ 26 апрѣля, въ два часа по полудни, онъ пораженъ былъ апоплексическимъ ударомъ и скоро впалъ въ безсознательное состояніе, съ параличемъ языка и лѣвой половины тѣла. Медицинская помощь не могла оказать никакого пособія: 27-го апрѣля въ часъ по полудни положеніе его признано было безнадежнымъ, а въ два часа по полуночи 28 апрѣля онъ перешелъ въ вѣчность, поживъ на землѣ восемьдесятъ лѣтъ безъ одного мѣсяца.

Таковъ былъ мирный конецъ долголѣтней труженической жизни митрополита кіевскаго Арсенія. Смерть его была для него тѣмъ же, чѣмъ служитъ сладкій сонъ для работающаго, какъ сказано въ одной изъ проповѣдей, произнесенныхъ надъ его гробомъ. „Кто провелъ день въ полезномъ и

добросовѣстномъ трудѣ (говорилъ надъ его гробомъ замѣчательный кіевскій проповѣдникъ протоіерей Н. А. Ѳаворовъ), тотъ сладко засыпаетъ вечеромъ, и никакія заботы не возмущаютъ больше его покоя. Этотъ временный покой есть образъ покоя вѣчнаго, начинающагося для добрыхъ тружениковъ въ земной жизни съ ихъ смертію. Земная жизнь для каждаго изъ насъ есть срокъ дѣланія или день труда; конецъ настоящей жизни—начало вѣчнаго покоя для тѣхъ, которые старались всѣми силами выполнить здѣсь свою задачу и не переставали трудиться, пока не насталъ послѣдній срокъ ихъ работы. И блаженъ, кто въ этотъ срокъ можетъ сказать въ душѣ своей хотя нѣчто подобное тому, что говоритъ о себѣ великій апостолъ, приближаясь къ послѣднему предѣлу земной жизни своей: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ: прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, его же воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія* (II Тим. IV, 7.). Сладокъ, уповаемъ, сонъ и тебѣ, почившій архипастырь нашъ, потому что и ты отъ утра до вечера твоей жизни работалъ усердно и непрерывно, посвящая всѣ свои силы и дарованія выполненію своего долга... Кончина твоя—блаженный покой для тебя, и мы можемъ безбоязненно приложить къ тебѣ то апостольское слово, лучше котораго не можетъ быть никакой надписи на гробѣ усопшаго: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ*“ [1]).

Умершій скоропостижно, преосв. Арсеній не оставилъ ясно выраженной воли ни касательно своего имущества, ни касательно своего погребенія. Имущества послѣ него осталось не такъ много, какъ полагали иные, соображая тѣ доходы, какіе онъ получалъ въ Кіевѣ какъ отъ митрополитанской каѳедры, такъ въ особенности отъ кіево-печерской лавры, которой онъ былъ настоятелемъ. Весь денежный ка-

---

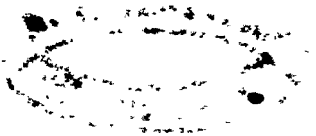
[1]) Тр. Кіев. Ак. 1876. Іюнь, стр 559.

питалъ, оставшійся послѣ него, простирался всего до суммы 14.000 рублей,—значительно меньшей, чѣмъ какая составляла его годовой доходъ. Эта незначительность оставшагося послѣ покойнаго Арсенія имущества объясняется тѣмъ, что значительныя суммы изъ своихъ доходовъ онъ употреблялъ на дѣла благотворенія. Въ послѣдніе три года онъ вовсе не бралъ слѣдуемой ему части отъ лаврской кружки, и всю эту часть предназначалъ на пользу самой лавры. Купивши въ Петербургѣ на имя кіево-печерской лавры подворье, принадлежавшее псковскому архіерейскому дому, за восемьдесятъ тысячъ рублей, онъ предполагалъ построить на землѣ, купленной вмѣстѣ съ этимъ подворьемъ, огромное зданіе, на построеніе коего требовалось, кажется, по составленной смѣтѣ болѣе шестисотъ тысячъ рублей, и уже все было приготовлено къ тому, чтобы начинать предполагаемую работу, когда насталъ день его смерти. Такъ какъ свободныхъ суммъ въ лаврѣ не было не только на эту постройку, но даже и на уплату за купленное подворье и на необходимый ремонтъ пріобрѣтеннаго готоваго дома, то преосв. Арсеній всѣ средства, какія доставляла ему лавра за послѣдніе годы, назначалъ на свое новое петербургское подворье, которое со временемъ должно было съ избыткомъ покрыть суммы, на него предназначенныя. Жертвуя самъ большія суммы на это дѣло, онъ выражалъ желаніе, чтобы и братія лавры отказались отъ части своихъ доходовъ для болѣе легкаго доведенія до конца того тяжелаго предпріятія, которое его занимало. Съ смертію его рушилось предпріятіе задуманной имъ постройки. Лавра не вполнѣ сочувствовала этому предпріятію своего настоятеля: за отсутствіемъ свободныхъ суммъ, ей казалась непосильною замышляемая колоссальная постройка, и разсчеты на большіе барыши въ будущемъ должны были уступить мысли о трудности изысканія громадныхъ средствъ, нужныхъ на покрытіе расхода, выходящаго изъ сферы обычныхъ хозяйственныхъ распоряженій лаврскаго управленія.

Преосв. Арсеній скончался вдали отъ своей паствы; но кіевская страна, на свѣщницѣ которой стоялъ онъ впродолженіи цѣлыхъ шестнадцати лѣтъ, не хотѣла лишиться дорогихъ для нея останковъ чтимаго ею архипастыря, и исходатайствовала согласіе на перенесеніе тѣла почившаго изъ Петербурга въ Кіевъ для погребенія его на мѣстѣ послѣдняго служенія его. Ходатайствуя объ этомъ, представители кіевской паствы думали тѣмъ исполнить волю своего покойнаго Владыки. Скорая смерть не дала ему возможности въ послѣднія минуты сказать что либо о своемъ погребеніи. По Кіеву задолго до его смерти извѣстно было мѣсто, какое онъ предназначалъ для своего вѣчнаго упокоенія. Еще въ первый годъ своего архипастырства на кіевской каѳедрѣ преосв. Арсеній указалъ мѣсто для своей могилы въ крестовоздвиженской лаврской церкви, что при входѣ въ ближнія пещеры, въ которой похороненъ его предмѣстникъ покойный митрополитъ Филаретъ. Когда онъ, вскорѣ по прибытіи въ Кіевъ, отслуживъ панихиду надъ могилою своего предшественника, поклонялся его праху, почивающему въ крестовоздвиженской церкви съ правой стороны недалеко отъ входа, ему сообщили, что покойный Филаретъ назначилъ было мѣсто для своей могилы съ лѣвой стороны храма, почти у самаго входа въ пещеры, и что настоящая могила устроена для него по случайной ошибкѣ. На это сказалъ преосв. Арсеній: „такъ пусть же мѣсто, указанное преосвященнымъ Филаретомъ, будетъ для моей могилы“ [1]). Такимъ образомъ въ могилѣ, предуказанной преосв. Арсеніемъ за шестнадцать лѣтъ до его смерти, недалеко отъ могилы своего предшественника Филарета, предъ дверью ведущею въ пещеры, гдѣ почиваютъ десятки праведниковъ, прославленныхъ церковію, будетъ покоиться прахъ его до всеобщаго воскресенія.

[1]) Руководство для сельскихъ пастырей. 1876. № 2[illegible] стр. 106—7.

Кіевская Духовная Семинарія



15) Христіанская наука, или основанія св. герменевтики, твореніе блаж. Августина. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. *(вм. 90 к.)*

16) Ученіе св отцевъ подвижниковъ о благодати Божіей. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. *(вм. 65 к.)*

17) Императоръ Ѳеодосій. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. *(вм. 45 к.)*

18) Императоръ Юстиніанъ и его заслуги для церкви. Ц. 25 к., съ пер. 35 к. *(вм 65 к.)*

19) Софроній патріархъ іерусалимскій. Ц. 25 к., съ пер. 35 коп. *(вм 55 к.)*

20) Михаилъ Керулларій. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп. *(вм 65 к.)*

21) О времени крещенія св. Ольги. Ц. 10 к., съ пер. 16 коп.

22) Кіевъ съ его древнѣйшимъ училищемъ Академіею. В. И. Аскоченскаго. Два большихъ тома. Ц. 1 руб. съ пер. 1 руб. 50 коп *(вм 3 руб.)*.

23) Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ. Ц 25 коп., съ пер. 35 к. *(вм 75 к.)*

24) О чинѣ православія Ц. 25 к., съ пер. 35 коп. *(вм. 65 к.)*

25) О первоначальномъ переводѣ св. Писанія на славянскій языкъ. Ц. 10 коп., съ пер. 20 коп. *(вм. 30 к.)*

26) Библейская хронологія. Ц 60 коп , съ пер. 75 коп.

27) Польская грамматика. Ц. 25 к. съ пер. 35 к. *(вм 45 к.)*

28) Собраніе сочиненій студентовъ Кіевской дух. Академіи. Т. 1-й. Ц. 75 к. съ перес 1 р. *(вм. 1 р. 25 к.)*

---

29) Ученіе о церкви въ первые три вѣка христіанства. Архимандрита Сильвестра. Цѣна 1 р. 20 коп , съ пер. 1 р 50 коп.

30) О книгѣ премудрости Соломона. Д. В. Поспѣхова. Ц. 2 руб., съ пер. 2 руб. 50 к. *(вм. 3 р.)*.

31) Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви, т. 1-й, Ив. Игнат. Малышевскаго. Ц. 3 р. съ перес 3 р. 50 к. *(вм. 4 р.)*

32) Руководство къ начальному обученію. Ц. 50 к. съ пер 60 к. *(вм. 70 к.)*

33) Обзоръ философскихъ ученій. П. Ив. Линицкаго. Ц. 1 р. 25 коп. *(вм. 1 р. 60 к.)*

34) Ученіе Платона о божествѣ. П. И. Линицкаго. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.

35) Философія отцовъ и учителей церкви (періодъ древнихъ апологетовъ христіанства). К. Ив. Скворцова. Ц. 1. р. 85 коп , съ пер. 2 руб.

36) Объ авторѣ сочиненій, извѣстныхъ съ именемъ св. Діонисія Ареопагита. К Ив Скворцова. Ц 65 к., съ пер. 80 коп.

37) Блаженный Августинъ, какъ психологъ. К. Ив. Скворцова. Ц. 1 руб. 30 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.

38) Записки по церковному законовѣдѣнію. Прот. И. М. Скворцова, изд. 4-е. Ц. 90 коп., съ пер. 1 р. 5 коп.

39) О видахъ и степеняхъ родства. Прот. И. М. Скворцова. Цѣна 35 к. съ пер. 45 коп.

40) О происхожденіи и составѣ римско-католической литургіи и отличіи ея отъ православной. Ив. М. Бобровницкаго. Цѣна 65 коп., съ пер. 80 коп.

41) Синайское дѣло. А. Д. Воронова. Ц. 80 к., съ пер. 90 коп.

42) Сборникъ изъ лекцій бывшихъ наставниковъ Кіевс ой духовной Академіи, архимандрита Иннокентія, прот. Ив. М. Скворцова, П. С Авсеньева (архимандрита Ѳеофана) и Я К Амфитеатрова Ц 2 р. 50 коп. *(вм 3 р 40 к.)*

43) Объ отношеніи древней христіанской церкви къ римскому государству. П. А. Лашкарева Ц 30 к *(вм. 40 к.)*

44) Кіевская архитектура въ X—XII в.в. П. А. Лашкарева, ц. 30 к.

45) Бекон Веруламскій. Куно-Фишера (съ портретомъ Бекона) Ф. А. Терновскаго. Ц. 20 к., съ перес 30 к. *(вм 40 к.)*

46) Изученіе византійской исторіи и ея приложеніе въ древней Руси. Ф А. Терновскаго *(1-й выпускъ весь распроданъ)*. Выпускъ 2-й. 1876 г. Цѣна 1 р. 50 к.

47) Общедоступная христіанская библіотека, т 1-й. Послѣдніе дни Іерусалима. Переводъ протоіерея К. Л. Кустодіева. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 15 коп.

48) Пособіе къ изученію евангельской исторіи. Д. Державина Ц. 50 коп., съ пер. 60 коп.

49) О богослуженіи воскресномъ и праздничномъ въ соединенной церкви Англіи и Ирландіи. Кіевъ. 1870 г. Ц. 25 коп., съ пер. 35 коп.

50) Очерки быта древнихъ евреевъ. Ц. 50 коп., съ пер. 65 к.

51) Патріархъ Кириллъ Лукарисъ. Архимандрита Арсенія. Ц. 75 к.

52) Св. Григорій Палама, митрополитъ солунскій. Архимандрита (нынѣ Епископа) Модеста. Цѣна 75 коп.

53) Апокрисисъ Христофора Филалета и исторія Флорентійскаго Собора. (большой томъ болѣе 600 страницъ). Цѣна три рубля.

54) Ветхозавѣтная исторія. Прот. И. М Скворцова. Ц. 70 коп.

55) О богослуженіи православной церкви. И. М. Скворцова. Ц. 80 к.

56) Призваніе Авраама и церковно-историческое значеніе этого событія. Н. Ив. Щеголева. Цѣна съ перес. 1 р. 20 к.

57) Правило пастырское св. Григорія В. Двоеслова. Перев. Д. А. Подгурскаго Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылк.

58) Адріанка. Комедія Теренція. Переводъ Д. А. Подгурскаго. Цѣна 50 к. съ перес.

59) Описаніе рукописей церк.-археологич. музея при Кіевской Академіи. Н. И. Петрова. Вып. 1-й. 1875 г. Цѣна 1 р 50 к., съ перес. 1 р. 75 коп.

60) О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога. Н. И. Петрова. 1875 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

61 Судьбы древнихъ памятниковъ св. земли А. А. Олесницкаго Ц 35 к.

62) Св земля. А. А. Олесницкаго (болѣе 35 печатныхъ листовъ *съ рисунками и планомъ грунта Іерусалима*). 1875 г. Цѣна 2 р. 50 к.

63) Отвѣтъ на предложенную старокатоликами схему о Св. Духѣ. Архимандрита Сильвестра. 1875 г. Ц. 1 руб.

64) Кіевъ по описанію Гордона. С. А. Терновскаго. 1875 г. Ц. 30 к.

65) Ист рическій характеръ книги Іудиѳь. Н. М. Дроздова. 1876 г. Ц. 65 к.

66) Богослуженіе христіанское со времени апостоловъ до четвертаго вѣка. Ѳ. А Смирнова. 1876 г. Ц. 2 руб

67 Матеріалы для исторіи славянскаго языкознанія Литература изслѣдованій о церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ. Ив. Ив. Балицкаго. 1876 года. Ц 1 р. 25 к., на лучшей бумагѣ 1 р. 50 коп.

68) Жизнь Іисуса Христа по евангеліямъ и народнымъ преданіямъ. К. И. Скворцова. 1876 г. Ц. 2 руб.

69) Подложное письмо половца Ивана Смеры къ великому князю Владиміру святому. Ив. Игн. Малышевскаго. 1876 г. Ц. 75 коп.

70) Историческая записка о состояніи Кіевской Академіи въ минувшее пятидесятилѣтіе. *Его-же*. Ц. 40 к.

71) Дѣятельность митрополита Евгенія въ званіи предсѣдателя конференціи Кіевской Академіи. *Его-же*. Ц. 30 к.

72) Бесѣды о св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, просвѣтителяхъ славянскихъ. *Его-же*. Ц. 30 коп.

73) Историческій взглядъ на взаимныя отношенія между сербами и русскими въ образованіи и литературѣ. Н. И. Петрова 1876 г. Ц. 60 к.

74) Московское государство при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и патріархѣ Никонѣ, по запискамъ архидіакона Павла Алеппскаго. Ив. Аболенскаго. К. 1876 Ц. 1 р. 50 к.

75) Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т I. (847 стран.). К. 1876. Ц. 4 р.

76) Отношеніе римскаго государства къ религіи вообще и къ христіанству въ особенности до Константина великаго включительно. *П. А. Лашкарева*. Кіевъ, 1876 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

77) Сверхъестественный элементъ въ новозавѣтномъ Откровеніи. *Ст. М. Сольскаго*. Кіевъ. 877 года. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

78) Ученіе Аугсбургскаго исповѣданія и его апологіи о первородномъ грѣхѣ. *М Ф. Ястребова*. 1877 г Ц. 1 рубль.

79) Опытъ историческаго изслѣдованія о числѣ монастырей русскихъ, закрытыхъ въ XVIII и XIX вв. *П Чудецкаго*. 1877 г Ц 50 коп.

80) О писаніе рукописей церковно-арх. музея. *Н. И. Петрова*. 1877 г. Вып. 2-й. Ц. 1 р. 50 к.